

Детектив

для попаданки

Млана Васина

Его отшлифованный образ: классный парфюм, белая рубашка, дорогие часы на запястье никак не стыкуются с первобытным выражением лица. Он подходит ко мне, огромный бугай, выше меня на голову, шире в два раза, и прижимает к стене. Опомившись, колочу его машинкой, отталкиваю, но он хватает меня за кисти рук, играючи пригвождает к стене и прижимается ко мне губами, воняющими алкоголем. Я мычу, отбиваюсь, брыкаюсь, но он держит меня крепко, в перерывах между пьяными поцелуями зажимает мой рот ладонью и сбивчиво бормочет в ухо:

— Почему не отвечаешь на звонки? Игноришь, как последнего задрота... После той ночи я схожу по тебе с ума, а ты... Свою игру ведешь... Амнезию придумала... Ну, так черт с тобой! Ты победила!

Глава 1

Пол часа ожидать запеченый лосось — это чертовски долго. Особенно, когда ты голодная и уставшая после напряженного рабочего дня. И все же нельзя не отдать должное Андрею — он не прогадал с рестораном.

Здесь элегантный интерьер, вежливый персонал, а главное прохлада. С учетом тридцатиградусной жары, царящей за стенами этого заведения, качественный кондиционер греет мне душу. Медленно цежу ледяную воду с лаймом и мятой из идеально чистого стакана. Как же мало надо для счастья в знойный день!

Снегирев на минутку отлучается в туалет, и я поспешно залезаю в сумочку. Вытаскиваю оттуда сюрприз от подруги: самодельную конфету из мега полезных ингредиентов: орешков, сухофруктов и специй. Аня завернула сладость в пестрый бумажный фантик, к ней прилагается предсказание. Быстренько закидываю угощение в рот, почти мычу от удовольствия. Шепотом читаю предсказание на маленьком бумажном квадрате: «Тебя ждет неожиданный поворот судьбы. Готовься к падению в кроличью нору, дорогая!»

Жуть какая! Не нужно мне никаких поворотов и падений тем более! Когда встретимся с Аней, пропесочу ее за мрачные напутствия. Хорошо хоть, что конфета вкусная оказалась! Как раз успеваю дожевать сладость, когда возвращается Андрей.

Одетый во фрак официант степенно, не спеша приносит нам поднос с едой. При виде яств на тарелках у меня кружится голова, а рот непроизвольно наполняется слюной. Мама дорогая, веду себя, как фуд-маньячка! Три дня на голодном пайке, чтобы влезть в желанное платье, довели аппетит до невменяемости. Я настолько алчу еды, что едва замечаю своего мощногабаритного парня, сидящего передо мной во всей красе: чисто выбритого, со свежей стрижкой, в деловом костюме, в новой рубашке и пахнущего дорогим парфюмом.

Аккуратно отрезаю кусочек лосося. Еле сдерживаюсь, чтобы не сожрать всю порцию с тарелки в два глотка. Но даже первые крохи еды донести до рта так и не успеваю. Андрей ловит мой взгляд и цепко его удерживает своими карими глазами. Накрывает руки горячими ладонями, таким образом отрезав мне доступ к еде, и заявляет:

— Я считаю, что Карина Снегирева звучит солиднее, чем Карина Тарелкина. Что думаешь?

Что думаю? В первый момент думаю, что он издевается. Есть не дает истощенной девушке — раз! Опять над моей фамилией потешается — два! Но потом, на счет три до меня доходит смысл сказанного. Когда в моих глазах, наконец, проявляется понимание происходящего, а рот приоткрывается от удивления, Андрей встает передо мной на колени и вытягивает из кармана серебристую коробочку. Достает из нее кольцо и спрашивает:

— Карина Тарелкина, согласна ли ты стать Снегиревой?

Романтик из него так себе, однозначно! Хотя какая романтика в моем случае, с Мишей-то на руках? В моей ситуации вообще чудо, что замуж зовут!

Наши отношения с Андреем уже два года шли к этому этапу. И, наконец, дотопали-таки старческим, хромающим шагом до предложения руки и сердца! Но, к своему удивлению, никакой радости я не испытываю. Сейчас меня почему-то ужасно занимает мысль: интересно, кто поймает мой букет невесты?

Произношу улыбаясь тихое, но отчетливое: «Да», и лицо Андрея, еще минуту назад каменное от напряжения, наполняется радостью. Он дрожащими пальцами надевает кольцо

на мой палец. В его огромных руках мои пальцы смотрятся совсем крошечными, как будто кукольными. Вскочив на ноги, он заключает меня в свои медвежьи объятия, и я всерьез боюсь, что мое новое платье цвета кофе со сливками вот-вот треснет по швам заодно со своей хозяйкой.

Официант, будто по щелчку невидимого дирижера, приносит бутылку шампанского и бокалы. Хлопок вылетающей пробки — и вот уже светлая, пузыристая жидкость, шипя и фыркая, разливается по бокалам.

Андрей садится напротив меня, волнение на лице сменяется, наконец, облегчением. Он вновь становится самим собой: заводилой и душой компании.

— Карина, пьем за нас до дна! За тебя и меня, дорогая! Уверен, мы будем счастливы вдвоем! Как в тех стихах:

Когда закончится разлука, Любовь и счастье придут в дом, Зажжем свечу, присядем круто...И будем счастливы вдвоем.

Согласно кивнув, отпиваю глоток пенящейся влаги, приступаю, наконец, к лососю и поправляю теперь уже жениха:

— Втроем.

— Что?

— Счастливы не вдвоем, а втроем.

— Ах, да, теперь дошло и до машиниста! Конечно, со временем у нас появится ребенок и нас станет трое! А потом заделаем еще пару-тройку мальчиков-девочек ради демографии! Но сначала поживем для себя. Мальдивы, Бали, Сейшилы — поедem, куда захочешь! Еще шампанского?

Грудь полнится противным, гадостным чувством. А Миша? Как же он, мой родной брат, мой особик? Я уже сто раз могла бы выскочить замуж. Внешние данные, слава Богу, позволяют! Хрупкая блондинка с ангельским личиком и ногами от ушей! Свое дело. Самостоятельная, независимая и далеко не глупая. Но уже на третьем свидании я непременно ставлю в известность своих ухажеров, что у меня есть брат аутист и что он останется со мной навсегда. Чаще всего, парни сразу по-тихому сливаются. Некоторые, особо нахальные, предлагают секс без обязательств. Мой нынешний парень — единственный, достойно прошедший испытание братом. И поэтому первый, кто слышит от меня: «да» на всех этапах наших отношений. Но этот его финт про «счастливы вдвоем» ударом под дых выбивает из груди весь воздух.

— Ты, кажется, забыл про Мишу.

Андрей лишь небрежно пожимает плечами:

— Так, я не понял, чем ему плохо будет в другой квартире рядом с сиделкой? Или в интернате? Ему же все равно кто вокруг него тусит, не?

— Не все равно, — мотаю растерянно головой. Поверить не могу, что после двух лет знакомства я должна опять это объяснять! — Он на меня единственную реагирует! Даже за руку берет, хотя все тактильные ощущения для него — мука несусветная!

От волнения, от нахлынувших эмоций, как всегда, начинает нещадно зудеть правая мочка уха, и я, чуть развернувшись, пытаюсь незаметно поскрести ее пальцами.

— Ага, помню. Ты говорила, он из-за этих своих заморочек гольшом ходит! Если ты думаешь, я соглашусь, чтобы у меня по дому бродил невменяемый, голый мужик, то сильно ошибаешься! А вдруг ему что-то во мне не понравится... вдруг мы с тобой поссоримся, и он меня ночью отправит, так сказать, в мир бестелесных скитальцев?

В горле клокочет злость, возмущение и обида. Хочется выплеснуть их в упреке, обозвать его обманщиком, вором, укравшим два года моей жизни. Но ведь по факту это не он виноват, это я дура набитая! Мои ожидания он оправдывать не обязан! Я говорила о своих планах, он кивал с умным, все понимающим видом, но о своих замыслах помалкивал.

Ну и черт с ним! Раз в комплекте с братом он меня не желает, это все в корне меняет. Снимаю с пальца кольцо, швыряю его в бокал с шампанским, поднимая со дна новый столп пузырьков, и заявляю:

— Во-первых, он ходит не голый, а в трусах. Во-вторых, если мой брат для тебя — невменяемый мужик, то твоя блестяшка мне теперь и даром не нужна!

Андрей взрывается от гнева:

— Отлично, вот и оставайся дальше Тарелкиной! Найду себе нормальную девчонку без кучи чокнутых родственников!

Встаю, вынимаю из сумочки деньги, швыряю банкноты на стол со словами: «За себя заплачу сама. Мне теперь от тебя ничего не нужно!» и гордо направляюсь на выход.

Но дойти до двери не успеваю. Сзади ко мне подлетает Андрей, хватая за руку, прижимает меня, барахтающуюся, к себе и бормочет:

— Прости, прости меня, дурака безмозглого! Я люблю тебя! Реально, без базара! Люблю. Поэтому снова прошу: стань моей женой! На сей раз мой первый тост будет за жизнь втроем! Ты, я и твой брат!

Краем глаза ловлю на нас косые взгляды посетителей, но мне сейчас не до приличий.

— Не нужно мне твоих одолжений, — стиснув зубы, пытаюсь выскочить из его железной хватки. — Поздно опомнился! Теперь я знаю, что ты на самом деле думаешь!

Он, крепко держа меня за руки, опускается передо мной на колени и просит:

— Дорогая, любимая Карина, пожалуйста! Окажи мне честь, стань моей женой! Умоляю, не отвергай своего жалкого раба!

Едва вырываюсь из его стальных лапищ и, гордо выпрямив спину, иду на выход. Мои шаги отдаются гулким, размеренным цоканьем по залу. От досады еле сдерживаю слезы. Два года коту под хвост. Отныне буду умнее! Никаких туманных недомолвок, никаких догадок и додумываний! Только честные, откровенные переговоры на берегу. Больше меня на мякине не проведешь!

Берусь за ручку двери и, кажется, ее нажимаю. Это последнее, что я помню. Голова начинает кружиться.

— Наверно, от шампанского, — успеваю подумать я и теряю сознание.

Просьпаюсь в незнакомом месте. Еще лежа с закрытыми глазами чувствую: здесь противно пахнет медикаментами. Что-то мерно плачет неподалеку от моей головы. Хотя и негромко, но ужасно раздражает! Открываю глаза и щурюсь от яркого света, кувалдой ударившего в затылок. Боль пульсирует, потихоньку затихая, но до конца не уходит. Остается маячить на заднем фоне, сильно, правда, не мешая.

Оглядываюсь по сторонам. Я нахожусь в светлой, просторной палате в полном одиночестве. Соседняя койка свободна и аккуратно заправлена голубым одеялом в белую полоску. Что я здесь делаю? Последнее мое воспоминание — как Андрей уговаривает меня выйти замуж, а я упрямо отбрыкиваюсь. Интересно, где он сейчас? Волнуется, наверно, что без пяти минут невеста грохнулась в обморок! Видимо, при падении треснулась головой об пол — оттого и отбивает чечетку затылок.

Хорошо бы добраться до телефона или хотя бы до медсестры и позвонить Андрею. Надо его успокоить! А еще связаться с Людмилой, сиделкой. Она, наверно, уже оборвала телефон в попытке со мной поговорить. Так и раньше бывало: из-за внезапного наплыва дел я могла задержаться на работе, но при этом я всегда заранее, за дополнительную оплату просила остаться с Мишей на ночевку!

Пытаюсь пошевелиться. Пальцы двигаются, но ощущения необычные. Может, из-за уколотых лекарств? Поднимаю руку вверх и замираю от неожиданности. Мои обычно тонкие пальчики выглядят теперь опухшими гигантами, с кроваво-красным маникюром на ногтях. Хихикаю про себя: значит, точно побочка от лекарств! Раз пошла такая пьянка, продолжу-ка я осмотр! Когда еще так повеселюсь?

Сдернув с себя одеяло, осторожно задираю вверх ногу. Вместо кукольной, изящной ножки вижу длинную, прокачанную конечность спортсменки. На пальцах ног педикюр с красным лаком. Никогда себе таких ярких ногтей не делала! Продолжаю глупо хихикать. Так смешно мне еще никогда не было! Надо спросить, чем меня здесь обкололи. Я слышала, во время родов дают иногда веселящий газ. Может, иногда им и с не рожаящими делятся?

Усаживаюсь на пятую точку и спускаю ноги с кровати. В голове туман. Все воспринимается будто сквозь плотный слой ваты. Мысли — тугие шестеренки, которые неохотно, со скрипом вращаются в голове. Вот бы чашечку эспрессо сейчас, чтобы подхлестнуть ленивые мозгоклетки!

Отсоединяю от себя белые проводочки. Встаю на ступни и, чуть пошатываясь, шлепаю босыми ногами к выходу по холодному, гладкому полу. Открываю дверь одновременно с какой-то женщиной снаружи, и мы обе, увидев друг друга в такой близости, от неожиданности орем. Медсестра (только они одеваются в такие милые, белые халатики) первая приходит в себя и мягко упрекает:

— Катя, вам еще рано вставать! У вас же сотрясение! Вам еще лежать и лежать!

— Во-первых, меня зовут Карина, — отвечаю я и уже почти без удивления подмечаю свой изменившийся, чуть с хрипотцой голос. — Во-вторых, я готова лежать, сколько потребуется. Только телефон мой отдайте, пожалуйста! Мне надо срочно сделать пару звонков.

Женщина недоверчиво на меня таращится. Ее большие голубые глаза, как будто разглядывают привидение. Или даже инопланетную нечисть, которой однозначно не стоит

доверять. С чего бы? Усаживает меня обратно на кровать, просит нежно и бережно, как умалишенную:

— Полежите немного в кроватке! Я сейчас к вам доктора позову.

— Ладно. Только вы про телефон не забудьте! Мне нужно сиделке позвонить, узнать, как там брат.

Она растерянно кивает и поспешно уходит. Вскоре приходит доктор. Сухонький, прямой, как доска и абсолютно седой. Осматривает мои глаза. Просит вращать ими вправо и влево, но дается мне это с огромным трудом. Доктор, удовлетворенно хмыкнув, отмечает мои затруднения и просит меня встать, сдвинуть ноги вместе, а руки вытянуть перед собой и закрыть глаза. Что за гимнастика для пенсионеров? Еле удерживаясь от смеха, встаю, как он просит, закрываю глаза и внезапно меня круто заносит влево. Как раз в объятия старичка доктора, еле удержавшего меня от падения.

— Простите, я не специально! — лепечу виновато.

Глядя на него, втихую ему сочувствую. Я и себя-то со своими ста шестьюдесятью сантиметрами считаю мелкой, а уж этот дяденька на голову ниже меня — совсем крошка. Про себя я так и начинаю его называть: крошка-доктор. Он вдруг перестает меня мучить, усаживает на кровать и монотонно бубнит:

- У вас черепно-мозговая травма. Попросту говоря, сотрясение мозга. В принципе, ничего тут страшного, если учесть, что ваше лобовое столкновение с деревом могло закончиться намного плачевнее. Правда, меня немного волнуют ваши провалы в памяти. Вы первым делом отлежитесь, а дальше будет видно. Если память не восстановится, будем делать обследование. Ваш муж уже в курсе, что вы пришли в себя и едет за вами. Прописываю вам постельный режим как минимум на четыре дня. Если дома почувствуете себя хуже, звоните!

Муж? Это с каких таких пор у меня есть муж? Почему-то из длинного врачебного монолога мой бедный, не вполне дееспособный мозг вычленил только это.

— Я вообще-то не замужем, — беспомощно лепечу я. Перед глазами все плывет и сливается. Голова доктора ни с того, ни с сего вдруг отчетливо двоится. Что-то я сегодня читала про внезапный поворот судьбы и про падение в кроличью нору. Все это слишком, слишком странно! — Доктор, чем вы меня накачали?

— Ничем. С момента вашего приезда мы лишь сделали вам рентген. Убедились, что ваше состояние стабильно и дали вам отдохнуть.

Хоть мне и паршиво сейчас, упрямо стою на своем. Надо его убедить до того, как он передаст меня на руки какому-то чужому мужу.

— Я не Катя, а Карина. У меня нет мужа, что бы там Андрей вам не наговорил, зато есть брат аутист. И аварии никакой не было. Я выпила шампанского, голова закружилась и я при падении ударилась об пол.

Доктор открывает было рот, чтобы ответить, но не успевает. Дверь размахисто отворяется, и в комнату заходит высокий, крепко сбитый мужик. Лицо, наверно, сошло бы за красивое, если бы не борода. Не жалею я заросших неандертальцев. Одет в темную футболку и джинсы. Он не похож на врача — ведь жесткий взгляд темных глаз совсем не тянет на врачебный. Смотрит на меня, как Атос на Миледи, будто размышляя: казнить сейчас или чуть позже? Откуда такая неприязнь к незнакомому человеку? Я попала в странный мир, где все катастрофически идет не так, как надо.

— А вот и ваш муж, Катенька! Аким, быстро вы доехали! — это он уже говорит мужику,

объявившему себя моим мужем. Тот подходит ко мне вплотную, нависает надо мной мощной стеной и цедит сквозь зубы:

— Переодеваться будешь или решила больничную сорочку стырить?

— Мужчина, с вами я никуда не поеду, — заявляю решительно и, повернувшись к врачу, прошу, — Дайте мне, пожалуйста, мой телефон! И одежду мою тоже, если можно!

— Да, да, подождите минуту! Сейчас скажу медсестре, — обещает врач и куда-то уходит. Ловлю на себе неприязненный взгляд чужака. Да кто ты такой и что тебе от меня надо? Сгинь, исчезни, налипший банный лист! Голова опять кружится, и я осторожно укладываюсь на койку, целомудренно одернув ночнушку. Вижу, как он, подбоченясь, подходит к окну, загородив собой почти весь проем и основательно затемнив палату. Присаживается на подоконник и с ухмылкой выдает:

— Твоя выходка с аварией ничего не изменит! Я все равно с тобой разведусь, как только сможешь накарять свою закорючку на документах о разводе!

— Уважаемый, — твердо заявляю ему чуть заплетающимся языком, — я не вчера родилась. И подписи ставлю только в присутствии проверенных адвокатов. Хотя документ о разводе с вами подписала бы хоть сейчас, лишь бы вы исчезли куда подальше! От одного вашего вида меня мутит.

Мужик сжимает рот, скрещивает руки на груди и недоверчиво на меня таращится.

— У тебя есть адвокат? Как его фамилия?

— Марат Гаримов. Его номер вам скину, как только мне вернут мой смартфон. И, кстати, попрошу мне не тыкать, а то нарветесь на ответное хамство.

Мне вдруг ужасно хочется в туалет. Встаю еле-еле и по стеночке, едва переступая ногами, двигаюсь в сторону коридора. Чувствую сильную слабость. Но выбора-то нет! Поэтому медленной черепахой продолжаю плестись к двери.

Где-то около выхода из палаты, я почти теряю равновесие, но, еле удержавшись, двигаюсь дальше. Случайно ловлю на себе жесткий, насмешливый взгляд незнакомца. Он, конечно, думает, это театр одного актера, разыгранный сугубо для него. Мамочки, только бы дойти до туалета и не рухнуть на пол мешком картошки на радость этому гаду! Выйдя из палаты, вижу проходящую мимо сестру. Спрашиваю, где туалет и она торопливо указывает мне на какую-то дверь. Продолжая держаться за стеночку, ковыляю туда. Зайдя внутрь, закрываюсь и, наконец-то, использую уборную по назначению. Потом потихоньку встаю, подхожу к раковине и включаю воду, чтобы помыть руки. Мой взгляд при этом скользит по большому зеркалу, висящему передо мной на стене, и я вдруг напрочь забываю дышать.

Прямо на меня смотрит отражение чужой девушки. Смуглой брюнетки с серыми глазами. Красивой, бесспорно, но абсолютно чужой! Прикладываю ладонь к зеркалу, хочу стереть это наваждение, невыносимый фейк, мучительно раздражающий меня диссонанс, но оно не стирается. Бью по нему кулаком, кричу что-то изо всех сил, но из горла вырывается лишь каркающий хрип. Это не я! Не я! Наклоняюсь к унитазу и желудок выворачивается наизнанку.

Значит, мне не показалось, что потолки, стулья, столы и люди вдруг стали ниже! Это не они стали ниже, это я стала выше сантиметров на двадцать! Даже если отдать меня в руки лучших пластических хирургов, невозможно выкроить из моих ста шестидесяти высокое, тренированное тело! Как же так?

Перед мысленным взором вихрем крутятся факты: меня то и дело называют Катей, какой-то мужик считает меня своей женой, и у меня совершенно другая внешность. Все эти

разрозненные кусочки вдруг сплетаются в цельную картинку. Похоже, пока я была в отключке, чья-то капризная, вероломная сила переселила мою душу в совершенно иное тело! Чем ей старое не угодило? Я ведь так его берегла и нежно о нем заботилась!

Голова опять идет кругом! Мне бы куда-нибудь прилечь! Готова даже здесь, на голубом кафельном полу улечься, так я устала! Еле-еле заставляю себя выползти из туалета и, медленно, едва переступая ногами, снова плетусь к себе в палату.

Там меня поджидает доктор, прямо при мне чехвостящий Акима. Как он мог меня одну отпустить за эти стены? А если я грохнусь на пол? А если второе сотрясение подряд? Тогда я не то что память потеряю, а вообще могу в кому впасть!

Мужик невозмутимо держит удар, все также ухмыляясь.

— У нее не череп, а стальная броня, док. Ею можно танки от пушек прикрывать, ничего с ней не станется! Вы зря за нее переживаете!

Черт его раздери! Чем же ему так насолила его женушка, раз он ТАК ее ненавидит? Доктор протягивает мне смартфон, светлый кожаный рюкзак и одежду. Как я уже догадалась, телефон не мой и одежда тоже. Все это ее, Кати — предыдущей хозяйки тела. И кстати! Раз я здесь, в ее теле, то куда запропастилась она? Если узнаю, что она заграбастала себе мою замечательно схуднувшую тушку, раненых оставлять не буду! Однозначно!

Как только в моих руках появляется почти невесомая стопка одежды, сообщаю:

— Я хочу остаться одна. Мне нужно переодеться.

Сестра, беспокойно взглянув в мои опять поплывшие глаза, то ли интересуется, то ли любезно информирует:

— Вам нужна помощь.

Мужик, тут же подхватив эту тему, деловито заявляет старичку:

— Док, пока вы оформляете документы на выписку, я помогу жене переодеться.

Смотрю на него с нескрываемой злостью. Чем бы ему не насолила жена, уверена на все сто: у нее имелась на то причина! Шиплю сердито:

— Ну что ты, не стоит! Свой бронебетонный каркас как-нибудь упакую сама!

Далее следует немая сцена. Мед персонал выжидающе, с упреком смотрит на мужика, и тот нехотя, поддаваясь их молчаливому давлению, удаляется вместе с ними.

Как только дверь за ним закрывается, я скидываю с себя ночнушку и выхватываю из аккуратной стопки одежды трусики. Катя не слишком мудрствовала по поводу белья — оно у нее белое и такое же простое, как носовой платок. Кажется, этот мини-парашютик называется «спортивное белье». Натягивая на себя трусы, замечаю плоский живот и едва заметные кубики пресса. Кидаю взгляд на руки — мышцы красиво прорисованы под кожей. Мне, привыкшей к диетам, но не к спорту, такое тело кажется выигрышем в лотерею. Тело фитоняшки, перепавшее мне по большой халяве! Выиграла джекпот, ни разу не вспотев в зале!

В этот момент дверь резко открывается, и в палату врывается Катин муж. Успеваю лишь испуганно ахнуть и прижимаю руки к голому бюсту. Он оценивающе прохаживается по мне наглыми, жадными глазами и заявляет:

— Я забыл тебе чистую одежду отдать. Хватай! — и кидает мне в руки пластиковый пакет. Рефлекторно ловлю пакет, на миг демонстрируя грудь, а потом прижимаю к себе пакет, ужасно краснея от стыда и возмущения. Жду, когда этот наглец отсюда испарится. Но уходить он не торопится, будто нарочно играет на натянутых нервах. Прислоняется к стенке и произносит:

— Теперь, когда все мы поняли, какая ты гордая и самостоятельная, давай помогу тебе одеться! Если ты опять ударишься головой, мне придется уйму времени дожидаться, пока тебя признают вменяемой и твою подпись посчитают действительной в суде.

Ага, дошло, наконец-то, что я ни капли не симулирую! Не нужна мне твоя помощь, скотина бесчувственная! Одной рукой указываю на дверь и сердито подсказываю:

— Дверь там!

Он, небрежно пожав широченными плечами, снова выходит. Жаль, что здесь не дают ключей от палаты. Поспешно натягиваю спортивный бра, а поверх белья надеваю кремовые спортивные штаны и белую футболку с уродливой надписью «Совесть есть, но с собой не ношу. Боюсь потерять.» Затем носки и белые кроссовки. Одежда качественная, прочная и чистая, но настолько простая, что я не верю своим глазам. То ли Катя слепая была, то ли глупая. Как еще объяснить такую одежду на таком теле? Да я бы с этой фигурой фитнес модели носила только изящные сетки, платья, шпильки и прочие девичьи навороты!

Когда я уже одета, хватаю смартфон и сталкиваюсь с очередной проблемой. Он

запаролен. И — надо же такому случится! — Катин пароль мне неизвестен. В отчаянии кидаю его на мягкую койку. Мне нужно срочно позвонить Людмиле! Все равно уже какой ценой! Покачиваясь, кидаюсь на выход и сразу за дверью нахожу Катиного мужа, в явной скуке подпирающего стенку, скрестив на груди мощные руки. Упс! Неловко как-то получается! Криво улыбнувшись, прошу:

— Я забыла пароль на своем смартфоне. Можно позвонить с твоего?

— За лоха меня не держи! Короткий пароль забыла, зато длинный номер помнишь?

— Давай тогда врача позовем! Пусть он тебе сам объяснит, что амнезия бывает пунктирная: помнишь, что было два часа назад, но забываешь, что случилось пять минут назад.

Как ни странно, довод про позвать врача и пунктирную, только что придуманную мной амнезию его убеждает. Он нехотя достает из кармана смартфон и протягивает его мне. Когда мои пальцы касаются гладкого пластика, он добавляет:

— Но говорить будешь только в моем присутствии. Держи дисплей так, чтобы он все время был на виду!

Ай, да черт с ним! В присутствии — так в присутствии!

Поспешно набираю номер Людмилы, пока муж, стоя за моей спиной наблюдает за беготней моих пальцев по цифровым дигикнопкам. После пары гудков вызов принимают.

— Людмила, здравствуйте!

В ответ недолгая пауза и неуверенный вопрос:

— Здравствуйте. Кто это?

Вспоминаю, что голос мой поменялся, как и внешность, и номер телефона. А я даже не потрудилась придумать легенду для этого звонка. Начинаю тараторить первое, пришедшее в голову:

— Это Катя, подруга Карины Тарелкиной. Она просила меня позаботиться о Мише, если с ней что-то случится. Оставила ваш номер. Карина не позвонила мне сегодня, как обещала, сама я тоже до нее не смогла дозвониться. Вот и звоню, чтобы проверить, как там Миша.

— Если вы такая уж ей близкая подруга, то могли бы хоть на ее похороны прийти! Только вчера ее похоронили.

— Похоронили? — в ужасе замираю безмолвной статуэткой. То есть я умерла? Точнее, не я, а мое чудесное, любимое тело? Бред какой! Так ведь не бывает! Голос Людмилы нетерпеливо выдергивает меня в реальность:— Ну да, да, похоронили бедняжку. До сих пор полиция всех шмонает. Пытается выяснить, кто ее отравил.

— Ее отравили? — функционирую, как тугоумное эхо. Лишь повторяю шокирующие фразы вслед за собеседницей.

— Да. Отравили ее. Так вы про Мишу хотели узнать?

— Да, — почти кричу от волнения, и принимаюсь чесать ужасно зудящее правое ухо. — Как там Миша?

— Ну что, Мишина опекунша вроде как оплачивает его проживание и уход. Так что парень в порядке. Со мной аж на год вперед контракт продлили. Странно, что Карина просила и вас о нем позаботиться! Не может ведь быть двух опекунов!

— А кто сейчас его опекунша?

— Анна Кривошеева — вроде так ее зовут. Такая высокая, эффектная девушка. Они с Кариночкой дружили.

В этот момент вспоминаю. Точно! Год назад я пожаловалась Аняте, что переживаю за Мишку. Случись что со мной, и некому будет о нем позаботиться! Ведь родственников у меня никаких не осталось! Аня тогда первая предложила оформить завещательное назначение опекуна на ее имя. Я ужасно обрадовалась! Мы вместе пошли к нотариусу и быстренько все оформили. Хорошо, что Людмила осталась с Мишей! С облегчением, выдыхаю.

— А как Миша? Он в порядке? Ну... Сестра все-таки умерла!

— Да он и не понимает ничего толком. Хотя всю эту неделю после ее гибели он себя необычно вел. Так-то он спокойный, если учиываешь его особенности. А тут он ходил сам не свой, в стенки тыкался, мычал, кулаком бил.

— Бедный мальчик!

— Ох, и не говорите! Ну, вы простите, мне уже пора идти. Скоро его кормить, а мне еще на тарелке радугу раскладывать.

Улыбаюсь, вспоминая, как Миша любит еду, разложенную по цветовым гаммам. Сразу тепло на душе становится. И тоскливо очень. Понимаю, как сильно по нему соскучилась.

— Знаю, что он, наверно, ничего не поймет, но все-таки я вас очень прошу: передайте ему от меня привет!

— Ладно, мне не трудно. От Кати?

— Да, — по щеке сползает слеза. — От Кати.

Попрощавшись, отключаю вызов. Застываю без сил. Пытаюсь переварить услышанное, но у меня ничего не выходит. Из невеселых мыслей меня вытягивает Аким. Он извлекает свой телефон из моих пальцев и спрашивает:

— У тебя подруга умерла?

— Не просто умерла, — глухо отзываюсь. — Ее отравили. Как? За что? Хорошая девчонка была. Никому зла не делала!

— Странно как. Не думал, что ты переживаешь за кого-то, кроме себя.

Он вдруг подходит ко мне и заключает в объятия. Поначалу хочу его оттолкнуть, но, стоит мне оказаться в его теплых руках, как из горла рвутся рыдания, которые я больше не в силах сдержать. Утыкаюсь лицом в его плечо и рыдаю, громко всхлипывая и тихонько поскуливая. Прощаюсь со своей прошлой, утерянной жизнью и дорогими мне людьми. Оплакиваю ту доверчивую, наивную девочку, которая верила людям и считала что сделанное добро непременно вернется бумерангом. Когда, как следует наплакавшись, отхожу от Акима, утирая мокрые щеки, лицом к лицу сталкиваюсь со смуглой, сероглазой брюнеткой, сердито чеканящей:

— Руки прочь от моего мужа, воровка проклятая!

Ничего не понимаю! Очередной глюк? Побочный эффект переселения? Или это взаправду сейчас передо мной стоит Катя, прожигая меня гневными глазами? Перевожу взгляд на пресловутого мужа. Он ее не видит. Проходит мимо этой фурии, подхватив пакет с моими вещами, а затем и меня хватает под локоток:

— Идем, подпишем документы, и на выход!

Ну все, приехали! Похоже, наступила пора познакомиться с предыдущей хозяйкой тела!

Пока заполняем документы на белом, просторном столе администратора, передо мной то и дело мелькает Катина фигурка. Она описывает круги вокруг стола и сыплет ругательствами. Ее гнев направлен на меня, и я чувствую его на своей коже противными, холодными покалываниями. Мне кажется, я сошла с ума.

Стараюсь не поднимать глаз, пока заполняю бумаги. Еле держусь, чтобы не зажать уши и не застонать от отчаяния. Мне тяжело фокусироваться, и на каждом шагу я спрашиваю Акима, что писать. Но вдруг прямо на бумагу опускается Катина рука, закрывая все нужные графы, и раздается ее хрипловатый приказ:

— Верни мне тело, змеюка!

Я бессильно опускаю ручку на бумагу и прошу Акима:

— Что-то голова кружится. Заполни, пожалуйста, за меня, а я подпишу.

Он мрачно кивает, забирает ручку и склоняется над столом, не удержавшись от шпильки:

— Документы на развод по той же схеме прогоним?

Пожимаю плечами и закрываю глаза. Когда я не вижу, от кого сейчас исходят ругательства в мой адрес, я не кажусь себе настолько чокнутой.

Покончив с документами, выходим из больницы. Аким держит меня под локоть и на месте его крепкой хватки ноет рука. То ли он боится, что потеряю равновесие и шмякнусь об асфальт, то ли специально не церемонится, чтобы показать свое ко мне дрянное отношение. Осторожно освобождаюсь от его захвата. Лучше уж я как-нибудь сама потихонечку!

Пока идем к машине, пытаюсь хотя бы примерно разобраться, где я? Оглядываюсь на здание — белое, кое-где покоцанное, так что из-под облупившейся штукатурки торчат кирпичи. Какая-то заботливая душа посадила на клумбе перед входом яркие ноготки. Вспоминаю, как мама сушила календулу, выращенную на даче, и сама делала из нее настойку. Неуклюже приседаю, отрываю крохотный оранжевый бутончик и глубоко вдыхаю его терпкий аромат, уносящий меня в беззаботное детство. Тут же ловлю на себе мрачный, осуждающий взгляд Акима:

— За мелкое хулиганство дают до пятнадцати суток. Хочешь на нарах отлежаться?

Ядовито-токсичный ты мой! Посылаю ему кривую улыбку. Пошатываясь поднимаюсь и продолжаю движение к парковке. Чуть-чуть левее больничного здания замечаю какие-то постройки, напоминающие то ли магазины, то ли складские помещения. С другой стороны больнички раскнулось поле, по изумрудной зелени которого сейчас мирно гуляет небольшое стадо коров. Похоже, я в глубокой провинции.

Доходим до машины. Это огромный черный джип. Внутри душно и опаляюще жарко, но включенный кондиционер за считанные минуты охлаждает салон. Пока Аким садится за руль, я устраиваюсь полулежа на сильно откинutom кожаном сидении. Здесь приятный запах, который доносится от сосновой пахучки, висящей на зеркале заднего вида. Стараюсь фокусироваться на свежем аромате — ведь это единственное, что мне сейчас нравится в моем окружении.

Снова закрываю глаза и сама не замечаю, в какой момент Катин голос исчезает. Трогаемся. Кажется, Аким старается ехать осторожно, медленно, но дорога неровная, меня то и дело потряхивает и пульсация в затылке отбивает свой ритм все сильнее и отчетливее.

Чтобы отвлечься от этого мерного тиканья в собственной голове, начинаю разговор:

— Ничего почти не помню. У меня есть свои деньги? Своя квартира? Хоть что-то свое?

Он ухмыляется и качает головой.

— Ничего у тебя своего нет. Ты бедна, как церковная крыса.

— Мышь, а не крыса.

— Крыса в твоём случае будет точнее.

— Подскажи, как называется крысиный муж? Хоть буду знать, как к тебе обращаться!

Слышу, как тяжелеет от гнева его дыхание. А потом он, почти уверена, нарочно наезжает на ухаб, и я пребольно шмякаюсь головой об сидение. Нет, так не пойдет! Если уж страдать рядом с ним, то хотя бы за дело. Продолжаю по крохам собирать информацию:

— Я работаю?

— Нет, дорогая. Ты паразитка. Всю жизнь живешь за счет других. Сначала за счет родителей, а потом я имел глупость их заменить, польстившись на твою шикарную обложку.

— Чем же я занимаюсь с утра до вечера?

— Твой день зиждется на трех китах: шоппинг, фитнес и инстаграм.

— А образование у меня есть?

Он с неприязнью усмехается, снова наезжая на ухаб. Голова взрывается фейерверками боли.

— А то! Куча курсов по фитнесу и питанию. Ты просто кладезь знаний, ни разу не умеющая готовить. Зато ты отлично наловчилась заказывать на дом органически-экологическую еду.

Становится не по себе. С телом мне повезло, конечно, но зато моя новая биография — это чистый, дистиллированный эгоизм, со всеми вытекающими. Понятно, почему он меня не выносит. Но мне кажется, это далеко не все. Ленивая, праздная жена — не причина для столь откровенной ненависти!

— Почему ты меня ненавидишь?

Он плотно сжимает рот. Вижу, как ходят от злости желваки на лице. Глухо говорит:

— Когда я вспоминаю об этом, то хочу тебя убить. Не будем об этом!

Искры безумия мелькают в его глазах и мне становится по-настоящему страшно. Если эта гора мышц всерьез на меня разозлится, боюсь, в своем новом теле я надолго не задержусь. С ветерком полечу по белому туннелю на яркий огонек. Как это называется в уголовном кодексе? Убийство в состоянии аффекта?

Но самое ужасное, что у эгоистки Кати, похоже, нет ни подруги, ни единого близкого человека, готового ей помочь в трудной ситуации. Поэтому, как ни крути, я обречена на проживание с ее мужем, в открытую истекающим на меня неприязнью. Весь остаток пути благоразумно молчу.

Мы съезжаем с шоссе и метров двести едем по гравийной дорожке. Подъезжаем к большому, двухэтажному дому с красной, почти картинной черепичной крышей и темно-бежевым сайдингом. Здание выглядит новым и окружено высоким, бардовым забором, из-за которого сейчас раздастся счастливое, собачье повизгивание. Аким нажимает на кнопку пульта, ворота открываются и мы медленно тащимся к дому. Снова нажатие пульта — и ворота отъезжают обратно. А затем перед нами поднимаются ворота гаража и мы заезжаем внутрь и выходим из машины. Замечаю, что если в больнице муж хотя бы пытался мне помочь в передвижении, то сейчас он меня откровенно игнорирует. Похоже, наш разговор в дороге только подогрел его бешенство. Ноги подкашиваются, и я уже в который раз за день

подпираю ближайшую стенку. Мне бы добраться до постели и аккуратно туда спланировать! Вот только ходить по всему дому в поисках кровати я сейчас не смогу — силенок не хватит.

Интересуюсь у мужа:

— Где я сплю?

— Вопрос неверный.

— Ну так поправь меня.

— Где *мы* спим! Пока ты моя жена, ты спишь рядом со мной! И это не обсуждается!

На этих словах ужасно хочется его пнуть. Да побольнее. Желательно в то самое место, которым он сейчас думает. Но моей напрочь опустевшей батарееки хватает лишь на то, чтобы вяло поинтересоваться:

— Ты некрофил?

— Пока тебя не отпели, ты живее всех живых.

Все свое возмущение посылаю ему во взгляде. Но на этом мои силы кончаются, стены начинают шататься, как и пол подо мной. Оглядываюсь по сторонам в поисках стула, но не успеваю его разглядеть. Перед глазами все плывет, пытаюсь за что-то схватиться, чтобы удержать равновесие, но руки скользят по пустоте и я начинаю падать.

Просыпаюсь в огромной кровати под женское пение на высоких тонах. Уши режет какофония нестройных, резких звуков. Но, как только открываю глаза, все стихает.

В комнате выключен свет, но сквозь незашторенные окна поступает тусклый отблеск луны. Мне ужасно жарко, и я пытаюсь скинуть с себя горячее одеяло. Одеяло вдруг оживает и недовольно мычит во сне, прижимая меня к себе крепче. В ужасе изогнувшись, вижу за своей спиной своего бородатого не-мужа. Он нормальный? Днем со всей силы ненавидит, а ночью спит со мной в обнимку?

— Воровка! — раздается прямо под моим ухом Катин голос.

Испуганно вздрагиваю всем телом. Горячая рука Акима, наконец, сползает с меня, и он переворачивается на другой бок.

Я выскальзываю из-под настоящего одеяла и обнаруживаю себя раздетой до спортивного белья. Приятная прохлада потихоньку окутывает кожу после ночной жары. Ищу свои вещи, но нигде их не вижу. Хочу уже выйти за дверь в чем есть, но Катин силуэт вдруг привстает с кресла и спрашивает:

— Ты не мои вещи искала?

Вижу, что на кресле, прямо там, где только что сидела девушка, лежат джинсы и футболка. Кидаюсь туда, но Катя шустро падает обратно, и вещи снова пропадают из вида. Во мне просыпается злость. Шутить со мной вздумала? Наклоняюсь к ней так, что мое лицо оказывается в пяти сантиметрах от ее злющих глаз, шарю рукой прямо внутри ее, как раз по месту ее бестелесной задницы. Пальцы, пройдясь по кожаной обивке, нащупывают одежду. Хватаю ее и выхожу из комнаты, тихонько затворив дверь.

Спускаюсь по лестнице и разглядываю дом изнутри. Замираю на миг, впечатлившись от увиденного. Я и сама в ипостаси Карины жила в просторной трехкомнатной квартире с евроремонтом, что по меркам мегаполиса почти шикарно. Но этот дом сказочно огромен! Столько свободного пространства, столько мягких, светлых тонов в интерьере! Здесь чувствуется рука хорошего дизайнера. Слышу сердитый голос:

— Что, нравится мой домик? Поэтому решила его у меня отжать?

Включаю свет и иду на кухню. Ступни ласково холодит гладкий, дубовый паркет. Даже

запах здесь вкусный, приятный, напоминающий свежеспиленное дерево. Подхожу к холодильнику и с предвкушением открываю. Мне кажется, я не ела лет сто, а то и больше! К своей радости, нахожу в нем початые упаковки яиц, сыра, сливочного масла и пол буханки хлеба. Вытащив продукты на кухонный стол, ищу теперь сковороду. Едва нахожу ее в дальнем шкафчике, под самым потолком. Похоже, ею пользовались нечасто. Хочу сделать себе горячие бутерброды.

— Так. Быстро хлеб и масло на место поставила! — слышу я истеричные нотки. — Тело мое, и я не позволю тебе его гробить!

— Послушай, — тихо обращаясь к Кате, чувствую себя последней шизофреничкой, — Хочешь свое тело назад — забирай! Мне чужого не надо.

Встаю, приподняв руки ладонями вверх в позе «сдаюсь». Жду так минуту, другую.

Катя сначала недоверчиво на меня поглядывает. Затем радостно покусывает губки, словно предвкушая, как она сейчас вернется в родные пенаты. Пытается даже в меня войти. Но она лишь проскальзывает мимо легким дуновением ветерка. Пробует снова и снова, но раз за разом ничего не выходит. Тогда она нетерпеливо закатывает глаза, взметает в воздух сжатые кулачки и рычит:

— Каааак мне попасть назад?

Пожимаю плечами и шепчу еле слышно:

— Откуда мне знать? Не имею ни малейшего понятия, как меня сюда занесло! И уж тем более не знаю, как отсюда выбраться!

А затем спокойно приступаю к готовке.

После съеденного завтрака настроение улучшается. В животе растекается приятное тепло, неторопливая барабанная дробь в затылке почти стихает, а самое главное, после неудачных попыток вернуться в свое тело Катя куда-то пропадает. Вместе с ней исчезают и ее претензии. Остаться одной в долгожданной тишине — нереальный кайф! Но долго он, к несчастью, не длится.

Как раз допиваю кофе за огромным столом, когда слышу по лестнице шлепание ног и вижу Акима. Он одет лишь в светлые спортивные штаны и на каждом шагу, при малейшем движении его мышцы бугрятся мощными, живыми холмами, и я беззвучно ахаю от восхищения. Темные волосы взлохмачены. Все еще сонные глаза, которые он сейчас трет пятерней, лишены обычной злинки, и больше меня не пугают. Он подходит к столу, хватая горячий бутерброд, правда, уже сильно остывший, и с хрустом отгрызает кусок. Со вкусом мычит и бросает на меня удивленный взгляд. Красавчик на мою голову! Ни тебе «спасибо за завтрак», ни «доброе утро!» Наливает себе в чашку кофе, принимая как должное, что он уже готово, заварен во френч прессе, и садится напротив. Интересуется:

— Как самочувствие?

— Почти нормально. А твое?

Он наливает себе кофе и мрачно зыркает мне в лицо:

— Мое самочувствие — не твоего ума дело!

От хлестких слов сжимаюсь, как от пощечины. Может, Катя и не слишком хорошая жена, но и Аким в рейтинге мужей предпоследний снизу! Найти бы поскорей работу, развестись с этим хамом и больше никогда не видеть! Мне ведь позарез нужны деньги, чтобы попытаться вернуться к Мише и разобраться в своей собственной смерти. Без денег я теперь обездвижена, связана по рукам и ногам где-то у черта на куличках. Справляюсь невзначай:

— Где мы живем?

Он аж давится от моего вопроса. Прокашлявшись, обводит рукой окружающее пространство и ерничает:

— В доме. Как бы.

— Нет, я про город. В каком городе мы живем?

— Колпино.

— Наверно, совсем крошечный городок! Много здесь народу живет?

— Тыщ сорок, а что?

— А какую работу здесь можно найти?

— Мне послышалось, ты спросила про работу — значит, пора проверять слух.

Еле сдерживаюсь, чтобы не вылить остатки кофе в его ехидную рожу! Не хочу больше с этим гадом общаться! И разве можно назвать общением сплошной поток издевок из его рта? Может, зря я к нему пристаю? Все эти вещи я могу узнать в интернете. Только как до него добраться? Об этом опять придется спрашивать своего не-мужа и от этой мысли сразу хочется плакать. Бросаю неуверенный взгляд на Акима. Всего один вопрос. Маааленькая просьбочка. Может, он поможет? Обезоруживающе улыбаюсь и сознаюсь:

— Слушай, я так и не вспомнила пароль от смартфона. Мне теперь нужна новая симка. Одолжишь денег на ее покупку? Как заработаю — все верну.

Он задумчиво вертит в руках свою чашку. Потом громко, со стуком ставит ее на стол, хмурится и мрачно заявляет:

— Я раскусил твою тактику. Ты сейчас притворяешься сирой и убогой, чтобы не разводиться. Или чтобы в суде выбить себе условия получше. А, может, стараешься ради того, чтобы суд отложили до тех пор, пока твоя память не восстановится. А то ведь сложно развести супругов, если судья спросит жену: «почему хочешь развестись?», а она ответит: «Не помню, забыла!»

В ужасе на него смотрю. Да разве так можно с людьми? Он видит во мне вселенское зло, каждый мой вопрос, каждое слово ставит под сомнение. Рассматривает под лупой до тех пор, пока не находит изъян с червоточинкой. А если не находит, то придумывает.

Молча встаю и иду мыть посуду. Аким почти сразу уходит, позволяя выдохнуть и немного расслабиться. Вся эта возня с водой и пеной хорошо отвлекает. Натянув желтые перчатки, ловко и с удовольствием орудую губкой. Мне приятен процесс превращения чашек-грязнуль и тарелок-замарашек в блестящих от чистоты красавиц.

Как только на кухне воцаряется идеальная чистота, отправляюсь бродить по дому, открываю все двери и шкафчики. Знакомлюсь с пространством, исследую содержимое закутков. К своей неопишуемой радости, обнаруживаю душ. Вскоре нахожу и шкаф, в котором хранятся Катины вещи. К вящему своему неудовольствию, ненароком сталкиваюсь и с Акимом, сидящем в кабинете за компом. Прежде, чем выйти, случайно читаю надпись на экране: «Амнезия. Симуляция.» Ага, конечно! Все хожу и симулирую. Принимаю душ и направляюсь на улицу. Мне всегда лучше думается на свежем воздухе.

Выйдя за дверь дома, не успеваю даже вдохнуть полной грудью легкий, бодрящий воздух, как ко мне с грозным рыком подскакивает немецкая овчарка. Зубки обнажила, красавица моя, и грозно скалится. Невольно люблюсь ее экстерьером. Породистая злодейка! Спинка прямая, без прогибов, живот поджарый, прикус отличный! У меня и раньше были дома псы: Боксер Барон и терьер Бостон. Их выгул, дрессура и конкурсы всегда лежали на мне. Ох, и немало мы медалек с ними выиграли!

Ласково воркуя, улыбаюсь собачке. Ты моя хорошая, зайка масипусенькая. Кисонька сладенькая. Жалко, не знаю ее имени! Впрочем, слова с собаками не важны, главное интонации. Никакого страха, только дружелюбие и уверенность в себе. Неторопливо протягиваю овчарке руку ладонью вниз. Даю себя обнюхать. Зверюга, все еще скалясь и не спуская с меня глаз, подозрительно втягивает мой запах. Успокаивается немного, но признавать за свою не торопится. Наверно, чует, что Кати здесь больше нет, есть только чужачка в теле хозяйки. Тем не менее, после близкого знакомства со мной хвост ее начинает подмахивать чуть расслабленнее и вскоре она от меня отбегает.

Повернувшись к дому, вижу через окно, как задумчиво наблюдает за мной Аким. Думает, наверно, что я и с собакой сейчас общаюсь, чтобы с ним не разводиться. Параноик несчастный!

— Доброе утро, ранняя пташка! — слышу вдруг звонкий голос за спиной. В растерянности оборачиваюсь и с удивлением, разглядываю улыбчивую, хрупкую женщину лет сорока пяти. Короткая стрижка, светлые волосы, макияж с утра пораньше. Бежевый кардиган поверх белой блузки и брюк. Э, кто вы, собственно, будете? Смущенно признаюсь:

- Видите ли, я попала в аварию и у меня теперь с памятью беда. Не напомните свое имя?

— Алена Григорьевна, мама Акима. А что, и правда все так плохо?

Киваю и печально развожу руками:

— Вообще ничего не помню. Перед вами чистый лист.

— Бедняжечка ты моя! И что же врачи говорят?

— Предложили пока отлежаться. Если память не восстановится, обещают исследовать.

— Как типично. «Соблюдайте постельный режим! Избегайте стресса! И, возможно, проблема сама рассосется!» — дама передразнивая какого-то эскулапа, важно качает указательным пальцем.

— В дом я, конечно, не напрашиваюсь, — вдруг лукаво говорит она. — Но у меня с собой малокалорийные, белковые пирожные, и удобнее было бы их оприходовать на кухне.

Хлопнув себя по лбу — где моя вежливость? — приглашаю гостью зайти внутрь. На пороге мы сталкиваемся с Акимом. Он одет в деловом стиле: рубашка и брюки. Интересно, какой он без бороды? И еще интересно, куда он спешит? Он обменивается с матерью торопливыми поцелуями в щеку и со словами «Созвонимся, мам!» быстро направляется к джипу. Мы же проходим на кухню.

— Где работает ваш сын?

— Который? — смеется она, выкладывая на тарелку украшенные клубникой пирожные, очень напоминающие Павлову. — У меня их трое.

— Тот, который Аким.

— Как необычно звучит этот вопрос после двух лет замужества! Прости за откровенность, но я бы на твоём месте уже сейчас настаивала на исследовании, — она с тревогой косится на меня и продолжает, — У Акима своя кампания по продажам софта, который его же сотрудники и разрабатывают. Только посмотри, какие умные слова мне пришлось выучить с сыновьями! Я даже немного, правда, не совсем до конца понимаю, что только что сказала!

— Вы, наверно, гуманитарий?

— Ты совершенно права, Гуманитарий — это же второе имя художницы, — она заразительно улыбается. — Как приятно с тобой общаться! Я ведь могу тебе заново рассказывать все о себе и о своих детях, абсолютно не волнуясь, что надоем или повторюсь! Ох, прости меня ради Бога! У тебя неприятности, а я вместо того, чтобы посочувствовать и поддержать, болтаю что попало! — видит, как я машу рукой, мол, пустое, и успокаивается, — С чего бы начать? Может, у тебя есть вопросы, на которые ты больше всего ждешь ответа?

Отпиваю уже янтарно заварившийся чай из прозрачной чашки. Я совсем не голодна, но из благодарности к добросердечию свекрови мужественно надкусываю пирожное. По вкусу точь-в-точь Павлова! Спрашиваю:

— Вы не слышали о каких-нибудь вакансиях? Может, в детском садике есть свободные места?

Она вдруг серьезнеет, почти бледнеет, отставляет в сторону чашку. Я даже успеваю испугаться. Что я такого сказала?

— Катюша, девочка моя, как же я рада твоему вопросу! Я обязательно поспрашиваю знакомых. Но скажи мне, дорогая, ты и правда согласна работать нянечкой или уборщицей? Ты же представляешь, насколько это неблагодарный и тяжелый труд?

Только сейчас до меня доходит, что педагогический диплом, заработанный кропотливым трудом и бессонными ночами, потерялся в прошлой жизни Карины Тарелкиной. А теперешней Кате светит лишь роль нянечки или уборщицы! Окончательно

погрустнев, отправляю в рот очередной кусочек Павловой. Впрочем, особого выбора у меня нет. Без диплома на что еще я могу претендовать?

— Да, пожалуйста, разузнайте! Я буду вам очень признательна!

Алена Григорьевна вдруг, совершенно расчувствовавшись, с глазами на мокром месте вскакивает со стула и бросается ко мне, обдавая еле заметным флером изысканных духов. Обнимает меня тоненькими, но сильными ручками, гладит по спине. Бормочет, как она мною гордится и как повезло Акиму! Да что я такого сказала?! С работой попросила помочь — это для нее подвиг?

Вдруг она отстраняется от меня и садится за стол, изящно вытирая платочком глаза.

— Прости меня, дорогая, что не сразу догадалась спросить. Даже неловко как-то об этом говорить. Ведь я знаю, что у Акима с деньгами порядок. Ты уж не суди меня, ради Бога, если лезу в чужое... Но я просто обязана спросить! Не сложились ли у тебя затрудненные финансовые обстоятельства?

— Сложились, — честно признаюсь свекрови. — Поэтому буду очень счастлива, если найду работу!

— Но... Видишь ли... Мой сын много раз мне говорил, что настоящий мужчина должен достойно обеспечивать как свою жену, так и детей. Поэтому я пребываю в совершенной растерянности. Он тебе не дает достаточной суммы?

— Я не помню, что было раньше. Но, похоже, перед аварией мы с ним поссорились. Так что сейчас он хочет развестись, а своих денег у меня нет.

Алена очень серьезно на меня смотрит и заявляет:

— Дорогая моя девочка, это очень неприятная новость, конечно! И тяжелый груз для твоих хрупких плечиков! Но я точно знаю, что мой сын тебя любит. Иначе он не просил бы меня о тебе позаботиться, пока он на работе. Сказал: вдруг Катю нужно будет в город отвезти или подсказать ей что-нибудь! Что бы он ни говорил, попробуй не слушать слова. Они порой выражают только текущие эмоции, ничуть не отражая истинного положения вещей. Прислушайся лучше к его поступкам. Я верю, что у вас еще все наладиться!

Она поближе пододвигает свой стул и гладит меня по голове. Ее голубые глаза ласково окутывают теплом, но принять ею сказанное, с ней согласиться никак не получается. Слова порой ранят похлеще поступков, а от некоторых слов Акима до сих пор еще ранки не затянулись.

Мне сейчас до ужаса любопытно, что между нами случилось? Как зовут непутевую кошку, пробежавшую между нами? Вот бы поймать ее за хвост и выпытать всю подноготную! Тяжело вздыхаю и отправляю в рот очередной кусочек безе.

После чаепития мы со свекровью собираемся в город покупать мне новую симку. Я по-прежнему беспомощна в этом доме, как новорожденный младенец. Не знаю ни где ключи, ни как добраться до города. Теряюсь в своем новом быту, как в огромном, запутанном лабиринте. Сжалившись над моими бестолковыми метаниями по дому, Алена решительно меня отстраняет и, усадив на кухонный стул, хозяйничает сама. Сидеть я отказываюсь, вместо этого бегаю за ней хвостиком и пытаюсь стать полезной, хотя, наверно, больше все-таки мешаю.

Помыв посуду, сортируем мусор по трем разным контейнерам. Пищевой мусор отправляем в компостную кучу на заднем дворе, сопровождаемые любознательной псиной, то и дело описывающей вокруг нас широкие круги с довольным повизгиванием — хоть какая-то движуха у двуногих! Замечаю, что у Рекси пролита миска с водой и через пять минут моих ковыряний в кухонных шкафчиках она получает новую порцию воды и сухого корма.

Пластиковый мусор выносим в специальный серый контейнер на улице, сразу за воротами. А бумагу, предназначенную, как оказалось для растопки, убираем в сарай, в огромную картонную коробку. Ключи вместе с пультом управления находим в гараже, на стеллаже среди инструментов, а Катин кошелек с телефоном обнаруживаю в ее супружеской спальне на прикроватной тумбочке.

Наконец, разобравшись с домашними делами, мы выходим за ворота, и передо мной открывается вид на самый древний автомобиль, который я только видела вживую. Алена приближается к своей белой, до блеска вылизанной машине, любовно гладит ее по капоту и мечтательно произносит:

— Моя семерочка. Верная, преданная и самая чудесная. Нравится?

Не очень вообще-то, но в ответ я лишь благоразумно молчу и неопределенно киваю. Еле сдерживая нервный смех, усаживаюсь в салон, с громким бабах зарываю дверцу. Внутри ужасно тесно и моим длинным ногам приходится туго. Коленки упираются в бардачок — об удобстве можно напрочь забыть. Говорят, у художников всегда свои причуды — пусть так! Лишь бы живыми и невредимыми доехать до цели!

— Эта машина ведь на ходу? — интересуюсь неуверенно.

— Катюша, ты меня обижаешь! Это не машина, это метеор! — Алена бросает на меня укоризненный взгляд и берется за рычаги. С громким рычанием заводится двигатель и мы резко срываемся с места. Затем, уже выехав на главную дорогу, мы собираем на дороге все ямы и едва не вылетаем в канаву, когда нас заносит на повороте.

— Довезу с ветерком! — подбадривает меня свекровь, лихо обгоняя какого-то старичка за рулем красной мазды, но уж лучше бы без ветерка, конечно! Большую часть дороги жмущусь от страха и переплетаю пальцы в тесный, крепкий комок, чтобы не дрожали.

Когда мы останавливаемся, открываю глаза и осторожно осматриваюсь. Мы уже в городе и, похоже, припарковались на главной улице. Мостовая сплошь и рядом утыкана двух- и трехэтажными постройками: кафешки, магазинчики, клуб и даже кинотеатр с яркой неоновой вывеской. Нормального торгового центра нигде не видать! Боль и печаль.

Стоит мне выйти из машины, вновь бабахнув за собой дверцей, как Алена энергично тащит меня за руку в какой-то магазинчик. На пороге пахнет вяленой рыбой, но я

обнаруживаю себя не в рыбном, нет! А в салон-магазине сотовой связи. Продавец, совсем юный, прыщавый парнишка лет семнадцати, прячет что-то за стойку и быстро работает челюстями. Любитель сушеной воблы? Как колоритно однако протекает жизнь в маленьком городочке!

Алена берет на себя роль покупательницы, договаривается с парнем о покупке сим карты, протягивает ему телефон, свои документы, и, в конце концов, после всех формальностей тот собственноручно устанавливает мне симку. Отныне у меня будет круглосуточный доступ к интернету! Я ликую и на радостях бросаюсь обнимать свекровь, но, не рассчитав силу нового тела, сжимаю ее слишком крепко, до хруста в костях. Смущенно извинившись, отстраняюсь. Алена платит по счету. Несмотря на ее возражения, обещаю вернуть все до копейки с первой же зарплаты, и мы покидаем магазин.

Гуляем по городу и моя добрая свекровь все время пытается мне что-то купить: то одежду, то сумочку, то обед. Чувствую себя маленькой, обездоленной девочкой на выгуле. После того, как привыкла сама распоряжаться огромным частным садом, разруливать проблемы персонала, детей и родителей, ходить теперь в статусе приживалы, тратя чужие деньги, ужасно некомфортно. Поэтому в своих желаниях я скромненько ограничиваюсь бутылкой воды.

Вдруг слышу из-за спины знакомый, сердитый голос:

— Ох, эти ваши сюси-пусси! Достало уже! Избавься от нее! Мне надо с тобой поговорить!

Невзначай оглядываюсь и напротив киоска с просроченной бакалеей вижу Катю. Она по-прежнему одета в черный обтягивающий спортивный костюм. Руки в нетерпении сложены на груди, губки надуты. Красивая капризуля. Стоит и с упреком на меня таращится.

Равнодушно поворачиваюсь к ней спиной и тогда она взрывается:

— Ты не имеешь права меня игнорировать! Я тебе не позволю!

Все, кажется, мирная прогулка на сегодня закончена. Барабаны отбивают тревожный марш, оповещая о военном положении со всеми вытекающими. Поворачиваюсь к Алене и прошу ее отвезти меня домой. Мы заходим напоследок в магазин, покупаем продукты на ужин, загружаем пакеты в багажник и усаживаемся в машину. Пристегнувшись, я сразу же закрываю глаза.

Отвезя меня домой, Алена, улавливает мою неразговорчивую нервозность, опасаясь помешать, первая деликатно прощается и уезжает.

После ее ухода поднимаюсь на второй этаж в спальню, где, лежа на кровати, меня уже поджидает Катя. Она хлопывает по соседнему с ней месту, приглашая прилечь, и предлагает:

— Ну, что, террористка, давай типа договариваться!

Размашисто приземляюсь на кровать и обреченно отзываюсь:

— Ну, давай.

— Короче. Я тут подумала и поняла. Ты готова вернуть мне мое тело, но не знаешь, как. Так?

— Так.

— Но когда мы узнаем, как, то ты мне мое тело отдашь. Так?

— Так.

— Ладно. Тут ты красава, не спорю, — неожиданная похвала меня ужасно смешит и я с трудом остаюсь серьезной, — Поехали дальше! Ты взяла мое тело типа займа, на время.

Так?

Замолкаю ненадолго. Вообще-то чисто технически я не забирала ее тело. Произошло как раз обратное. Кто-то другой вынул меня из изначальной оболочки и засунул в чужой сосуд. Но придирается к деталям, спорить пока не хочется, поэтому согласно киваю:

— Так.

— А значит, пользоваться моим телом будешь на моих правилах. Так?

Я задумчиво качаю головой. Какая-то Катя шебутная. При мысли о том, что за правила она может придумать, мне немного плохее.

— А что, если не так?

— Тогда буду весь день и всю ночь тебе мешать. Ну, там песни горланить, гадости говорить. Короче, достану так, что мало не покажется!

— В таком случае озвучь для начала свои правила.

Катя подсказывает на кровати и разворачивается ко мне всем корпусом.

— Во-первых, будешь есть то, что я скажу. А то угробишь мне тело и здоровье своим хлебобулочным питанием!

— И что же мне придется есть?

— Ну, неважно. Я тебе просто каждый вечер буду диктовать меню на следующий день.

— Если не очень противное меню, то я согласна.

— Да, нормальная еда, не дрейфь! От курогрудки и гречки еще никто не умирал! Во-вторых, ты займешься спортом. Раз получила мои мышцы, поддерживай их в тонусе, халявщица! В общем, объясняю тебе популярно. Дармовщина закончилась. Начинается жесткач, сопли, пот и слезы!

Тоже подсказываю на кровати и искренне протестую:

— Так не пойдет! Я на спорт не подписывалась! И в своем-то теле им не занималась, а в твоём и подавно не буду!

Вместо ответа она затягивает, ужасно фальшивя:

— Ты надеваешь каблук уже нее для него. Не отвечаешь на звонки. В душе цунами, но...

По барабанным перепонкам бьют противные завывания и я в ужасе закрываю уши, но даже с закрытыми ушами слышу ее слишком отчетливо. Всего несколько минут этих звуков вызывают в теле противный резонанс. Я покрываюсь испариной, и по телу то и дело пробегает дрожь отвращения, до жути похожая на судороги. Невыносимая, мерзкая пытка!

Как же я зла! Не столько на певичку, сколько на себя! Меня, прошедшую огонь и медные трубы, загнали в угол бездарным пением!

— Ладно, ладно! — кричу в отчаянии. — Только замолчи, умоляю!

Катя довольно спрыгивает с дивана и ходит, потирая ручки. Даже не скрывает своей радости! Заявляет:

— А в третьих, ты будешь делать все, чтобы не развестись с моим мужем. Более того, когда я вернусь назад в свое тело, мне нужны самые любящие, самые романтические отношения, которые только может вообразить твоя башка! Слушайся его, обхаживай! Если он скажет: «прыгай», ты прыгаешь! Скажет: «ори», ты орешь! Усекла, красавица?

Я возмущенно качаю головой.

— Это уже совсем ни в какие ворота не лезет! Ты накосячила, а я должна исправлять? Максимум, который я постараюсь для тебя добиться, — это замедлить процесс развода. Но и это будет сделать непросто!

— Не, ты совсем дура? Как мне исправлять свои косяки, если мое тело украли? Вот украли — теперь и исправляй! А не то, — и снова завывает во весь голос, — Ты та, кто не возьмет трубку, даже если трясет. Воспоминания по кругу. Да зачем это снова все?

Энергично всплеснув руками, рычу сердито:

— Замолчи, Монсеррат! Постараюсь я, постараюсь! Но я не волшебница и любовных заклинаний не знаю. Сделаю все, что смогу. А если твой муж меня не захочет прощать, то... И кстати! Что ты натворила? Почему он хочет развестись?

Катя досадливо отводит глаза и машет рукой:

— Да, ничего серьезного! Так, пустяки! Но мне уже пора! И не забывай наш уговор, а то про спокойный сон можешь забыть!

И на этих словах эта хитрая бестия исчезает!

После разговора с Катей чувствую себя временной гостьей в ее теле. Неуютно-то как! Хотя ведь, с другой стороны, все люди приходят в физический мир лишь на время и сроки пребывания здесь нам не известны. Это не мешает нам радоваться каждому прожитому дню.

Сколько еще мне осталось в Катином теле? День? Два? Неделю? Год? Я надеялась еще повидаться с Мишей, разобраться в своем убийстве, но эта фурия захватила меня в рабство и настаивает на соблюдении лишь своих интересов. Это неправильно и абсурдно! Ее тело сейчас в моей власти и, вероятно, не без причины! А играть я должна по ее правилам?

Вдруг мой взгляд падает на настенные часы. Жирная, короткая стрелка обогнала пятерку и сейчас прозрачно мне намекает, что пора бы уже браться за ужин.

Спускаюсь на кухню. В прошлой жизни я отлично готовила. Мне пришлось научиться ради Миши. Ведь когда ему не нравился вкус, он просто выплевывал еду на пол. Ставлю вариться рис. Достāju паприку, кабачок, лук, морковь. Нашинковав их соломкой, тушу на масле, а тем временем режу грудку. В почти готовые овощи добавляю мясо, соевый соус, выдавливаю чеснок — и через пять минут ужин практически готов! С облегчением, выдыхаю. Успела до прихода Акима!

Ловлю себя на мысли, что именно этого мне не хватало в последнее время. Я не могу жить лишь для себя. Мне уже на уровне глубинных инстинктов, отработанных годами привычек нужно о ком-то заботиться.

Нахожу в шкафу белую скатерть с бежевыми полосками, салфетки с изображением елочных веток на фоне снеговика. Не совсем в тему рисунок, но других вариантов не вижу. Красиво сервирую на скатерти посуду. Вычищаю до блеска стаканы и графин для воды. Нарезаю хлеб и веером раскладываю по тарелке.

Вскоре слышу глухой щелчок входной двери. Бросаюсь туда и вижу Акима. На первый взгляд, лицо кажется чуть более уставшим, чем с утра. Он заходит и замирает, будто прислушивается. Замечаю, как едва заметно он поводит ноздрями. Не прислушивается, а принюхивается. Спрашивает подозрительно:

— Ты приготовила ужин?

Киваю и растерянно улыбаюсь. В голове проносится шквал сомнений. Что не так? Он не ужинает дома? Не нравится запах? На чем я спалилась?словно в ответ на сумятицу, проскользнувшую на моем лице, он отвечает:

— Ты ведь никогда не готовишь сама. Хочешь меня задобрить?

— Нет, просто хочу с тобой поужинать.

— Два года мечтал с тобой дома поужинать, но нет. А перед разводом решила мне угодить? — он задумчиво качает головой, переводит взгляд с меня на накрытый стол и обратно. — Ну, допустим, я согласен. Даже интересно, что ты там наготовила.

Снимая ботинки, вынимает смартфон и набирает чей-то номер, говорит сухими, отрывистыми фразами:

— Я не приду. Поужинаю дома. Нет, не жди. Все, давай!

В груди мелькает беспокойное чувство. Кому он звонит? Воображение услужливо рисует стройную девушку с изящной фигуркой и длинными волосами. Поспешно отметаю прочь неприятную фантазию. Отменил с кем-то ужин — и ладно!

Он поднимается вверх, обещая вернуться через десять минут. Возвращается через

пятнадцать, уже в футболке, штанах, со влажными волосами после душа. Садится за стол, и я накладываю ему все еще горячий рис и овощи с курицей. Он с довольным мычанием поглощает еду, и вдруг интересуется:

— Почему сейчас? Ты же понимаешь, что собственноручно приготовленный ужин слегка запоздал?

— Да вроде не так уж и поздно. Еще ведь семи нет.

— Я не о том. После того, что ты сделала, твой ужин наш брак уже не спасет.

— Зато спасет от голода и скучного вечера.

— Намекаешь, что сам виноват? Недостаточно уделял тебе внимания и ты скучала?

— Не хочу, чтобы ты искал двусмысленности там, где их нет. Я просто хочу сегодня провести с тобой вечер. А заодно и поесть.

Берусь за вилку и уже собираюсь поднести ее ко рту, как вдруг слышу резкий истеричный визг у себя за спиной:

— Крахмал на ужин? Ты совсем обалдела, жируха?

От неожиданности вздрагиваю всем телом и роняю еду на свою белую футболку. Теперь на моей груди красуется жирное, оранжевое пятно. Спокойно подчищаю его салфеткой и говорю Акиму:

— Секундочку. Переоденусь быстренько и вернусь.

Поднимаюсь на второй этаж, куда за мной по пятам бежит Катя.

Подхожу к шкафу и, торопливо роясь в вещах, шиплю на нее:

— Отстань от меня, истеричка! Ты сказала, каждый вечер будешь давать меню на следующий день. Так вот, твоего меню еще не было! Поэтому сегодня ем то, что захочу! Угомонись!

— Ни за что!

— Если будешь в каждой дырке затычкой, даже не мечтай, что у меня получится с твоим мужем наладить отношения!

— Не хами мне, красава!

— Каков привет — таков ответ, не удивляйся!

Пока копаюсь в вещах, понимаю, что, несмотря на преобладание стиля кажуал в Катином гардеробе, есть здесь и настоящие жемчужины классики и вкуса. Нахожу в Катином арсенале шикарное белое платье миди длины и натягиваю на себя. Подхожу к трюмо и любуюсь своим отражением. Платье облегает фигуру, подчеркивая идеальные изгибы и роскошным декольте открывая грудь. При этом оно ничего не пережимает и, комфортно окутывая второй кожей, расширяется книзу. Для удобства заплетаю густые волосы в две косички. Катя прыгает вокруг меня, отчаянно размахивая руками, протестуя и потерянно бормоча:

— Нет, нет, нет, нет! Только не это! Это же Армани! В Париже его покупала еще до того, как Аким меня в эту дыру притащил!

Злорадно обещаю:

— Специально буду носить его за ужином. Будешь на меня орать — запачкаю так, что потом не отстирает никакая химчистка!

Катя злится, но машет рукой, признавая поражение:

— Черт с тобой. Сегодня жри свой рис. Но аккуратно, смотри! А с завтрашнего дня будешь есть по моей указке.

Спускаюсь в столовую и Аким оценивающе прохаживается по мне взглядом. В его

глазах загорается жадный огонь, пробуждающий теплую, ласковую волну в моем животе. Пока прихожу в себя от своей неожиданной реакции, он комментирует:

— Зачетный наряд! Невинная дева и соблазнительная куртизанка в одном лице. Надеюсь, ты простишь мое скромное одеяние — фрак еще из химчистки не вернули.

Не совсем его понимаю. В голосе слышится и восхищение, и издевка с насмешкой. Он, наверно, и сам сейчас не понимает, что в мой адрес чувствует.

— Так на чем мы остановились? — поддеваю его, не удержавшись. — На разводе?

— К сожалению, наш развод может затянуться. Мой адвокат считает, что невыгодно разводиться с пострадавшей после аварии женой. Слишком много волокиты. Медицинские справки. Да и суд тебя будет жалеть больше, чем следует. Переждем пару-тройку недель и приступим!

С облегчением выдыхаю. У меня внезапно появляется фора. Но, опять что-то считав на моем лице, он просит:

— Ты слишком не радуйся. Наш развод — лишь вопрос времени.

— Ладно, обещаю не радоваться. Спасибо, кстати, что пригласил свою маму! Она потрясающая!

— Да? Уже не назойливая, как раньше?

После его слов хочется сказать пару ласковых про Катю. Такую чудесную женщину припечатать «назойливой»? Признаюсь в сердцах:

— Я была неблагодарной дурой, когда так говорила.

— Отрадно слышать. Чем весь день занимались?

— Съездили в город, купили мне симку и продукты на ужин.

— Странно, — он подозрительно таращится на меня, отложив даже в сторону вилку и деловито сплетая перед собой пальцы в замок. — Мне ни разу не пришло оповещение о потраченных тобой деньгах. Чем ты расплачивалась?

— Но ты же сказал, у меня нет денег, — лепечу растерянно. Вилку тоже откладываю — мне резко стало не до еды. — Вот я и заняла у твоей мамы.

— То есть мама оплатила наш сегодняшний ужин и сим карту моей жены?

Я киваю и ежусь под осуждающим взглядом его темных глаз. Он хмурится и барабанит пальцами по столу. У меня опять отчаянно зудит ухо, и я незаметно зажимаю мочку между указательным и большим пальцами. Черт побери! Тело новое, а нейронные реакции на стресс старые, как дырявый башмак!

— Что за фокусы? Почему ты не заплатила карточкой, как обычно?

— У меня есть деньги на карточке? — я удивленно глазею на него. — Сколько?

— Пару дней назад точно тыщ триста было. Ты реально не помнишь?

Мотаю головой. О Катиных карточках я и понятия не имела. Аким вдруг улыбается и бормочет:

— Невероятно! Забыла о кредитках... Куда ты дела мою жену, незнакомка?

Краснею от смущения. Вопрос в самое яблочко попал! Ну, что тут скажешь? Не умею я быть женой. Особенно, по следам вертихвостки Кати. Он вдруг снова мрачнеет и приказывает:

— Не позорь меня перед матерью, жмотом не выставляй. Используй кредитки.

Послушно киваю. Со своими прежними уставами в этот монастырь протиснуться не удалось. Придется жить по новым, необычным для меня правилам. Про себя решаю хранить все чеки. Рассчитаюсь когда-нибудь с Акимом. Эта мысль меня немного успокаивает, не

дает окончательно ощутить себя его нахлебницей.

Он вдруг, ни слова не говоря, встает из-за стола. Невольно люблюсь уверенной мощью его движений, пока он поднимается по лестнице. Через минуту возвращается и протягивает мне черный фитнес-трекер. Я носила такой однажды, когда худела.

— Я хочу, чтобы ты это носила, не снимая. Раз уж ты потеряла память, то можешь заблудиться или попасть в неприятности. В этом браслете есть GPS. Если нажмешь на эту кнопку, — он указывает на одну из боковых кнопок, — то пошлешь мне СОС сигнал, и я смогу тебя найти, где бы ты ни была.

— Э, спасибо, конечно! Но разве нельзя мне в такой ситуации просто тебе позвонить?

— У нас не везде есть сигнал. Поверь, я знаю, о чем говорю.

— Хорошо. А шаги он тоже считает? — с любопытством рассматриваю браслет. Сейчас он показывает лишь число и время.

— Нет, не считает. Что же, спасибо за первый в жизни семейный ужин. Было вкусно и... даже приятно.

На этих словах он разворачивается и уходит наверх. Переодеваюсь в спортивный костюм, мою посуду, убираюсь и выбегаю на улицу. Присаживаюсь на скамейку на заднем дворе и оглядываюсь по сторонам. Любуюсь подстриженным газоном, зелеными кронами деревьев, выглядывающими из-за забора, звонкими трелями птиц. Солнце приблизилось к горизонту и, мягко прощаясь, освещает наш дом рассеянными лучами.

Ко мне подбегает Рекси. Она уже признала меня за свою, и теперь сует мне в колени мячик — просит поиграть. Вскочив, зашвыриваю мячик подальше и ору «апорт!» Рекси приносит мне игрушку, чтобы я снова ее бросала. Так мы и играем, бегая по полянке, и я на миг возвращаюсь в свое счастливое детство, прошедшее на таких же полянках в играх с собаками. Пробую другие команды, но Рекси на них никак не откликается. Разинув рот, со счастливой улыбкой таращится на меня и довольно машет хвостом. Она, наверно, и апорт не понимает, просто играет по наитию. Жаль, что она не щенок уже! Взрослую псину дрессировать сложнее.

Наигравшись до первой усталости, поднимаюсь наверх в спальню, беру в руки смартфон с драгоценным интернетом и знакомым паролем. Думаю о Мише. Так по нему тоскую, что готова пешком к нему до Питера топтать! Как он живет без меня? Скучает ли? Вспоминает? Или, с головой погружившись в свой мир, даже не ощущает моей пропажи? Не удерживаюсь. Снова набираю номер Людмилы и вскоре слышу ее голос:

— Але.

— Здравствуйте, Людмила! Это снова я, Катя, Каринина подруга.

— Здравствуйте, я вас узнала по голосу.

— Я хотела бы про Мишу спросить, если можно. Как он?

— Как обычно. А что именно вас интересует? — Карина говорила, что он очень любит миндаль в белом шоколаде. Вы ему покупаете иногда? Я подумала, что могла бы купить и ему прислать, можно?

— Можно, наверно. А то этот Мишин любимый миндаль далеко продается, не до того сейчас! Только в соседний магазин бегаю быстро за едой или заказываю ее на дом. Анна обещала мне напарницу найти, чтобы хоть иногда выходные брать, но все никак у нее не получается — так и сiju сейчас с ним круглосуточно.

— Очень вам сочувствую! Скажите, а Миша уже собрал тот пазл из 2000 кусочков с Эйфелевой башней? Карина ему как раз незадолго купила до...

— Я понимаю, о чем вы. Да, Миша его только и складывает сейчас. Уже несколько раз собрал и разобрал. Очень уж ему нравится!

— А можно мне будет к Мише как-нибудь приехать, чтобы повидаться?

— Это уж вы с Анной договаривайтесь! Я человек маленький, а она его опекунша, ей и решать. Ну, вы простите, мне уже идти надо.

— Да, да, конечно. Спасибо вам. До свидания!

С грустью с ней прощаюсь. Хотя и не Миша, она ведь тоже частичка моей прошлой жизни, внезапно утерянной и канувшей в небытие. Скидываю с себя одежду и бросаюсь в кровать. Надеюсь, мне сегодня приснится мое прошлое! Хотя какой-то его кусочек! И на этой мысли закрываю глаза, но заснуть мне, разумеется, не позволяют.

Глава 8

— Проснись и пой! Глазки открой! — слышу я Катины завывания. — Думала, разрешу тебе без меню заснуть? Фигушки!

Сажусь устало на кровати, протираю глаза и обреченно справляюсь:

— Где бумага и ручка?

— Тумбочку открой вон ту!

Достаю ручку и блестящий от позолоты гламурный блокнот, на первой странице которого уже нацарапаны какие-то цифры размашистым Катиным почерком. С интересом их разглядываю. «9.05 — 10.05, 13.05–14.05»

— Это что?

— Тебя не касается, — грубо отрезает она и приказывает, — Записывай: Зав-трак. Написала? Яй-цо. Бри-кет мягкого пятипроцентного творога двести грамм. Спель-та пятьдесят грамм. Успеваешь? Все смешай и пожарь на антипригарной сковороде без масла. Без масла, усекла? Можно пару столовых ложек кленового сиропа.

— Интересно, откуда я эти продукты возьму? Уже поздно, и в магазин я совершенно точно ехать не собираюсь!

— Ох, всему тебя учить надо! Залезешь на сайт в телефоне, который я тебя продиктую и закажешь продукты на дом. А пока записывай остальное.

Катя медленно начитывает мне перечень остальных рецептов. Это ж сколько мне готовить придется, чтобы поддерживать ее драгоценное тело в нынешней форме?

— Я думала, ты готовить не умеешь, а ты вон мне сколько рецептов всего лишь на один день обозначила!

— Так мне лень было, вот я и не готовила! Нафига стараться, когда можно заказать уже готовые блюда? Муж пропадает, дома не бывает — если не его временем, так хотя бы его баблом надо пользоваться! Но тебе так нельзя, — поспешно добавляет она. — А то ведь ты должна моего Акима ублажать, а его страшно бесило, когда я готовую еду на дом заказывала. Я тебе специально только вкусненькое рассказываю! Будешь порции умножать на два и готовить на вас обоих.

Хитрая плутовка чужими руками жар загребает! Уселась мне на плечи и ножки свесила. Она, видя мое мрачное выражение лица, поспешно командует:

— Открывай мой смартфон. Так. Теперь вбивай в поисковик...

Написав название сайта, захожу в местный онлайн магазин, выбираю нужные товары, оплачиваю заодно и доставку на семь утра. Рановато, конечно, но хочу приготовить завтрак до ухода Акима. Как только разбираюсь с заказом, Катя заявляет: «Все, мне пора! После завтрака едем на фитнес, так что отдыхай и настраивайся пахать до седьмого пота, снежинка!» и поспешно исчезает, несмотря на мой оклик:

— погоди! Я с тобой еще не закончила!

Вот же паразитка! Плюнуть бы на нее, но моя порядочность и дурацкое, гипертрофированное чувство ответственности не дают ее игнорировать, заставляя вновь и вновь идти ей навстречу, несмотря на придурочный характер!

Ложусь на постель, напялив какую-то просторную футболку, и накрываюсь одеялом. Шелк пододеяльника приятно скользит по телу, но мне все равно некомфортно. Я привыкла засыпать, обнимая огромного плюшевого мишку, последний подарок родителей. Как раз

перед аварией, унесшей их жизни, они подарили мне на восемнадцатилетие квартиру в Питере и эту огромную игрушку. В память надолго врезались их слова: «Хоть ты уже и выросла, но навсегда останешься для нас нашей маленькой девочкой!» На следующий день папы и мамы не стало, но их медведя я бережно храню долгие годы. Ремонтирую в мастерских, отдаю в химчистку и каждую ночь сплю с ним в обнимку. Я вдруг осознаю, как сильно мне не хватает его пушистых обнимашек.

Ворочаюсь с бока на бок, мне никак не уснуть! Сон едва накрывает меня своим крылом, но тут же вновь упархивает прочь, напоровшись на безнадежное отсутствие объятий. Вдруг в полусне чувствую, наконец, его нежные, теплые прикосновения. Я обхватываю его руками и ногами, как привыкла, и, успокоившись, погружаюсь в беспробудный, счастливый сон.

Просыпаюсь от ужасного пения, больно терзающего уши:

— Без пяти сеееень, а ты забыла поставить будииииильник. Вставай, сооооня, вставааааай!

Открываю глаза и вижу, что сплю, уткнувшись в Акима. Моя нога переплетает мощные бедра. Его горячие руки обхватывают меня, прижимая к груди, а борода щекотно покалывает правое ухо. Но самое ужасное, мне так хорошо сейчас в теплом кольце его рук, что совершенно не хочется отсюда уходить. Скорее, наоборот. Хочется врасти в него и пролежать так весь день, не меньше! Подушечками пальцами исследую его кожу, рельеф его мышц, бороду, немного отдающую рыжиной, густые брови, соблазнительные губы. Его лицо, так часто сурово обращенное ко мне, сейчас абсолютно расслаблено и мне совершенно не страшно — ну просто грех не воспользоваться моментом! Из моих мечтаний меня опять вырывает звонкий приказ:

— Булки подняла! И топай за продуктами! Живо! Служба доставки уже за воротами!

Едва заставляю себя оторваться от созерцания Акима. Принуждаю себя по чуть-чуть, осторожно отделиться от его горячего тела. Он, почувствовав мои шевеления, прижимает к себе еще крепче. Мне ничего не остается другого, как погладить его по плечу и прошептать:

— Прости. Мне нужно выйти, — и он, сонно приоткрыв глаза, меня выпускает.

Вскакиваю с кровати, стараясь не шуметь, натягиваю на себя штаны и бегу на выход, по дороге хватая пульт. Открываю дверь и, ворвавшись в утреннюю прохладу, босиком мчусь по мокрому газону. Вижу, как Рекси, рыча и поскуливая, носится перед воротами. Схватив ее за ошейник, строго говорю:

— Рекси, порядок. Успокойся, девочка!

Нажимая пульт, наблюдаю, как отъехавшие ворота открывают микроавтобус и парня лет двадцати пяти с полными пакетами в руках. Когда приближаюсь, взгляд курьера, лишь мельком скользнув по лицу, падает на мою футболку да там и застревает. И только тут до меня доходит, что я без лифчика, а прохладный воздух меня только что подставил! Покраснев, закрываю грудь свободной рукой, другой продолжая удерживать рвущуюся к курьеру рычащую Рекси, и торопливо прошу:

— Поставьте, пожалуйста, сюда. Ага, вот так! Спасибо большое!

Быстро щелкаю кнопкой на пульте и, как только ворота закрываются, с облегчением выдыхаю. Отпускаю собаку, хватаю пакеты и иду в дом. Пока расставляю продукты в холодильник, слышу шаги спускающегося по лестнице Акима. Он зевает, но глаза уже совершенно проснулись, строго смотрят на меня, и я почему-то чувствую себя школьницей, забывшей сделать домашку.

— Где ты была?

— Нам продукты привезли. Сейчас приготовлю завтрак.

— Курьер мужик был?

— Да.

— И ты перед ним в таком виде блистала?

Открыв рот, растерянно таращусь на него, не представляя, что ответить.

Он строго заявляет:

— Катерина, пока ты все еще моя жена, потрудись надевать белье! Особенно, в присутствии чужих мужиков, — и на этих словах отправляется к себе в кабинет.

Вот черт! Снова прокололась, как желторотая первоклашка! Взбегаю наверх, переодеваюсь, хватаю Катины инструкции и снова мчусь вниз, чтобы жарить странные, полезные сырники.

Когда все готово, расставляю еду по тарелкам и зову Акима завтракать. Он спускается в столовую, уже приняв душ, и одетый для офиса. Садится за стол и вгрызается в сырник, который я, к счастью, уже полила сиропом.

— Фкусно, — мычит он. — Откуда рецепт?

— Ээ, из интернета, кажется.

— Врешь, — перебивает меня откуда не возьмись появившаяся здесь Катя. — Это мне на курсах по нутрициологии рецепты подкинули.

— То есть именно этот рецепт мне на курсах по нутрициологии дали, — поправляюсь я.

— Класс! Наконец-то, дивиденды от твоих курсов пошли! — смеется он. — Я уж думал, безнадежный вклад был, ан нет!

— Так бывает, — заявляю, многозначительно на него поглядывая, — что отдача от каких-то проектов приходит не сразу. А через два года, например.

— За наши с тобой два года отношения окончательно обанкротились из-за одной подлой сделки в самом конце. Восстановлению не подлежат.

— После банкротства можно ведь и новую фирму учредить. Со старыми акционерами.

— Только с теми, кому доверяешь. На тебя мое доверие больше не распространяется.

Вытерев рот салфеткой, он произносит:

— Спасибо за завтрак! На ужин не жди, приду поздно! — подхватив какую-то папку, Аким отправляется на выход.

Кривовато улыбнувшись, машу ему рукой:

— Тогда до завтра!

— Ой, ну, сейчас прям заплачу, — Катя стоит рядом, уперев руку в бок, а другую насмешливо прижимает к груди, глядя на меня и Акима, торопливо шагающего к воротам. — Что-то ты со своими намеками перебарщиваешь, подруга!

— Почему он со мной спит, если собирается со дня на день развестись? К чему эти ночные обнимашки?

— Да кто же добровольно откажется от такой красоты? — Катя проводит рукой вдоль своих изгибов. — Только слепой или безумец!

— Но как же развод?

— Он просто злится на меня, вот и все! Злость утихнет, а его тяга ко мне никуда не денется, если только одна лентяйка не загубит мне фигуру!

— Так это всего лишь влечение?

— Дурочка ты! Не "всего лишь влечение", а клей, который держал нас вместе последние

два года!

— Я всегда считала, лучший клей в отношениях — это родство душ, на худой конец — когда людям просто друг с другом хорошо.

— Да брось наивничать! Хорошо не должно быть всегда, а то мужики расслабляются и становятся ленивыми пельменями. Нужно всегда добавлять перчинку и, подбрасывать дрова в огонь, чтоб лучше горел!

— Интересный расклад! Муж с тобой развестись хочет, но тяга к твоему тела не ушла. Ну, просто мечта, а не отношения!

Катя, недовольно взмахнув рукой, сердито фыркает:

— Кончай пургу гнать! Посуду мой и дуй наверх! Соберешь сумку и поедем из тебя спортсменку делать! И не забудь яблоко прихватить в качестве перекуса!

Под Катину диктовку набираю номер и вызываю такси. Ее разбитый вдрызг лексус после аварии отвезли на ремонт, но перспективы его починки весьма туманные. Поэтому теперь мне приходится пользоваться чужими услугами при каждой поездке в город и обратно. Пока пристегиваюсь в оперативно приехавшем такси на заднем сидении, водитель, плечистый парень с густой копной русых волос, спрашивает:

— По какому тарифу сегодня едем, Катюша?

Я замираю от неожиданности. У него несколько тарифов? Есть, наверно, дневной, ночной и праздничный. Но сейчас не праздник, не выходной и не ночь — тогда о чем речь?

— А какие есть?

— Переодеваться в машине собираешься? Если планируешь переодеться, то прокачу со скидкой, как всегда!

То есть за стриптиз мне только что предложили скидку? Выразительно зыркаю на соседнее сидение, где секунду назад сидела Катя. Но сейчас ее нет. Она виртуозно умеет смываться, когда ее пятой точке грозит расправа.

— Мне, пожалуйста, без скидки, по полному тарифу, — отвечаю таксисту со своим покоцанным по всему периметру достоинством. Густо при этом краснею, и мы трогаемся. Такого унижения давно не испытывала! Обещаю себе, что никогда больше этого чувака не вызову! А если встречу на улице, отвернусь и сделаю вид, что мы незнакомы!

Расплатившись с парнем, выхожу из машины, взвалив на плечо увесистую спортивную сумку, и растерянно застываю перед массивной, стеклянной дверью, через которую то и дело снуют мощные мужики и стройные грации. Ни разу в таких местах не бывала. Спорт и я всегда обитали в параллельных мирах, и как же не хочется это менять!

— Что встала, как вкопанная? На ручках тебя никто заносить не будет! Топай ножками, ножками!

Под Катины понукания захожу внутрь на ватных ногах. Растерянно озираясь, оглядываю небольшой вестибюль, всю правую сторону которого занимает стойка администратора. Меня с широкой улыбкой встречает крепкий, стильно подстриженный парень, стоящий за этой самой стойкой.

— О, какие люди! Привет, прогульщица! Ты где пропадала? — обращается ко мне фамильярно, и я совсем теряюсь. Боюсь теперь, что он тоже предложит проходить в зал по особой скидке! Но Катя шипит:

— Что стоишь истуканом? Улыбнись, поздоровайся, и пробей карточку на турникете! Как она и велит, дружелюбно, с улыбкой здороваюсь:

— Привет! Я тут в аварию попала, поэтому пришлось пропустить пару тренировок.

— Выглядишь... целой. Надеюсь, ничего серьезного?

— Ничего страшного, только память иногда отказывает.

— Заткнись, что ты несешь?! — голосит Катя, схватившись за голову. Ты выставляешь меня дурой с дыркой от бублика вместо башки! Пробивай скорей карточку и топай в раздевалку.

Прохожу через турникет и, пока ищу женскую раздевалку, перед глазами проплывает мужик, сплошная гора мышц. У него на торсе закреплен кожаный пояс с отходящей оттуда цепью, на конце которой висит огромный диск. Неотрывно наблюдаю, как он подходит к

перекладине и, в прыжке ухватившись за нее, начинает как бы шутя подтягиваться со своим утяжелением. Игра мышц на руках и спине завораживает, и, кажется, на миг я выпадаю из реальности. Такое вообще возможно?! Но Кате и здесь не сидится.

— Не пялся ты так! Здесь тебе не музей! У нас так в клубе не принято!

Она отчаянно машет мне руками, показывая направление и поторапливая.

Захожу в раздевалку, иду мимо ровных рядов светло-серых шкафчиков, скамеек и зеркальных стен. Высокая брюнетка, стоя перед зеркалом в черном кружевном белье, сушит волосы феном. Приятно пахнет шампунем с бодрящим запахом грейпфрута.

Выбираю шкафчик, под руководством Кати достаю из сумки литровую бутылку с водой, ключ с замочком и смартфон. Я уже одета в черный спортивный костюм, облегающий меня, как трико и лосины. Верчусь перед зеркалом, разглядываю отражение. Тонкая талия, плоский живот. Ручки-ножки тоже тонкие, но с прекрасным рельефом. Поворачиваюсь в фас — люблю свою пышную грудь и крутой округлостью ягодиц. Не девушка, а мечта! Закрыв шкафчик собственным замком, хватаю телефон, резиновый браслет с ключами насаживаю на бутылку и иду в зал.

Глаза разбегаются перед дремучим лесом из непонятных конструкций. Мама дорогая, как много здесь тренажеров! Как ими пользоваться и с чего начинать? Катя подзывает меня к беговой дорожке и тыкает в какие-то кнопки:

— Сейчас разогреешься для начала. Нажми сюда, чтобы включить. Так. Теперь установи скорость, здесь увеличь градус подъема до семи. Хорошо. А теперь скорость доведи до восьми километров в час — пробежишься в гору!

Я в каком-то оцепенении, порожденном, видимо, шоком и оторопью, исполняю все ее распоряжения. И хотя нагрузка колоссальная, но тело послушно бежит вверх по дорожке. Правда, разум при этом вопит от ужаса: я так не смогу! Сейчас, вот сейчас упаду и серну себе шею! Через минуту, другую с удивлением понимаю, что способна я на гораздо большее, чем о себе думала. Вспотела, конечно, но полна сил: мчусь, аки горная козочка. Через десять минут Катя командует нажимать на кнопку отбоя, и я послушно останавливаю тренажер. Катино лицо искажается в муке, и она стонет: — Как же я тебе завидую! Как мне хочется сейчас самой здесь пробежаться! Эх, было бы у меня тело, первым делом расцеловала бы каждый тренажерчик, и омыла бы их слезами радости! Ну да ладно! Пойдем ставить тебе технику базовых упражнений. Первым делом научу приседать без груза.

Про себя посмеиваюсь. Ага, научишь! Уж приседать я и без тебя умею! Пропускаю мимо ушей долгие, многословные инструкции своей тренерши, а когда сажусь на корточки, почти глохну от ее крика:

— Ты совсем спятила? Колени мне убьешь и спину посадишь! Я же тебе только что объяснила: ягодицы выпячиваешь назад, колени за носки не выступают, а спинку держишь ровно!

Пробую это проделать правильно, но с непривычки теряю равновесие и позорно заваливаюсь задом на искусственную траву. Зеркало на всю стену наглядно демонстрирует мой позор. Пробую второй раз — та же стыдоба. Ловлю на себе ироничные взгляды фитоняшки, качающей рядом пресс. С третьей попытки у меня, наконец, получается не упасть.

Дальше осваиваю мертвую тягу. Несмотря на грозное название, напоминающее фильм ужасов, осуществить ее оказывается проще простого. Корпус наклоняется вперед, ягодицы назад, а руки, схватившие килограммовые гантельки, ползут по бедрам к голеникам.

Потом Катя пытается научить меня выпадам. Но движения сложные: пока одну ногу выкидываешь вперед, заднюю полагается удерживать в правильной позе, при этом не округляя спину. Я все время что-то делаю не то, и Катю колбасит от гнева. Она прыгает вокруг меня и рычит:

— Да нет же! Прямой угол, я сказала! Задним коленом касаешься пола, по-ла! Опять спину согнула дугой, выпрямляй!

Я так страдаю от ее криков и множества указаний, что готова сдаться. В этот фееричный момент мимо проходит пара качков и, оглядываясь на меня, один тихо комментирует:

— Смотри, первый раз в зале!

— Ты чё? Тогда откуда у нее такие мышцы?

— Девушка, — повернувшись ко мне, басит второй, — вы ведь давно уже член клуба? Мне кажется, я вас здесь раньше видел!

— Видел, конечно, идиот! Я почти каждый день в этом зале впахивала, и поусерднее, чем ты! — возмущенно кричит ему Катя. Объединившись с ее гневным порывом, в пылу отчаяния и раздражения, выразительно повторяю:

— Конечно, видел! Я каждый день сюда ходила, пока не попала в аварию, не стукнулась головой и у меня не отшибло память!

Парни задумчиво переглядываются с характерным выражением, мол, тяжелый случай, и отчаливают по своим делам. Катя в безмолвии ухает на пол и ладонями закрывает лицо. Через минуту шепчет:

— Капец, это дно! Глубже падать некуда! Опозорила меня на весь клуб! Как я теперь сюда сунусь после такого?! — поднимает глаза и сердито командует, — Шуруй в раздевалку, головой стукнутая! Базу тебе будем ставить дома!

Мысленно возражаю. Опозорила ее? А меня? Сколько раз она позорила и подставляла меня? Будем считать, что к тебе прилетел бумеранг, дорогуша!

Затем начинается самая приятная часть тренировки. Под медитативную инструменталку иду в сауну, в волнах горячего пара растекаюсь всем телом по деревянной полке. Когда становится невыносимо жарко, отправляюсь в контрастный душ. Отмываюсь разными шампунями, гелями, мажусь кремами с приятными, нежным ароматами, напомнившими французские духи. Пожалуй, ради такого финального аккорда я готова потерпеть и истязания в зале!

Когда волосы уложены и я уже почти одета, слышу свой рингтон. Это же первый поступивший мне вызов в новом теле! С глупым восторгом нажимаю на кнопку принятия вызова и слышу ласковый щебет Алены, моей нынешней свекрови:

— Добрый день, моя хорошая девочка! Я тебя не отвлекаю? Чем ты сейчас занимаешься?

— Здравствуйте! Я в фитнес зале, только что из бани вышла.

— Какая же ты умничка — держишь себя в форме! Ты, главное, аккуратненько занимайся, не переусердствуй, а то все-таки сотрясение на днях было! Но не буду тебя отвлекать! Почему я тебе звоню? Я нашла тебе работу, но не совсем то, что ты просила. В садиках вакантных мест нет, зато одной семье, моим очень хорошим знакомым, требуется нянечка для двух детей. Платить они обещают хорошо, в разы лучше, чем в садике! Ты как к такой работе относишься?

— Очень хорошо отношусь, Алена Григорьевна! Спасибо вам огромное! Когда

приступить? Какое расписание? Какие у них требования?

— Катенька, если ты не против, я к тебе вечером забегу и подробнее все расскажу, хорошо?

— Конечно! Буду вас ждать!

И на этом мы прощаемся.

— Что за подстава? — ворчит Катя. — Ты зачем мне жизнь усложняешь? Ведь потом, когда ты уберешься из этого тела, мне придется искать предлог, чтобы из работающей лошадки вновь превратиться в сказочную, свободную от забот фею!

Ничего не отвечаю, разумеется! Здесь же люди вокруг! Лишь с упреком зыркаю на нее, хватаю сумку и топаю на выход.

Перед входом в клуб меня встречают два качка, с которыми я столкнулась в зале. Оба в футболках и штанах, подчеркивающих их стать, и выглядят они, признаюсь, улетно. Черт побери, все эти могучие мышцы, мелькающие перед глазами, что-то творят с моим обычно спокойным, как ясный день, либидо. Пробуждается какой-то голод внутри — только этого мне сейчас не хватало! Опускаю глаза и собираюсь проشمыгнуть мимо них в сторону продуктового. Нужно закупиться на завтрашний день едой, Катя идет рядом и обещает помочь со списком продуктов.

— Девушка, вы сильно спешите? — вдруг басит мне тот, который повыше.

— А то ведь мы готовы вам абсолютно безвозмездно помочь! — подхватывает другой.

— Веса придержать, технику поставить, — продолжает первый.

В недоумении на них таращусь. Как бы повежливее их отшить?

— Я замужем, ребята, — говорю я с улыбкой, и топаю в сторону магазина.

— Так мы вам не замужество предлагаем, а только с техникой помочь! — кричит один.

— А почему вы колечко не носите? — вопрошает другой.

— Как вы о муже своем помните, если память потеряли? — опять голосит первый.

Бросаю взгляд на руки — и правда, колечка-то нет! Ищу взглядом Катю, чтобы полюбопытствовать, куда она дела кольцо, но эту подлюку уже, как ветром сдуло! Устало вздыхаю и захожу в магазин.

Глава 10

Хоть Катя и исчезла, все равно плетусь в магазин. К чему тратить деньги на доставку заказа, когда я могу купить все сама? Списка продуктов для завтрашнего меню все еще нет, как и его автора. Долго пасусь возле полки с овощами, жду возвращения своей капризной диктаторши. Мимо меня проплывает охранник, настороженно косится на меня — чересчур сомнительную клиентку: долго стоящую, но ничего не берушую. Разыгрываю перед ним представление. Придирчиво осматриваю паприку, тыкаю пальцем в ее подозрительную вмятину и, обратившись к охраннику, возмущаюсь. Почему у них в магазине паприка несвежая? Когда ее привезли? А посвежее есть? А когда новую партию привезут? Мужик, пробурчав что-то неразборчивое в ответ, поспешно исчезает, занеся меня в список типичных зануд.

После завтрака уже прошло несколько часов и в моем животе раздается голодное урчание. Когда мне надоедает ждать у моря погоды, направляюсь к полке с кулинарией. Долго присматриваюсь к плову и селедке под шубой, читаю их состав. Как и следует ожидать, за моей спиной тут же раздается ворчливый упрек в неразборчивости и мне быстренько выдается руководство к покупкам. Видимо, для быстрой связи с Катюшей, мне теперь нужно носить с собой добрый шмат сала. Поднести его ко рту — это как нажать на кнопку срочного вызова.

Пока дожидаясь Катиного возвращения, пока собираю и оплачиваю корзину, пока нахожу нового таксиста, проходит уйма времени. Попадаю домой уже после четырех и поспешно готовлю ужин — запекаю куриные ножки в специях и тушу овощное рагу. В то же время успеваю закинуть в стирку белье, покормить собаку, пройтись по дому с пылесосом, тряпкой для пыли и красиво сервировать стол. Порядком горжусь своей многофункциональностью.

Когда раздается стук в дверь, со всех ног бегу открывать. Свекровь и сегодня выглядит превосходно: простая белая блузка ей очень к лицу, а джинсы подчеркивают все еще идеальную фигуру. Но самое главное — ее живые, блестящие юмором глаза делают ее невероятно милой и в доску своей! Бросаюсь на шею к Алене, сжимаю в объятиях и отпускаю, только когда слышу ее сдавленный хрип:

— Катенька, пощади, не души! Я тебе еще пригожусь!

Покраснев, отступаю и провожаю ее в столовую. Приглашаю к столу и после формально-вежливых отнекиваний, она все-таки соглашается со мной отужинать. Разложив еду по тарелкам, мы устраиваемся за уже накрытым столом, и я сразу взрываюсь фонтаном благодарности. Ведь, учитывая отсутствие каких-либо педагогических корочек и опыта, просто чудо, что меня берут няней!

Алена как раз заносит в рот ложку с овощами и на этих словах давится, заходится кашлем, деликатно прикрывшись салфеткой. Откашлявшись, сообщает:

— Видишь ли, Катенька, отсутствие у тебя диплома и опыта все-таки сыграло некоторую роль. Тебе придется для начала познакомиться с этой чудесной семьей, а потом поработать у них один день, чтобы они смогли оценить твой контакт с детьми. Да и тебе самой нужно решить, подходит ли тебе эта работа. А еще прости, дорогая, но тебе придется пройти курсы по оказанию первой медицинской помощи.

Настоящая Катя вдруг появляется рядом и недовольно бубнит. Акиму и его родне лишь

бы напрячь ее, бедную, по всем фронтам! А ничего, что она уже проходила эти курсы, когда училась водить машину? По следам Катиного ворчания заявляю, что курсы непременно пройду заново, если те курсы, которые я окончила для сдачи на водительские права, не подойдут! Алена тут же заверяет, что заново все изучать мне не придется! А затем подробнее рассказывает о моих потенциальных работодателях.

— Это семья моей коллеги по цеху, но гораздо более именитой художницы Ольги Васильевой. У нее за плечами выставки и в Париже, и в Нью-Йорке, своя галерея в Москве. Ты, наверняка, видела ее работы, их много где показывали! «Музы декаденса», «Краснографія»... Впрочем, неважно. Ты совершенно не обязана знать нашу братию в лицо! Ее муж Алексей ратует за экологически чистое хозяйство, и помимо графического дизайна, занимается еще и разведением курочек, козочек и прочей живности. Поэтому они здесь и поселились, в нашей дремучей, но экологически чистой глуши.

— А детки? Сколько им лет?

— Ивану шесть, а Павлу девять. Очень изобретательные молодые люди! Но ты сама скоро увидишь!

— А про график работы вы узнавали?

— Им нужна помощь с девяти до трех по будним. Но иногда, раз в неделю или две они будут просить тебя посидеть с детьми и весь вечер. Видишь ли, им требуется порой выйти куда-нибудь в свет, развеяться. Тебя такое расписание устроит?

— Конечно, еще как!

— Возможно, сегодня ты захочешь обсудить этот график с Акимом — узнать, устроит ли он и его?

Ее вопрос резким, внезапным ударом выбивает почву из-под ног. Советоваться с Акимом? Он на днях подает на развод, а я должна спрашивать у него разрешение на работу, которая позволит мне выжить после нашего расставания?

Замечаю, что перестала есть, только когда ребра ложки впиваются в кожу и болезненной пульсацией отдаются в ладони. Опустив глаза, разглядываю рагу. Мне чудится, что на последней фразе с Алены резко слетает флер деликатной, милой свекрови, обнажая маму-медведицу, мигом вставшую на защиту детеныша.

Словно почувствовав, что происходит в моей голове, она пододвигается ближе, мягко вынимает у меня из руки ложку и опускает в тарелку. Осматривает со вздохом вмятины, оставшиеся на ладони и говорит:

— Вижу, тебе тяжело принять мои слова. Ты привыкла к самостоятельным решениям и не хочешь советоваться с мужем.

— Он со мной намерен развестись — значит, уже без пяти минут мне не муж. Если я и раньше с ним не советовалась, то сейчас интересоваться его мнением точно не стану! — чеканю в ответ.

— Скажи, моя дорогая девочка, хочешь ли ты развода?

Почему-то сейчас особенно мучительно признавать правду, но под ласковым взглядом ее добрых, голубых глаз врать не получается.

— Нет, не хочу. Но он-то уже все решил! Разве от моего желания теперь что-то зависит?

— Тогда позволь дать тебе очень нелогичный совет. Веди себя с Акимом так, как будто развода не будет. Вложи в эти оставшиеся дни, недели, месяцы все свое сердце, не ожидая ничего взамен. Подари ему свое уважение и заботу, как прощальный подарок и посмотри, что из этого выйдет!

— Вы просите так много, — бормочу нерешительно. — Не уверена, сумею ли... и захочу ли?

— Понимаешь ли, моя хорошая девочка, — мягко говорит она, — я совершенно точно знаю, что Аким вкладывал в ваши отношения всего себя без остатка. Мне кажется, у него больше нет ни сил, ни желания продолжать в том же духе. Наступила твоя очередь отдавать.

Она, не желая меня ранить, умалчивает, что невозможно бесконечно вкладываться в черную дыру вроде Кати. Не упоминает и о том, что односторонняя отдача обрекает любые отношения на провал, но я считываю это между строк и своим молчанием признаю ее правоту. Алена вдруг встает со стула, приглаживает блузку и снова по-светски непосредственно щебечет:

— Ох, и засиделась я у тебя, дорогая! Рагу и мясо получились отменно! Букет специй выше всяких похвал! Поделишься рецептом? Помогу-ка я тебе с посудой и поеду домой!

Попрощавшись с ней, поднимаюсь в спальню. Открываю окно и, впустив в комнату свежий, пахнувший лесом воздух вместе с вечерними трелями птиц, без сил падаю на прохладный шелк кровати. Глажу пальцами гладкую серую накидку. До меня доносится радостное повизгивание Рекси. Наверно, нашла себе игрушку в виде случайно забежавшего к нам лесного зверька.

Рядом уже возлегает Катя. Смотрит на меня возмущенно и ворчит. Это же уму непостижимо, что теперь требует свекровь! Она кривляется, коверкая голос Алены. Отдавать как прощальный подарок, ничего не ожидая взамен! Нет, такой формат отношений с Акимом Кате и даром не нужен! Мне ни в коем случае нельзя идти у нее на поводу! Разве что... Одна здравая мысль в словах свекрови все-таки есть! Все эти годы Катя давала ему потрясный секс. Если задобрить мужа, напомнить, каково оно — получить доступ к ее совершенному телу, то Аким непременно передумает с ней разводиться!

До сих пор слушаю молча. Но на этой фразе хмурюсь и смотрю на нее с испугом:

— Ты уже знаешь, как можно войти в свое тело?

— Нет пока. Поэтому вместо меня ублажать мужа будешь ты!

— Что?! — сажусь на кровати, разворачиваюсь к ней всем корпусом, чтобы подчеркнуть серьезность момента, — Ты предлагаешь мне так запросто своего мужа? Ты его любишь? Вообще любила когда-нибудь? В общем, конечно, не мое это дело, мне должно быть все равно, как ты к нему относишься! Но одно я знаю точно: спать с чужими мужьями не собираюсь! Так что мечтай дальше, — тяну я с насмешкой.

— Ты уже с ним спишь! — смеется она.

— Не путай, пожалуйста, совместный сон и секс!

— Ах так? Ну ладно! Девочка, танцууй, завтра будет солнце! Слезы не к лицууу, все к нему вернется! — голосит она мимо верных нот.

Ору во весь голос, чтобы перекрыть ее завывания:

— Можешь петь все ночи напролет и весь день говорить гадости. Но тогда никаких тебе больше диет! Перейду на фастфуд и про спорт даже не заикайся! Растолстею, как старая тетка, а спать с твоим мужем не буду ни за какие коврижки!

Вдруг Катин вой враз обрывается и я слышу напряженный баритон Акима за своей спиной:

— С чьим мужем ты не будешь спать? И почему решила толстеть?

Застываю, словно облитая ушатом воды и оборачиваюсь к нему с растерянной улыбкой.

— Э, я тут роль репетирую.

— Какую роль? — он подходит и садится справа от меня. Его лицо совсем рядом. Лучи заходящего солнца отчетливо освещают радужку его глаз. Впервые различаю их необычный цвет: темно-зеленые с коричневыми крапинками. Он убирает мои распущенные по плечам волосы за уши и внимательно меня оглядывает. Знаю, он всего лишь проверяет сейчас, не говорю ли я с кем-то по телефону, но от его легких, небрежных прикосновений у меня кружится голова, и я окончательно теряюсь. К счастью, Катя соображает быстрее, поэтому тут же взволнованно подсказывает:

— Скажи ему, что это такой челленж в инстаграмме. Выучить любой монолог, записать на видео и выложить на своем аккаунте. Повторяю ее версию, и, судя по удовлетворенному кивку Акима, из Катиных уст это объяснение звучит вполне себе убедительно.

— Ты сегодня пораньше? Ужинать будешь? — интересуюсь непринужденно.

— Я уже поел, но чай попить с тобой не откажусь. Есть разговор.

Не могу удержаться от вздоха. Вот оно. Начинается. Сейчас он за чаем подсунет мне бумаги на подпись от адвокатов, не выдержав и недели вместо обещанных двух, и тем самым бесславно завершит мой неудачный фарс. Ну, что ж. Тогда и его мнение о своем рабочем графике спрашивать не стану! Вопрос решен. Заставляю себя улыбнуться:

— Ты какой чай любишь и с чем?

— Черный сойдет, без ничего. Приготовь пока, я скоро спущусь.

Иду вниз, занимаюсь чаем. Пока кипячу воду, нервно расхаживаю рядом, считаю шаги и минуты. От накалившей тревоги путаю заварку, вместо черного завариваю зеленый с жасмином. Ужасно огорчившись, завариваю и черный. Почему я расстроена? Какая разница, что у него ко мне за разговор? Он ведь мне не муж! Или немножко уже муж?

При мысли о том, что никогда его больше не увижу, неуютно сосет под ложечкой. Я ведь даже не узнала, как он смотрит, когда любит по-настоящему, без злости, без примеси досады и горечи. Вот бы встретить его в другом, не в Катином облики! Познакомиться и с чистого листа начать с ним отношения! Утонув в своих мечтах, не замечаю, как со спины ко мне подходит Аким.

— Ну что? Садимся или предпочитаешь чаевничать стоя?

Заставляю себя сесть за стол, пытаюсь вести себя естественно. Взявшись за горячую чашку, дую на чай. При этом мой взгляд невольно обшаривает стол и близлежащие поверхности в поисках бумаг для развода. На Акима даже смотреть не смею — боюсь в его глазах прочесть свой приговор. Он заговаривает первый и мой настороженный слух сразу улавливает в его голосе нотки то ли волнения, то ли стресса. Но говорит он совсем не о том, о чем я думаю:

— У моей фирмы со дня на день может появиться новый деловой партнер. Расшириться сейчас — это значит выйти на новый уровень. Новые рынки, новые возможности. Но есть одно но. Владимир, мой потенциальный партнер, повернут на семейных ценностях. Он говорит, что никогда не будет сотрудничать с человеком, которому не доверяет собственная жена. Поэтому, прежде, чем подписать контракт, он хочет познакомиться с тобой. Чтобы убедиться во мне.

Гляжу на Акима. Он не шутит? Его темные глаза серьезны, как никогда. Автоматически, от волнения делаю большой глоток из чашки и морщась стону от ожога. Он барабанит пальцами по столу и продолжает:

— Ты мне не обязана помогать, конечно, и вольна отказаться. Но, если ты согласишься, можешь загадать одно желание и я его исполню. Если это будет в моих силах, разумеется.

Катя вдруг материализуется слева от Акима. Я уже заметила, это ее неотъемлимая черта — исчезать в неудобный для себя момент и появляться, когда можно извлечь хоть какую-то выгоду. Она кричит:

— Соглашайся, соглашайся, что молчишь?! А взамен проси, чтобы он со мной не разводился!

Нутром чую, что об этом просить нельзя. Это, как собственноручно запереть человека в пожизненную клетку. Такой судьбы и врагу не пожелаешь! Если он и решит остаться с кем-то рядом, то выбор должен быть добровольным. Объяснить это Кате не могу. Никак. Некогда. Вместо этого прошу:

— У меня и правда есть одно желание. Помнишь, у меня недавно убили подругу?

— К чему ты клонишь? — кричит Катя. — Совсем обнаглела только о себе думать?

— Да, — настороженно отзывается Аким. — Я тогда первый раз в жизни увидел твои слезы.

— Если я помогу тебе заполучить контракт, то ты поможешь мне найти ее убийцу.

— Странно, что ты меня об этом просишь, — он выглядит озадаченным. — Второго желания загадать не сможешь. Уверена?

— Что ты творишь? — в отчаянии воеет Катя. — Быстро говори, что передумала! Требуй отмены развода!

— Уверена на все сто, — твердо заявляю я.

— Может, полиция без нас разберется? Представь, что будет, если мы туда приедем, а нам сообщат имя убийцы?

— Тогда наша поездка в Питер окажется недолгой и простой — тебе же лучше!

— Занятно, — Аким чешет затылок пятерней. — После армии я пол года работал детективом в одном агентстве.

— И как? Много преступников наловил?

— Канешна! Нашел три сбежавших жены и одну даже убедил вернуться к мужу.

— Ого! Ты у нас спец по ловле сбежавших жен! — смеюсь и одновременно пытаюсь разобраться, откуда внутри свербящее чувство тревоги? Как будто что-то не доделала или забыла. И тут же вспоминаю: график работы, чтоб его!

— Ну, так что? Согласен?

— Согласен. Но ты же не перестанешь меня кормить? — уточняет он с шутливым, преувеличенным беспокойством.

— Ну, что ты! Как можно? — и уже серьезно продолжаю, — У меня тоже для тебя есть новость. Меня, возможно, возьмут на работу няней в одну семью. График работы с девяти до трех и иногда, не чаще раза в неделю, буду выходить по вечерам. Ты не против? — с беспокойством гляжу на Акима. А вдруг в нем проснется сатрап, и он скажет «нет» просто, чтобы показать, кто тут главный? Что тогда? Но он лишь удивленно восклицает:

— Ни хрена себе! Правда, работу наша? Я думал, дальше понтов дело не пойдет! — он выглядит ошарашенным, но тут же оживленно интересуется, — Почему с детьми хочешь работать? Еще понятно, если бы ты решила в фитнес тренеры податься!

— Дети непредсказуемые. С ними веселее.

— Я-то не против. Даже интересно, кто кого на лопатки положит! Я, конечно, не сомневаюсь, кто кого, но охота узнать, сколько раундов ты там продержишься!

Услышав первую часть предложения, с облегчением выдыхаю. Поэтому великодушно пропускаю мимо ушей вторую его часть, нехило задевшую самолюбие. Предлагаю скрепить наш договор, чокнувшись чашками. Так и поступив, мы допиваем чай и расходимся. Я, нацепив передник, встаю перед раковиной блюсти чистоту чашек, а Аким исчезает за дверью кабинета.

На душе становится ясно и легко впервые за последние дни. И хотя рядом трехэтажно матерится Катя, это неважно! Никогда еще так остро не чувствовала, что поступила правильно. Пусть орет и злится, сколько хочет, я не собираюсь портить чью-то жизнь по щелчку ее пальцев!

Поднявшись в спальню, хватаю смартфон и пишу сообщение Алене:

— Аким согласен с моим графиком.

Тут же от нее приходит ответ:

— Ты моя умничка! Горжусь тобой! (целующий смайлик) Договорюсь с Ольгой о

пробном дне и дам тебе знать. (деловой смайлик в очках)

Посылаю ей «Спасибо» и окончательно чувствую себя победительницей. Если бы еще не этот ужасающий шум от Кати... Раз все равно не засну, хоть и устала ужасно, хватаю телефон и погружаюсь в интернет. Серфинг в сети не требует сильной концентрации, на которую я сейчас не споосбна. Ищу в соцсетях своих подруг: Лену и Аню.

Когда нахожу Ленкин аккаунт, сначала торжествую, радуюсь, жадно разглядываю знакомые черты. Но увиденное быстро стирает улыбку с моих губ. Ленка блистает на фотках счастливым смехом. Даже не скажешь по ней, что меньше двух недель назад девушка потеряла лучшую подругу.

Взволнованно рассматриваю, как она деловито сидит при макияже, в голубом элегантном жакете за моим директорским столом, зажимая в своих наманикюренных пальчиках мой эксклюзивный «паркер». Подпись под фото «на работе, как всегда завал» вызывает в груди смешанные чувства.

То есть теперь она в моем саду не правая рука директора, а директор? Почему-то мне казалось, что без меня мое детище, огромная машина, собственноручно налаженная кропотливым трудом, функционировать не сможет. Но, похоже, потеряв хозяйку, оно живет и здравствует. Откинувшись на стуле, размышляю.

Помню, как в день моей смерти Лена долго ходила за мной по пятам и упрашивала подписать какие-то документы. Договор субаренды, кажется. Мы подумывали отдать пустующий подвал под ремонтную мастерскую домашней техники. Вход туда шел отдельный, с детьми и родителями никак не пересекался — почему бы и нет?

Лена уверяла, что документы она лично просмотрела и убедилась, что все в порядке. Я так ничего и не подписала в тот день. Сказала, что изучу документы (мелким шрифтом тринадцать страниц) и приму окончательное решение. Подруга тогда очень странно на меня посмотрела. Ее взгляд так и остался неразгаданной загадкой.

Вбиваю имя Ани, ищу ее данные и тут же нахожу ее, красотулю, рядом с Андреем. Моим Андреем. И, если парень стоит на фото отстраненный, сохраняя нейтральный покер фейс, что для балабола и заводилы — просто верх скорби, то подруга, прижавшись к нему плечиком, вся так и светится. В ее глазах сияет довольная сытость, говорящая: «жизнь удалась!»

Эти фотки больно режут по сердцу. Умереть — не так страшно, как увидеть такую реакцию близких на свою смерть!

Выключаю смартфон и кидаю его в сердцах на кровать.

Принимаюсь копать в себе. Суматошно перебираю воспоминания, ищу причину того, что сейчас происходит, в себе. Может, я чем-то своих девочек обижала?

Помню, как Лене помогала, когда ее бросил Колька, отчаянный бабник. Ночевала у нее первые дни — боялась, как бы она с собой чего не сотворила. Долго вытаскивала из депрессии, придумывала ей развлечения: кино, кафе, вечеринки. Потом предложила должность помощницы у себя в саду, когда ее турнули со своей работы за прогулы. Ленка мне часто со вздохом говорила: «Везет тебе, Каришка! Все у тебя есть — не жизнь, а конфетка!» Завидовала?

С Аней мы подружились в универе. Она приезжая, в Питере никого поначалу не знала. Зажатая, угловатая, колючая девочка с потерянным взглядом. Напомнила мне саму себя после смерти родителей. Я ее почему-то все время хотела отогреть: то в гости звала на обед или ужин, то пижамные вечеринки устраивала, то по мелочи что-то дарила — лишь бы она

себя по-домашнему, по-семейному чувствовала. Она тогда и Мишу моего хорошо узнала, научилась с ним ладить. Потихоньку расцвела, обжилась в большом городе, превратилась из гадкого утенка в лебедушку.

Чем я могла их обидеть? Роюсь в воспоминаниях, верчу их, кручу, рассматриваю под разными углами— никак не могу понять, чем заслужила такие счастливые фотки подруг после своей смерти. Фокусироваться все тяжелее и тяжелее, мысли становятся все неповоротливее. Даже Катины крики воспринимаются уже неизбежным белым шумом, никак не отвлекающим и ни капли не раздражающим.

Просыпаюсь от резкого окрика: «Подъем!»

Катя. Конечно!

С удивлением, обнаруживаю, что в кровати я одна. Ну и где же муж? Катя, поймав мой растерянный взгляд, смеется:

— Он на тренировке по фри файту, дурочка. В будние дни по вечерам и в субботу — с утра пораньше. А ты что думала? Он себе такой шикарный мышечный каркас, сидя за компом, сделал?

Раз она меня уже почти ласково дурочкой называет, значит ей от меня что-то надо. Пока я застилаю кровать, она и правда предлагает перемирие. Нет, конечно, простить мне мое предательство невозможно, но на время забыть допустимо. А взамен я должна сегодня хорошенечко позаниматься и не отлынивать от ее рецептов.

Киваю ей, мол согласна, и иду готовить белковый, малокалорийный завтрак. После еды по наущению Кати беру полулитровые бутылки с водой, и мы вместе с ней работаем над техникой упражнений, этой ее пресловутой «базой». Порядком утомившись от ее хаотичных, дерганных объяснений, все же чувствую приличную нагрузку на мышцы — значит, хоть что-то уяснила и сделала правильно.

Пока приседаю в гостиной, то и дело вижу мелькающую у окна Рекси. Бедная псина! Не повезло ей с новой хозяйкой. С ней нужно намного больше заниматься! Угрызения совести царапаются в груди, заставляя поменять планы. И, когда Катя зовет меня на пробежку, я решаюсь совместить спорт с выгулом овчарки. Хватаю навороченный кожаный поводок, цепляю на ошейник Рекси и, закрыв за собой ворота, мы бежим по гравийной дороге куда-то в лес. Катя меня уверяет, что дорога через два километра упрется в какой-то заброшенный дом да там и оборвется. Когда это случится, можно поворачивать назад.

Рекси, счастливо поскуливая, улыбаясь во всю свою пасть, тянет меня вперед и я лечу за ней быстрокрылым сапсаном. Погода отличная: солнышко, чистое небо, градусов девятнадцать-двадцать тепла. Я одета легко: на мне лишь спортивная майка и шорты.

Мы бежим долго, километра два, не меньше, но дорога все никак не кончается. По обоим ее сторонам сплошные заросли кустов и деревьев, а справа идет канава, глубиной в метр с кепкой. Никаких признаков цивилизации, кроме этих самых дороги с канавой, местами заваленной щебнем, я не вижу.

В свободной от поводка руке держу смартфон. Как раз перед тем, как выйти на пробежку, я включила приложение для бега. Верчу телефон в руках, пытаюсь разобраться, какое расстояние уже позади.

Вдруг собака резко сворачивает куда-то в дебри леса. Прямо по щебню пересекает ров и тянет меня в небольшой проем между кустами.

Пока я двигалась, тело набрало инерцию и остановиться, дать задний ход я не успеваю.

Прежде, чем получается затормозить, меня сносит с дороги вслед за Рекси. С ужасом понимаю, что лечу в канаву, за долю секунды до грандиозного финала.

Я в грязнущей канаве, мокрая с головы до ног, запястье саднит от резких рывков поводка, а щиколотка правой ноги, легонько хрустнув во время падения, наполняется тупой болью. Кошмар наяву! Послушавшись моих строгих окриков, Рекси, наконец, возвращается. Она озадаченно оглядывает мой вид. Прихлопнув улыбку, обнюхивает мокрым носом макушку. Облизывается и опять начинает улыбаться, правда, уже не так беззаботно. Что-то вроде: «Да, хозяйка, ты влипла! Но я верю, ты сможешь отсюда выбраться!»

Потихоньку, осторожно выползаю из канавы. При каждом движении чувствую боль в ноге. Пусть и терпимую, но ведь на пострадавшую ступню я даже не опираюсь — работаю исключительно уцелевшей левой ногой и правым коленом. Когда пытаюсь встать на ноги, становится понятно, что два километра мне не пройти. На своих двоих я даже ста метров теперь не одолею! Надавлив слегка на правую ступню, боль взрывается фейерверками и я невольно кричу. Может, на четвереньках, по-собачьи попробовать?

Какое-то время пробую передвигаться на четвереньках. Колени то и дело натываются на спрятанные среди травы, острые сучки или гравий и через несколько минут уже ноют на грани дискомфорта и боли. Чувствую себя жалкой неудачницей. К тому же из-за того, что я промокла и не могу быстро двигаться, начинаю замерзать. Как назло, поднимается ветерок и выдувает из меня последние остатки тепла, накопленные во время пробежки.

Я бы позвала на помощь, но мой телефон утонул в канаве. Найти его я так и не смогла.

— Жми на кнопку, — подсказывает Катя и только тогда я вспоминаю о подарке Акима. Озадаченно оглядываю браслет. При нажатии на экране исправно загораются электронные цифры. Но сработает ли сигнал? Я ведь только что искупалась в канаве, а электроника вроде какдохнет в воде. Впрочем, выбора у меня нет. Так что я жму на свою СОС кнопку и отчаянно надеюсь, что этот браслет исправен.

Двигаюсь в сторону дома на четвереньках со скоростью черепахи. Через какое-то время останавливаюсь передохнуть. Когда Рекси присаживается рядом, обнимаю ее, жутко вонючую, мохнатую псину, но при этом свой единственный источник тепла. Она, будто понимая, что мне нужно, никуда не пытается убежать. Наоборот поворачивается ко мне и, прежде, чем успеваю отвернуться, неожиданно лижет мне щеку теплым языком. От этого внезапного акта милосердия от зубастой зверюги вдруг становится так жалко себя, что к горлу подкатывает ком. Чтобы саму себя подбодрить и собраться с силами, начинаю подсчеты вслух:

— Итак, по моим ощущениям, я передвигаюсь со скоростью пятнадцать метров в минуту. Это значит сто метров я преодолею примерно за семь минут, а километр за семьдесят минут. То есть, если учесть перерывы на отдых, всего за три часа я преодолею два километра. Так что к концу дня мы с тобой точно дотащимся до дома! — решительно заявляю Рекси, — Мы уже отдохнули немного — так что погнали!

И я снова плетусь в сторону дома на четвереньках, а овчарка вертится рядом, по радиусу поводка, энергично размахивая хвостом.

Через какое-то время издалека слышится рев мотора и я вновь сажусь, устроив себе передышку. Шум нарастает и вскоре различаю в облаке пыли знакомый силуэт черного джипа. Сердце замирает в надежде на скорую помощь и начинает радостно колотиться, когда джип тормозит около меня.

Из подъехавшей машины выходит Аким. Никогда еще в жизни не была никому так рада! Он в рашгарде с разинутой волчьей пастью на груди и смотрится не по-детски воинственно. Похоже, мой призыв о спасении выдернул его прямиком с тренировки!

Всего за пару секунд он оценивает мой плачевный вид, в глазах загорается беспокойство, он опускается рядом на корточки, спрашивает:

— Кто тебя так извазюкал? Ты вся дрожишь... Идти можешь?

Мотаю головой. Аким осматривает мою лодыжку, и только сейчас, следуя за его взглядом, я замечаю, как сильно она распухла. Нога выглядит чудовищно: вдвое толще, чем надо. Муж достает из багажника плед и накидывает на переднее сиденье. Затем как будто играючи поднимает мои пятьдесят пять кило с дороги и бережно устраивает на плед, закутывая меня, как гусеницу в кокон. Мне не по себе: я грязная и весьма экзотично пахну канавой с легким оттенком псины. Запоздало пытаюсь протестовать — не хочу испачкать светлую, кожаную обивку салона, но он досадливо шикает на меня и приказывает не париться по пустякам.

Собаку устраивает за задними сиденьями, и мы куда-то едем. Тепло потихоньку растекается по телу, и мышцы, наконец, расслабляются в блаженной истоме. Грудь наполняет давно забытое ощущение покоя: обо мне заботятся! За меня решают проблемы! С благодарностью смотрю на Акима и в сотый раз пишу ему свое: «спасибо!» В очередной раз слышу терпеливо-ворчливое: «А что ты хотела? Ты все еще моя жена!», «В суд тебя доставлю целой и невредимой!»

Сначала отвозим домой Рекси и тут же едем дальше. По пути рассказываю ему, что со мной случилось. Выясняю, что та дорога, по которой я бежала, упирается в тупик через полчаса езды на машине. Сжимаю кулаки от возмущения. Вот же врунья эта Катя!

Через пол часа мы уже в больнице. Аким повсюду носит меня на руках, и это ужасно смущает, учитывая, мое неприглядное состояние. К счастью, мед персонал вскоре подкатывает нам коляску. Прохожу через скучные процедуры. Рентген, осмотр у врача и вердикт: у меня всего лишь вывих. Я попадаю к тому же травматологу, что осматривал меня и после сотрясения. Он хмурит густые брови, грозит мне пальцем и бранится:

— Что же вы, Катенька, так неосторожно? Вам сказали «постельный режим», а вы сразу бегать отправились! Я вам сейчас снова пропишу постельный режим и надеюсь, на сей раз вы намерены его соблюдать!

Увидев мое недовольное лицо, он сердито заявляет:

- Конечно, вы вправе гробить свое здоровье, но имейте в виду: ваша лодыжка сейчас уязвима. Одно неверное движение — и гарантирую вам либо порванные связки, либо перелом. Надеюсь если не на ваше благоразумие, то хотя бы на вашего мужа! — он сурово поглядывает на Акима и тот, мрачно кивнув, обещает:

— Привяжу ее к кровати, док! Будьте уверены!

Отправляемся домой. По дороге вспоминаю про свекровь, хочу предупредить ее, что свой телефон я потеряла и что связь пока будем держать через Акима. Пока едем, возникает ощущение дежавю. У меня снова нет средства связи и мне опять приходится выпрашивать у мужа его гаджет. Он неохотно протягивает смартфон и ворчит:

— Кому бы ты ни звонила, о чем бы ни договаривалась, знай, что из дома я тебя не выпущу!

Прячу в ладони ухмылку. Ну, это мы еще посмотрим!

Набираю номер Алены, но, едва узнав мой голос, она торопливо тараторит. Объясняет, что очень сейчас спешит. И просто обязана меня предупредить, что семья Васильевых ждет меня во вторник, к девяти. Алена за мной лично заедет пол девятого и отвезет к ним домой. Прежде, чем я успеваю ответить, суетливо прощается и нажимает отбой.

Сижу и про себя планирую. По моим подсчетам, исходя из предыдущего опыта, отек за три дня спадет, и во вторник буду готова стать няней!

Возвращаю Акиму телефон, наши глаза встречаются, пальцы соприкасаются на миг и меня пронзает мощное, невыносимо прекрасное ощущение нежности.

Вдруг понимаю: нет, это не дежавю, а совершенно новый виток в моей жизни. Разве сравнишь эту осторожную, умелую езду с той, первой поездкой в Катином теле, когда мы сосчитали все ямы на дороге?

Сейчас меня то и дело греют взволнованные взгляды Акима, когда мы останавливаемся на перекрестках. Трогают его скупые вопросы о самочувствии. Приятны его случайные прикосновения, когда он поправляет на мне плед, хоть в этом и нет необходимости. Может, оно и к лучшему, что я свалилась в канаву?

Оказавшись дома, Аким первым делом относит меня в ванную на втором этаже. Комната огромная, отделана нежно-бирюзовой кафельной плиткой с вкраплениями из декоративного камня. Здесь есть вместительное джакузи, которое я на днях успела опробовать. Отдельная дверь из затемненного стекла ведет в небольшую сауну. Усадив меня в джакузи, Аким буднично велит раздеваться. Сам тут же показывает пример. Сбрасывает свой грязный рашгарт и засовывает в стиральную машинку, стоящую тут же, в углу. Раздеваюсь до белья, протягиваю ему грязные тряпки и заявляю:

— Спасибо, дальше я сама. Душевую лейку мне дай, пожалуйста, прежде, чем уйдешь! И еще гель для душа, шампунь и полотенце вот на этот стульчик кинь!

Он вроде смотрит спокойно, но выражение его лица я никак не могу расшифровать. Насмешка? Упрямство? Раздражение? Не понимаю! В такие моменты ужасно теряюсь и жду, пока собеседник хоть как-то проявит свои мысли! Что он и делает, сообщая:

— Мне по барабану, как тебя мыть: в белье или без. В последний раз спрашиваю: хочешь помыться нормально, без тряпок?

Упрямо сжав губы, мотаю головой, прижимаю колени к подбородку и обхватываю себя руками.

Он включает душ и обдает меня мощной струей теплой воды. Вода затекает в широко открытые от удивления глаза, рот, и я моргаю, плююсь и фыркаю от неожиданности. Не думала, что у него хватит наглости!

— Я сама! — кричу, вытирая лицо, и он вкладывает мне в пальцы шампунь. Намылив голову, протягиваю ладонь, ожидая лейку, но он мягко отводит ладонь в сторону и заявляет:

— А теперь я. Откинь голову назад. Да, так.

Не знаю, почему его слушаюсь. Зажмурившись, ничего не вижу и чувствую себя совершенно беспомощной. А еще голодной и уставшей. Хочется побыстрее отмыться и направиться либо в кровать отлеживаться, либо на кухню есть-пить! Спорить с ним — лишь время терять! Аким аккуратно смывает с меня теплыми струями шампунь, нежно поглаживая голову ладонью свободной руки. Интересно, он сейчас тоже о разводе радуется?

— Ммм, как приятно, — невольно мычу, разомлев от удовольствия. — А теперь ты мне спинку потрешь?

Он молчит. Струя замирает в одном положении, бьет в затылок. Умыв лицо от пены, вопросительно смотрю на него и вижу в его потемневших глазах неприкрытое желание. Он сует мне в руки дужку и коротко приказывает:

— Дальше сама! Я буду за дверью, позови, когда закончишь, — и выходит из ванной. Напоследок все же оставив на стуле полотенце.

Откуда-то появляется Катя, возмущается:

— Ну что? Довела мужа до ручки? Ему крышу сносит от вожделения, его сейчас надо горяченьким брать! А ты тут сидишь и моргаешь наивными глазками!

Ужасно хочется объяснить ей, что парень желает лишь Катино тело, не меня, Карину. Какой смысл в сексе без одуряющей нежности, без разговоров до утра, без совместного смеха до икоты или без взаимного, пронзающего волнения за судьбу любимого? Это как кофе без кофеина. Или как котлета без мяса. Или как детский сад без детей. Смотрю на девушку в упор, язык так и чешется высказать все, что накипело! Но за дверью Аким, разговаривать вслух не могу! Поэтому только лишь выразительно машу Кате рукой, чтобы отстала. Скидываю белье и, схватившись за намыленную мочалку, принимаюсь оттирать с себя грязь.

— Ты обязана с ним переспать! Тело-то по-прежнему мое! И делать ты должна то, что я велю!

Даже не смотрю на нее, моюсь дальше. Тело твое, но творить им подлости или глупости я не обязана!

— Тебе понравится! — вдруг мурлыкает Катя. — Любовник он классный, лучший из всех, кого я знала! А я знала мнооогих!

Когда смываю с себя пену, осторожно перемещаюсь на колени и вытираюсь большим пушистым полотенцем. Потом им же оборачивюсь. Сначала хочу допрыгать до постельки на одной ноге, но потом передумываю. Да ну, не буду рисковать! Кричу негромко:

— Я уже готова! Поможешь дойти до кровати?

В ту же секунду заходит Аким и, подхватив меня на руки, относит в кровать. Его движения сдержанны и осторожны. На лице непрístupная маска. Опять становится непонятно, что он думает, и это немного пугает. Он спрашивает:

— Что тебе заказать на ужин? Роллы сойдут?

Киваю, и он выходит, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Как оказалось на этот раз, обессиленно слечь в виде больной Кати очень даже приятно! Аким откуда-то тащит мне накроватный лакированный столик, который вижу впервые — постойте, это он раньше Кате завтраки в кровать носил?! — и сгружает туда коробки с аппетитными роллами с лососем. Конечно, тут же мне в ухо надоедливо зудит Катя про непозволительные углеводы на вечер, но я так голодна, что лишь с аппетитом наворачиваю свой обедо-ужин.

Потом муж за мной убирает, выкидывает одноразовые коробки, расставляет на прикроватной тумбочке батарею полулитровых бутылок, призванных, видимо, не дать мне умереть от жажды, и пристраивается рядом на кровати с ноутбуком в руках.

Он часто ворочает за своей спиной декоративные подушки — вижу, что работать в постели ему неудобно. Почему бы тогда не пойти в свой кабинет? Я же не младенец, которого нужно стеречь, чтобы тот не свалился на пол вниз головой!

Непривычно. По одну сторону кровати полулежу я, а по другую — Аким. Впервые бодрствуем сообща. В нашей спальне нет телевизора, мой смартфон перешел в статус утопленника, и мне ужасно скучно. Одно время развлекаюсь, разглядывая, чем занимается муж. Но на экране просто непроходимые дебри, нагромождение непонятного, поэтому взгляд мой соскальзывает с ноута на его пальцы, птицами порхающие над клавиатурой, в моменты раздумья замирающие или нетерпеливо постукивающие по ноуту. Мой взгляд передвигается по венам, от кисти поднимаясь вверх по могучему рельефу руки.

Впервые замечаю у него на шее небольшую татушку. Место, куда наносились чернила, немного покраснело и припухло — наверняка, ранка совсем свежая: вчерашняя или позавчерашняя. Сфокусировавшись, читаю: *Parva leves capiunt animos*.

— Мелочи прельщают души легкомысленных, — шепчу еле слышно перевод. Тихо, но недостаточно тихо. Он отрывает глаза от ноута и ловит мой взгляд. Хмурится.

— С каких пор знаешь латынь?

— Я не знаю. Случайно где-то читала и запомнила.

Не скажешь ведь ему, что на втором курсе, когда настала очередь выбирать себе второй иностранный язык, все ринулись в группы немецкого и французского, а я выбрала латынь. Она меня всегда очаровывала своей мелодией и вот надо же, пригодилась и в жизни для чтения татушек!

Аким вновь охаживает меня подозрительным взглядом. Катя вряд ли страдала широким кругозором и уж точно не разбиралась в латыни. Но играть ее роль мне надоело до чертиков! А еще мне невероятно скучно. Поэтому не слишком осмотрительно подхватываю эту тему:

— Почему ты выбрал именно это изречение? Не *Quia minor leo*, например? Тебе бы оно подошло!

— Что-то про льва? Переведи!

— Потому что я лев, — ловлю его вопросительный взгляд и поясняю, — Это из древней басни. Когда лев и осел скооперировались и поймали добычу, они поделили ее на три части. Лев забрал себе первую часть, потому что он царь зверей, вторую — как участник охоты, а третью — потому что он лев.

— О как! Я, по-твоему, жадный диктатор?

— Нет, — загадочно улыбаюсь, — но что-то львиное в тебе присутствует.

С удовольствием наблюдаю, как он захлопывает ноут, откладывает его на тумбочку и разворачивается ко мне. Ни тени неудовольствия на лице, наоборот, благодушно ухмыляется, когда заявляет:

— Ты не даешь мне работать.

— Тогда спрячься от меня в кабинете. Там я тебе не помешаю!

Вздыхает.

— Если отсюда уйду, ты доломаешь себе ногу по дороге в туалет.

— Собираешься и в туалет меня носить? — удивляюсь.

— Придется. Я же доктору пообещал!

Долго еще препираемся. Доказываю ему, что я вполне прыгучая, и на одной ноге способна преодолевать огромные расстояния. Он поддевает: именно поэтому я не прыгала, а ползла к дому, когда упала в канаву. Во время спора счастливая улыбка на его лице становится все шире, пока он не шокирует меня заявлением:

— У тебя любопытная амнезия. Ты забыла свое прошлое и разучилась быть стервой. Зато вспомнила латынь, которую никогда не учила, принялась вдруг ни с того ни с сего нашла себе работу с детьми, хотя всегда их избегала.

Открываю рот, чтобы как-то оправдаться, но он прикладывает к губам указательный палец, прося тишины, и продолжает:

— Вообще-то меня абсолютно устраивает твое поведение! Ощущение такое, будто я стащил с себя жмущие до кровавых мозолей ботинки и одел, наконец, удобную обувь по размеру. Это так... кайфово!

Перехватываю его смеющийся взгляд и мне тоже враз становится кайфово! Пожалуй, это лучший комплимент, из тех, что мне делали мужчины, пусть и с ботинками меня сравнивали впервые! Хотя спалилась я, конечно, знатно! Лепечу:

— Так-то я не хотела тебя от работы отвлекать... Может, у нас дома книжечки какие завалялись?

— Нет, книг у нас нет. Предыдущей Кате не нравилось читать. Зато у меня есть электронная читалка. Накидать тебе книжек?

Киваю и прошу набросать туда побольше Ремарка. Я уже давно мечтала его перечитать, да все времени не хватало.

Последующие дни в нашей спальне протекают в беззаботной, ванильной дымке. Аким относится ко мне, как к принцессе. Возит на руках, не позволяет и шагу ступить, все уносит-приносит — практически сдувает пылинки! Это волшебное ощущение сказки, пронизанное теплом его заботы, наполняет меня с ног до головы и заставляет наслаждаться каждым моментом.

Теперь мы и завтракаем, и обедаем, и ужинаем вместе. Я ем за своим столиком, похожим на продолговатую табуретку, а он на раздобытом где-то подносе. За едой беспечно болтаем, знакомимся ближе. Осторожно расспрашиваю об их с Катей прошлом. Поначалу он отнекивается — мол, к чему ворошить былое? Но я напоминаю про делового партнера, с которым нам вскоре предстоит встретиться. Чем больше буду знать о нас, тем естественнее смогу себя вести. Мой довод срабатывает, но не вполне.

Фрагменты прошлого всплывают в словах мужа случайными обрывками и нечаянными оговорками. Бережно собираю осколки его слов, добавляю уже известные факты и терпеливо складываю их в мозаику одной истории.

Познакомились в интернете с Катиной подачи. Он жил в Москве, она в Калуге. Долгая

переписка в чате. Не девушка, а ангел во плоти. Первая встреча в ее родном городе. От ее красоты сносит крышу. Она знает себе цену, говорит мало, сдержанно, воспитанно. (И когда только успела превратиться из воспитанной барышни в базарную бабку?)

Снова свидания. Каждые выходные Аким ездит в Калугу, проводя в дороге безумное количество времени. Сами встречи длятся недолго, но ощущение эйфории от них нарастает с каждым днем. Финальный аккорд — знакомство с ее и его родителями и предложение руки и сердца, которое девушка с восторгом принимает. Медовый месяц, длиною в год — ведь молодой жене хочется много где побывать: Сейшилы, Мальдивы, Бали, Италия, Франция.

Затем переезд в холодную, серую Москву, совместный быт и первые трудности. Об этом он умалчивает, но, зная Катю, нетрудно догадаться о проблемах: не готовила, не заботилась о муже, сидела у него на шее и отчаянно пользовалась всеми его ресурсами: от материальных до энергетических.

Снова переезд. На сей раз в Колпино, всей большой семьей Воронцовых: и родители, и братья, и они с Катей. Причины банальны. В мегаполисе толкотня, пробки, плохая экология. А семейный бизнес уже налажен настолько, что позволяет находиться в любой точке мира, с редкими исключениями. Выбор падает на историческую родину семьи Воронцовых.

Кате нравится бешеный ритм большого города и она не хочет уезжать в глушь. Но к тому моменту отношения уже разладились настолько, что Аким предлагает: или развод и ее жизнь Москве, или совместный переезд в провинцию и попытки наладить общение. Скрепя сердце Катя соглашается на второй вариант.

Но что послужило последней каплей, камнем, разбившим уже хрупкие их отношения, — как я ни кручусь ужом, как ни выпытываю у Акима, так и не узнаю! Эту тему Аким обходит стороной, как опасный Бермудский треугольник. Он мгновенно отстраняется от меня, рот сжимается плотной, суровой линией, глаза холодеют, словно ставя на теме жирную точку. Просто какая-то тайна под семью печатями!

К вечеру воскресенья отек почти спадает и моя правая лодыжка начинает напоминать свою левую сестру. Втихая от мужа пробую легонечко надавить на ступню. Легкий, еле заметный дискомфорт, но боли нет. Пробую ходить. Сидя на кровати, уже спускаю ноги на пол, но Аким внезапно выходит из ванной, и под его суровым, тяжелым взглядом прячу ноги под одеяло и со вздохом утыкаюсь в читалку.

К моему безмерному удивлению, он остается дома и в понедельник. Кому-то позвонив, объясняет про «неотложные дела» и отдает распоряжения на день. Возражаю для порядка: дела — не такие уж и неотложные! Но про себя почему-то ликую. Будто только что получила долгожданный подарок.

Утром, пока Аким принимает внизу заказ, встаю, наконец, и аккуратно хожу. Совершенно не больно. Как приятно вернуть себе вторую ногу в пользование! Торопливо шагаю в ванную, умываюсь, чищу зубы и, чуть прихрамывая, мчусь в постель! Рядом с кроватью уже стоит Аким и с упреком на меня поглядывает. Вечно он меня палит, что за невезуха? К счастью, он не ругается, тщательно осматривает лодыжку и разрешает осторожно перемещаться по комнате.

Но я возмущаюсь! Только по спальне? Он шутит? Я ведь столько дней на воздухе не была! Хочу гулять, хочу повидаться с Рекси, в конце концов! И он, поворчав немного, отводит меня под ручку, на улицу. Отлично могу идти сама, но об этом даже не заикаюсь! От его прикосновений по телу привычно пробегают теплые волны! Украдкой кошусь на него — он тоже *это* чувствует? По лицу его ничегошеньки непонятно, но, поймав мой взгляд, его

строгие глаза заметно смягчаются.

Когда мы, наконец, выходим на задний дворик, я сажусь на скамейку, и при виде меня Рекси сходит с ума. Носится рядом, счастливо повизгивая, лает от избытка чувств, напрыгивает, приносит мне мячик и тыкает им в колени, предлагая игру. От свежего воздуха, обилия света, красок, запахов и звуков кружится голова.

Пока Рекси несется за далеко заброшенным мячом, с глупой, блаженной улыбкой (только бы никто сейчас не увидел!) рассматриваю божью коровку, прилетевшую на скамейку. Подставляю ладонь, на которую она доверчиво заползает. Поднимаю руку, и, забравшись на самый кончик указательного пальца, насекомое улетает.

Успеваю загадать желание, как в детстве. Пусть случится чудо и я останусь с Акимом! Но и Катя пусть получит себе тело! Формально, конечно, это не одно, а два желания, противоположных и взаимоисключающих, но в моем сердце эти цели сплелись в одну и теперь всеми фибрами души я желаю именно этого!

Словно отозвавшись на мои мысли о ней, передо мной возникает Катя. Она взбудоражена, потирает руки от волнения и почти кричит:

— Я знаю, что нужно делать, чтобы вернуть себе свое тело. Слушай!

От ее слов все внутри замирает. Знала, что этот разговор рано или поздно случится, но понятия не имела, что будет так больно. Она ведь сейчас мне предложит способ навсегда расстаться с Акимом!

Катя, продолжая экспрессивно жестикулировать, расхаживает передо мной, так и брызжет энергией. Требует:

— Мы с тобой должны найти хорошую, качественную ведьму! Не из тех, что, кроме понтов, нифига не умеют, а настоящую, которая нормально шарит в теме! Ты ей отвалишь бабла, и она вернет меня в мое тело!

Вздыхаю. Найти хорошую ведьму. Всего-то делов! Интересуюсь не без ехидцы:

— Где будем искать? На кладбище?

— Дурочка, какое кладбище?! Они же объявление в газеты дают, в интернете, а не на кладбище развешивают! Надо там поискать!

Потрепав по холке Рекси, притащившую в зубах мяч, на автомате зашвыриваю его подальше и псина уносится прочь.

На словах про ведьму мне становится не по себе. Особенно, когда понимаю, что Катя настроена решительно. Ведьмы — это колдовство, пугающая неизвестность, непонятные законы чужих миров, о которых знаю не больше, чем о Марианской впадине. Шагнешь туда — и не факт, что выплывешь! Робко предлагаю:

— Может, лучше в церковь сходим? Там батюшка обряд экзорцизма проведет? Или как там у них это называется?

— Ты, я вижу, еще меньше в теме рубишь, чем я! — подбоченившись заявляет девушка. — Священники выгоняют из тела бесов, которые там нахально заправляют, затыкая настоящую хозяйку. А ты, хоть и нахально заправляешь, но на беса не тянешь! И самое главное, меня-то в моем теле нет! Если выгонят твою душу, там вообще никого не останется, прикинь! Без души тело же вроде умирает?

— Но ведьма? — ежусь от непонятной тревоги. Инстинкт самосохранения вопит, орет дурным голосом, заставляя отвергнуть эту мысль. словно от паука, змеи и прочих гадких тварей призывает держаться подальше! В противовес моим страхам Катя совершенно уверена в своей правоте и ничуть не сомневается. Может, мои теперешние ощущения — лишь глупые концепции из детства? Осадок, накрепко въевшийся после прочитанных сказок? Ведьмы — ведь не всегда злые и коварные. Может, есть среди них и добрые, которые используют свои странные знания во благо людям? Исцеляют, снимают порчу или сглаз.

Катя неторопливо топает ножкой.

— Так! Ты не в том положении, чтобы мне отказывать! Сегодня же найди какую-нибудь ведьму и назначь с ней встречу!

— Ладно, — машу рукой. — Но ты всерьез считаешь, что в такой глухомани, как Колпино, есть ведьмы?

— Может, здесь и нет. Но в райцентре точно найдутся! Отсюда всего полтора часа до центра пилить!

На том и порешаем. Отвернувшись к собаке, на миг теряю свою неугомонную подругу из виду, а когда поворачиваюсь к ней, ее уже и след простыл.

Успеваю сделать еще пару бросков для Рекси, прежде, чем ко мне спускается Аким. Он одет очень легко, по погоде: белая футболка, подчеркивающая его загар и мощное, спортивное сложение, летние брюки цвета хаки и белые кроссовки. В руках у него брелок, пульт от гаража и моя сумочка, в которой хранятся Катины документы. Объявляет мне, что поедем сейчас за новым смартфоном. Готова ли я ехать в таком виде? Оглядев себя, киваю и топаю к джипу. Немного запоздало благодарю за предусмотрительность и заботу, и мы отправляемся в путь.

Заставляю себя не думать о ведьмах, о Кате, пытаюсь сфокусироваться на настоящем. Поддержать беседу, чтоб не выглядеть взвинченной и рассеянной. Но он все равно считывает мое волнение и неправильно его истолковывает:

— Тебе еще рановато куда-то ходить, признаю! Но завтра мне полюбасу придется переться на работу, а без связи тебя оставлять неохота!

Когда подъезжаем к магазин-салону сотовой связи, он, бережно подхватив под локоток, проводит меня внутрь. Идем медленно, как парочка старичков на прогулке. Как-то даже неловко передвигаться в темпе раненой улитки, но мой сопровождающий сурово пресекает все мои попытки ускориться.

Уже знакомый паренек, любитель воблы, встречает меня улыбкой, как постоянного клиента. Покупаем мне смартфон (беру первый, на который падает взгляд), оформляем пакет интернета и телефонной связи, и продавец опять собственноручно вставляет симку в гаджет. На прощанье любезно приглашает: "Приходите еще!" Про себя же надеюсь, что еще долго сюда не зайду, ибо терять телефоны и "забывать" их пароли мне уже надоело.

Когда садимся в машину, Аким обещает, что скоро будем обедать. Но сначала быстренько кое-куда смотаемся, чтобы уладить один вопрос. Я киваю и обещаю безропотно дожидаться его в машине. Он загадочно усмехается, и мы снова куда-то едем.

Останавливаемся у автосалона, огромного застекленного здания, перед которым красуются десятки блестящих от чистоты и новизны автомобилей. Наверно, детали для джипа сейчас купит и — айда обедать! Как и обещала, спокойно сижу на своем сидении и продолжаю ковыряться в новом смартфоне. Неожиданно Аким зовет меня с собой и, стоит мне только выйти из джипа, предлагает выбрать себе машину. От удивления почти роняю челюсть на пол. Он решил мне купить машину? Он? Мне? Сейчас?

Поначалу у меня разбегаются глаза от полированного блеска разнообразных моделей. Расторопно прибежавший к нам консультант советует три «лучших» варианта. Из предложенного мне ужасно нравится красенькая, нарядная малышка Ярис, но муж заявляет, что с моей везучестью мне полагается ездить только на танках. Поэтому убеждает выбрать черный бронированный Лэнд Крузер.

Тону в благодарности, захлестнувшей через край всю душу. Чувствую себя заботливо окутанной пеленой надежности и внимания. Что, черт возьми, могла сотворить Катя, чтобы довести этого адекватного, щедрого мужчину до развода? И, кстати, об этом! Разве женщине, с которой собираются разводиться, дарят машины? Опыта у меня, конечно, в этой области немного, но все же...

Когда оформляем покупку, консультант обещает доставить машину уже сегодня, прямо к нашему дому. Значит, с завтрашнего дня я буду совершенно свободна в своих передвижениях!

Затем неторопливый обед. Возвращение домой. Освоение нового смартфона. Поиски ведьмы и даже парочка первых контактов. Ужин, который на сей раз мы едим на кухне.

Нереальное удовольствие от общения. Легкий взаимный флирт, улыбки, смех. Идеальное завершение вечера, если бы на задворках сознания не маячила мысль о том, что это, возможно, последние дни вместе с Акимом. Так что наслаждайся, девочка, пока можешь! Пока дышишь, дыши и будь благодарной!

Когда стою в ванной перед зеркалом, легкими, скользящими движениями наношу ночной крем на кожу, за спиной раздаются шаги. Вижу в отражении приближение Акима. Он взбудоражен и выглядит злым. Мелькает мысль: Боже, что не так? Неужто Катинь косяки опять выплыли на поверхность? Аким подходит вплотную и внезапно опускает руки на талию. Замираю от неожиданной, пьянящей близости. Поцелуй в шею, в затылок. Мне не снится? От его прикосновений учащается пульс, сердце бьется в безумном ритме, предвкушая, ожидая, надеясь. Его губы путаются в моих волосах, борода чувственно покалывает кожу. Он крепче прижимает меня к себе и хрипло, едва различимо бормочет:

— Почему сейчас? Когда уже ни хрена не исправишь... Почему ты стала такой... обалденной... классной... желанной... нежной... моей половинкой... моим продолжением...

Проводит губами по виску, прижимается к коже, целует и внезапно замирает, словно ставит точку. Тут же, резко отходит — безжалостно, обидно бросает, оставляя не на шутку разгоревшийся пожар непотушенным.

Порывисто к нему разворачиваюсь. Вижу в дверном проеме лишь мелькнувшую спину, руки, цапнувшие подушку, слышу глухие, колючие фразы:

— Сегодня я сплю внизу. На диване.

И хлопок дверью, как удар по оголенным нервам.

Вцепившись в раковину, стою, покачиваясь, еле удерживаю равновесие. Может, догнать его? Прильнуть к груди? Прижаться к его губам? Может, ну ее, гордость? Мотаю головой. Так не пойдет, нет! Гордость, самоуважение выбрасывать за ненужностью не собираюсь! Унижаться, бегать за мужчиной не стану! Не хочет меня — ну и ладно, обойдусь!

— Но ведь это он Катю не хочет, — тут же шепчет мне другой голосок. Сладкий и соблазнительный. — А тебя как раз он сейчас хочет! Не хочет даже, а жаждет! Неистово, безрассудно, на грани безумной одержимости!

Эти мысли меня раздирают надвое. Рвут наживую, терзают. Никак не дают определиться!

Помогает, как ни странно, появление Кати. Ее ласковый, вкрадчивый голос:

— Ну же, иди к нему! Он готовенький! Дотронешься до него пальчиком — и он твой!

Ее слова отрезвляют, заставляют опомниться. Его тело готово, да! Но решения со мной остаться он еще не принял. Давить на его слабость, манипулировать, играть на желаниях плоти сейчас — это так в духе Кати! А значит совершенно, абсолютно неверно! Путь в никуда!

Со стоном кидаюсь на кровать. Долго лежу, не в состоянии уснуть. То плачу, жалея себя. То стучу по кровати, сержусь на кого-то: на Катю, Акима, неизвестного убийцу, на свою судьбу с ее капризными причудами.

Устав сражаться с бессонницей, без толку вертеться в постели, встаю, вновь зажигаю приглушенный свет и подхожу к окну. Вижу в стекле свое отражение на фоне темного, звездного неба. Я всего лишь в майке и трусиках. Хрупкий девичий силуэт с аппетитными изгибами. Распущенные волосы спадают по плечам. Красивая. Но одинокая.

Неожиданно жестко и без спроса в мое пространство вторгается Аким. Приближается

ко мне со спины и безо всяких предисловий обнимает.

Мой затылок опалает тяжелое, рваное дыхание. Хочу обернуться, отодвинуться, но он крепко держит меня за талию, прижимает к себе, жадно покусывая плечи и шею.

Чувствую кожей его напряженные мышцы, бедрами ощущаю его возбуждение, током вдаряющее по всем рецепторам, вновь разжигая едва утихший пожар. Хочу возмутиться, вырываюсь, но он отпускает меня лишь на миг, чтобы тут же развернуть к себе и запечатать мне рот алчным, одуряющим поцелуем. Одна его рука мощным капканом удерживает талию, а другая прижимает к себе затылок. Его язык по-хозяйски неторопливо исследует рот, отзываясь сладкой дрожью внизу живота.

Сопротивляться охота все меньше и меньше, пока не плыву опаленным воском в его руках, готовая на все. Он сдирает с меня майку, и я помогаю ему, сбрасывая с себя трусики, последнюю досадную помеху. Наши тела сплетаются воедино и его губы, руки, язык скользят по груди, разжигая горячие волны желания. Выгибаюсь со стоном ему навстречу, слышу, как он зовет меня: «Катя!» Это имя царапает уши. Сбивает с ритма дыхание. Ледяной водой остужает пожирающий нутро огонь. Я не Катя, а Карина! Зови меня Кариной!

Вместо этого еще настойчивее твердит: «Катя! Катя, очнись! Что с тобой?»

С неохотой открываю глаза и вижу Акима. Он трясет меня за плечо, сидит рядом и с тревогой бормочет:

— Ты кричала во сне, я аж снизу услышал! Будто ты Карина, не Катя. Тебе снился кошмар про убитую подругу?

Мотаю головой, отворачиваюсь, закрывая лицо ладонями. Стыдно-то как! Хочу провалиться сквозь землю прямо сейчас, в эту секунду! Не кошмар мне снился, а фильм для взрослых!

Бросаю взгляд на часы — уже пол седьмого. Встаю с кровати, отправляюсь в душ. Стою под ледяными струями и в голове моментально свежеет. Этот сон, наверно, — реакция мозга на странную недвусмысленную ситуацию: живу с мужчиной, но блюду воздержание. Исполняю роль жены во всем, кроме самой сути. Интересно, ему такие кошмары не снятся?

Мотнув головой, стараюсь отвлечься. Не о том думаю! У меня сегодня первый рабочий день! И надеюсь, что не последний!

Ловко разбиваю в сковородку шесть яиц и теперь они уютно скворчат под стеклянной крышкой. Недавно поняла: Аким любит чуть недожаренный желток, и я виртуозно вынимаю яйца в нужный момент: белок схватился, а желтки еще нет. Довольная собой раскладываю еду по тарелкам. Но на этом положительные эмоции от завтрака обрываются.

Из-за того, что едим за большим столом, особенно остро чувствуется наша обособленность друг от друга. Нас теперь отделяют не только полтора метра дощатой поверхности, но и борьба с личными демонами, отнимающая слишком много ресурсов. Лишь изредка осмеливаюсь взглянуть на Акима, но он все свое внимание отдает еде, на меня смотреть не утруждается.

Разговор не клеится. Интересуюсь, какие у него на сегодня планы? Как всегда, работа в офисе. А у меня? Работаю няней? Что ж, удачи мне в этом! Поев, он благодарит за завтрак и мы расходимся с тем же ощущением неловкости, с которым и сидели за стол.

Успеваю завершить утреннюю, домашнюю рутину прежде, чем слышу за забором бибиканье. Это Алена! Мчусь за сумкой с документами и телефоном. Торопливо натягиваю на себя чистую футболку и джинсы — кажется, напрасно я критиковала Катю за ее незатейливые наряды при жизни в деревне — хватаю ключи и быстро, но аккуратно ступая, несусь по дорожке к свекрови. Договариваемся так: она медленно едет впереди, я — за ней следом.

Алена тщательно оглядывает мой лэнд ровер, похлопывает по капоту с видом знатока-коллекционера и удовлетворенно кивает. Хотя, похоже, она оценивает не автомобиль, а благородный жест сына в мой адрес. Его поступок и те выводы, на которые он невольно наталкивает, вызывают сейчас на ее лице благодушный прищур и одобрительно задранный вверх большой палец. Вскоре садимся по машинам и короткой, дружной цепочкой едем к моим потенциальным работодателям.

Через пол часа мы на месте.

Трехэтажный деревянный дом Васильевых расположен настолько обособленно от главной дороги, что хозяйева даже не потрудились огородить его забором. Строение чем-то напоминает русскую избу: цельные бревна образуют стены, крыша покрыта темно-серой черепицей. Дом украшает множество окон, второй этаж окаймлен сплошным балконом за деревянной оградой, витиевато, вдоль поперечного контура дома уходящим к дорожке из декоративных камней, змейкой спускающейся на уровень цокольного этажа.

Нам навстречу выходит хозяйка. Привлекательная блондинка за тридцать в светлом сарафане, украшенном нежно-розовыми цветочками. Издали они выглядят безобразными пятнами, но чем ближе мы подходим, тем изысканнее становится их форма и цветофактура. Она ловит мой взгляд, задержавшийся на причудливом принте и оживленно спрашивает:

— Нравится? Сама рисовала! Вот, осваиваю роспись на льне! Я, кстати, Ольга.

Знакомимся. Алена стоит со мной рядом, и нахваливает меня с сияющими энтузиазмом глазами. Полуобнимает, будто теплым крылышком прикрывая, и похлопывает по плечу. Я, оказывается, и спортивная, и харизматичная, и характер огого, какой волевой! Всех враз уговорю и заставлю сделать то, что нужно!

— И меня заставит? — в притворном испуге шарахается Ольга, при этом пронзая пытливым взглядом мое лицо.

— Нет, ну что ты, дорогая! С субординацией у нас все в порядке, — смеется свекровь и шутливо жалуется, — Меня вон Катюша еще ни разу мамой не назвала — только все с пиететом Аленой Григорьевной величает. В общем, не обижайте тут нашу Катеньку! Она девочка очень старательная. И быстро всему учится, — добавляет уже потише, пытаясь, наверно, успокоить саму себя. Но Ольга ее не слушает. Оборачивается в сторону дома и кричит:

— Ванечка, Паша, идите сюда! Ваша няня приехала!

Пока прощаемся с Аленой, к нам выбегают два русоволосых, лопоухих мальчугана, но я их совершенно не интересую. Их гораздо больше волнует желтая пластиковая пулька для пистолета, и сейчас они увлеченно спорят, кому она должна достаться.

Пока что желтый цилиндрик зажат в руках у старшего мальчика — как же знакомо: кто сильнее — того и добыча! — но младший изо всех сил выдирает ее из пальцев брата и канючит:

— Маам, ну скажи ему! Я первый нашел! Она под диваном валялась! Ему не нужна была, пока я не взял.

— Нужна, нужна! Все желтые пульки мои! И все они мне нужны! Я просто не сразу эту нашел!

Ольга обещает разобраться в проблеме потом, а пока торжественно указывает на меня. Вот, ребята, знакомьтесь! Это ваша няня, Катерина Сергеевна! Как только их взгляд падает на меня, Ольга бочком-бочком топает в сторону дома, шепчет:

— Ну, вы их займите чем-нибудь на пол часика. А то у меня срочная работа. А потом я к вам подойду!

Пробую их отвлечь. Прошу ребят показать все пистолеты и пули — весь арсенал, который у них имеется. Но эта злосчастная пулька не дает им покоя. Они жмутся, мнутя, но ничего показывать не хотят, пока игрушка в их руках не поделена.

— Чья эта пуля? — спрашиваю, присев на корточки, чтобы им удобнее было со мной разговаривать.

— Моя. Все желтые мои, — решительно заявляет Иван.

— Да, но я ее нашел, — торопливо добавляет Паша.

— Если пуля Ванина — значит он решает, кому и когда дает, верно? — обращаюсь, в основном, к младшему брату.

— Да, но... — замолкает на полуслове. Крыть-то мои слова нечем!

— Хорошо, а теперь вопрос к тебе, — переключаюсь на старшего. — Скажи, ты как-то поблагодарил брата за то, что он нашел твою игрушку?

— Нет еще. Спасибо! — быстро тараторит он, даже не глядя на Пашу. Вместо этого тарачится на меня преданными, серыми глазами.

— Ну, «спасибо» — это хорошо, конечно, но маловато. Может, согласишься дать пулю брату на десять минут?

Иван морщит лобик. Идет глубокая внутренняя борьба. Наконец, он изрекает:

— Если только на пять.

— Слишком мало! — кричит маленький торговец.

— Хорошего в принципе бывает понемногу, — философски заключаю я, глубоко вздохнув.

К счастью, на этом конфликт исчерпан, пуля переходит к Павлу (с подчеркнuto серьезным видом засекаю на смартфоне пять минут), и ребята идут показывать мне свои

игрушки.

Заходя в дом, с порога оглядываюсь по сторонам. Успеваю лишь заметить прелестную деревянную отделку дома прежде, чем в глаза бросается страшный бардак, затмевающий все прочие детали обстановки.

В гостиной раскиданы игрушки. Диван весь в кубиках. Огромные, прозрачные пластиковые коробки, под завязку набитые детским добром, заполняют все пространство вдоль стены. Многие из них открыты и опустошены. Обеденный, кажется, стол заполнен бумагами, карандашами, огрызками от яблок. Охаю. С дисциплиной здесь явно проблемы. Причем не только у детей.

— Дети, как много у вас игрушек! — «восторгаюсь» я, нервно поеживаясь. — Наверно, непросто их всех убирать, порядок поддерживать?

— Да не знаааю, — тянет растерянно Ваня, пожимая плечиками. — К нам тетя Лена приезжает убираться. Вот скоро придет вроде бы.

Ситуация, конечно, аховая. До сих пор моя работа с детьми всегда протекала на своей территории. Поначалу это были обычные детсадовские группы, в которых я работала, набираясь опыта. Потом свой собственный сад. Я всегда могла установить на своем клочке пространства свои правила. Деткам предписывалось за собой убираться и это даже не обсуждалось.

Здесь же все иначе. В чужой монастырь ведь не придешь со своим уставом! Но в этом хаосе чувствую себя неудобно, как кошка в корыте, забитом грязью. К тому же, воспитатель во мне кричит: не привив детям элементарных навыков соблюдения чистоты, о каком вообще воспитании может идти речь?

Впрочем, сегодня первый пробный день. Пожалуй, для начала понаблюдаю за динамикой отношений в этой семье, а заодно попытаюсь нащупать и зону своего влияния. Сажусь на диван и, подозвав мальчиков, активно интересуюсь их игрушками, расспрашиваю, которые из них любимые.

Дети взахлеб тараторят, тащут мне наперебой атрибуты своего досуга: меч, как в майнкрафт, руку Айронмэна с шевелящимися пальцами, рисовальную доску с подсветкой и неоновыми красками... Вываливают свое добро на мои колени, чуть ли не закапывая живьем. Большая электронная гитара при ближайшем рассмотрении оказывается липкой. Когда мои руки натываются на грифе на нечто вязкое, похожее на подсохшее варенье, прошу показать, где тут у них ближайшая раковина.

Паша, подхватив меня за правую руку (в левой у меня зажата гитара), тащит меня в противоположную часть этажа.

Здесь стоит плита, которую не сразу замечаю — она ведь тоже будто обшита шпоном и сливается с интерьером, крепкая, дубовая столешница, плавно перетекающая в деревянную раковину. И только железный кран, торчащий из стены, намекает, что эта кухня родом из нашего столетия. Прошу детей снабдить меня тряпочкой и мы вместе оттираем гитару, а я заодно и руки.

Затем, не в силах больше терпеть этот хаос, обещаю мальчишкам игру на улице. Но прежде, чем приступить к новому занятию, нам придется убрать старые игрушки на место. Объявив детям расклад, приступаю к уборке, поминутно советуясь, что куда ставить. Мальцы потихоньку подтягиваются и вовлекаются в наведение порядка.

Когда все игрушки отправлены на отдых в коробки, хватаю мяч и мы мчимся на улицу. Играем в собачку, и собачка, разумеется, я. Намеренно из рук вон плохо ловлю мяч, и дети

наслаждаются своим превосходством. Вскоре меняем игру и резвимся дальше, но принцип остается такой же: я даю им выиграть, но делаю вид, что очень расстраиваюсь.

По моим подсчетам мы прыгаем-бегаем на свежем воздухе уже больше двух часов. Спасибо тренированному Катиному телу, я выдерживаю эту нагрузку, почти не запыхавшись. И все же Ольга говорила про пол часа, а уже близится время обеда.

Идем с парнями узнать у мамы, не помочь ли ей с обедом. Застаем ее перед мольбертом, в просторной мастерской. Окна выходят как раз на ту полянку, на которой мы только что играли с детьми. Здесь то ли бардак, то ли творческая стихия разбушевавшейся Музы. Все поверхности, от столов до подоконников и шкафов густо завалены какими-то тюбиками, тряпками, палитрами. Резко пахнет краской, какими-то химикатами и я невольно морщу нос. Ольга, заметив наш приход, растерянно интересуется:

— Неужели уже прошло пол часа?

— Как минимум четыре раза, — подтверждаю я.

— Мам, что на обед? — спрашивает Иван.

— Давай сосиски с макаронами! — предлагает Паша.

Отправляемся на кухню всей компанией. Готовим вкусный, простой обед. Пока обедаем, я пытаюсь выпытать у Ольги хоть что-нибудь о детском расписании и о ее ко мне ожиданиях. Но, кажется, ее главное ожидание — чтобы я присматривала за детьми, разруливала их споры и конфликты и не давала им друг друга покалечить. Какие занятия? Какое расписание? Лето ведь! Пусть детки отдыхают! Понимаю, что мне самой придется составлять план, что вполне меня устраивает.

Когда дети наелись, Ольга разрешает им посмотреть мультики, а мне предлагает попить кофейку, поболтать за жизнь.

Я не слишком рада этому предложению. Хотя она и выглядит милой и пушистой, но иногда в ее серых глазах проскакивает нечто пылливо-прозорливое, будто сканирующее собеседника на предмет инородных, нежелательных мыслей.

Мне кажется, она сейчас не болтать со мной настроена, а считать мою подноготную. Это, конечно, ожидаемо с учетом обстоятельств, но все же напрягает, как на экзамене. Вздыхаю и сажусь держать перед ней ответ.

Глава 16

— Скоро муж придет, — вздыхает Ольга и, с наслаждением зажмурившись, отпивает глоточек кофе из бело-синей гжелевой чашки. — Хочу успеть с тобой до его прихода познакомиться. В нормальной атмосфере, без нервов. А то эти наши мужчины вечно, как вернутся домой, начинают: «Где мой обед, женщина? Где мои тапки? Где моя газета?»

Она забавно кривит носик и спрашивает:

— У тебя тоже так?

Мотаю головой, смеюсь:

— Нет, таких фраз не припомню. Вы со мной хотите поговорить наедине, чтобы решить, подхожу ли я на роль няни?

— Ой, да оставь эти выканья кому-нибудь другому! Со мной можно по-простому, на ты! У нас не такая уж большая разница в возрасте!

Я качаю головой, вовсе не в восторге от этого панибратства.

— Если вы меня *не* возьмете на работу, то с удовольствием буду общаться по-простому! Но к потенциальному работодателю предпочитаю обращаться на вы.

— Слушай, ты какая-то слишком правильная для меня! А вообще, знаешь, что? Ты угадала! Это я принимаю решение насчет няни. Муж-то думает, что он главный, но на деле я. Мы ведь, женщины, шеей работаем: куда голову повернем — туда голова и смотрит.

Шеей? На этих словах улыбаюсь. Меня всегда забавляло это сравнение с шеей. Мозг, заседающий в голове, посылает шее сигнал повернуться и она ему следует. И кто здесь главный? Шея?

Отпиваю глоток кофе и молчу. Не могу избавиться от неловкого ощущения абсурдности происходящего. Даже любимый напиток сейчас слишком горчит, нагружая вкусовые рецепторы досадным послевкусием. Разве так проходит интервью о приеме на работу? Это у художников так принято: вести замороченные беседы и пытаться залезть к человеку в душу?

— А у тебя как? Может, тебе известны какие-нибудь свои хитрые способы? — спрашивает Ольга, сворачивая причудливым образом бумажку, напоминающую теперь белого лебедя на деревянной глади стола. — Если ты что-нибудь хочешь от мужа получить, как ты своего добиваешься?

Никак вообще-то. От Акима вот еще ничего не добились — я ведь замужем всего несколько дней. Но есть же универсальный женский способ, который тут же озвучиваю:

— Поддерживаю с мужем хорошие отношения. И когда мне что-то по-настоящему надо, я прошу, и он дает. Хотя обычно мне просить не приходится. Он сам замечает, что мне требуется и дает безо всяких просьб.

— Вот как?! Такое даже бывает в жизни?

— Конечно! Вот, например, несколько дней назад я разбила свою машину. Муж отвез меня вчера в салон и купил новую. Бронированную.

Ольга хохочет.

— Броневик? Заботливый и практичный!

- Так и есть!

— Слушай, это конечно, очень личная тема, но почему у вас своих детей до сих пор нет? Я просто хочу понять, любишь ли ты детей? Если брать в целом?

Хороший вопрос. И правда, почему до сих пор Аким с Катей не родили детей?

Вспоминаю, что Катя вроде бы избегала детей. Неужели девушка из модных нынче чайлдфришек? Гадать можно долго, но я озвучиваю следующее предположение, что приходит на ум:

— Нам хотелось сначала обустроиться. Наладить быт. А то у нас то заграница, то Москва, то Колпино. Переезд за переездом.

— Но вы же отсюда уезжать не собираетесь?

— Нет, не собираемся.

— Значит, можно сказать, вы уже обустроились и можно отправляться за ребеночком?

Вот она меня и загнала в первый угол. Если скажу: мы готовы к детям, значит она берет на работу ту, которую, очень вероятно, скоро отрастит себе животик и отправится рожать. Скажу: «нет» — значит детей у нас нет по другим причинам. И тогда перед Ольгой откроется целый океан для фантазии: возможно, я не хочу детей, потому что их не люблю. Возможно, больна. И если больна, то чем? Нужно было сразу ответить расплывчато и обтекаемо, как отвечаю сейчас:

— Мы с мужем относимся к детям как к подарку свыше. Ждем!

— Ладно. У нас-то первый комочек счастья сразу появился. Но, конечно, всяко бывает. Кстати, у меня муж недавно третьего попросил. Я все думаю: подойду ли на роль многодетной мамы или нет? Вы с мужем сколько в идеале детей хотите?

Начинаю медленно закипать. Да что же это такое? Это интервью — словно не на должность няни, а на должность подружки! Столько вопросов и все мимо! И главное, я понятия не имею, как на них отвечать? Ляпаю наугад:

— Сначала одного, а там уже посмотрим.

— Вот и правильно! Мы, женщины, должны сначала оценить, насколько мужья помогают с детьми, а потом уже решать, дарить им вторых, третьих или нет!

Эти ее обобщения «мы, женщины» ужасно выводят из себя! У всех семей по-разному! Может, хватит разговаривать штампами? Отвечаю ей довольно сухо:

— Я в своем муже уверена. Он заботливый, внимательный и ответственный. Думаю, он будет хорошим отцом. Но суть нашего разговора я не совсем улавливаю. Мне кажется, я вам сегодня уже продемонстрировала с Пашей и Ваней, что умею выстраивать отношения с детьми! И вы все равно пытаетесь понять, люблю ли я детей?

— Да, с детьми ты ладишь отлично. Даже слишком хорошо для бездетной девушки без братьев, сестер и без спецобразования, — Ольга задумчиво отпивает последний глоток из своей чашки и интересуется, — еще кофе будешь?

— Нет, спасибо! — внутри меня уже понеслась лавина возмущения, и мне ее не остановить. — Раз уж у нас откровенный разговор, позвольте и мне высказаться! Я привыкла жить в чистоте и считаю, что детям необходима привычка убираться за собой. Если вы меня наймете, я буду Ивана и Павла к этому приучать и попрошу в этом вашего содействия.

— А я все думала-гадала: где же твоя обещанная харизма? Наконец-то, дождалась!

Теперь мне кажется, что моя работа накрылась медным тазом. Надерзила хозяйке и она, насмешливо разглядывая меня, уже решила мою судьбу. В этот момент дверь открывается и в помещение заходит мужчина средних лет. Высокий, немного сутулый, в очках, налысо бритый, но с приятными чертами лица.

— Здравствуйте! — произносит он доброжелательно и после моего ответного приветствия вопросительно поглядывает на мою собеседницу, — Оля, у нас гости?

— Не совсем, — отзывается она. — Познакомься, Алексей, это няня наших детей.

Екатерина. Кушать будешь?

Как ни в чем не бывало, она начинает суетиться вокруг супруга. Значит, я все-таки няня? Меня только что приняли на работу? В душе противоречивые чувства. И рада этому, и не совсем. Такое чувство, что Ольга сейчас выведала обо мне нечто, что я не собиралась ей рассказывать. Как бы то ни было, собранные сведения ее устроили и она осталась довольна. Ну и ладно! Неуверенно спрашиваю:

— Так мне сейчас идти к детям?

— На сегодня вы свободны. А завтра ждем вас к девяти. И будьте добры, захватите с собой свидетельство об окончании курсов оказания неотложной помощи.

— Да, хорошо. Рада была познакомиться, — и, откланявшись, удаляюсь.

Включив навигатор, еду домой. По пути обдумываю сегодняшней день. Странная женщина. Ее прыжки от детской непосредственности к формальному, деловому тону не могут не удивлять. Впрочем, моя задача — справляться с ее детьми, а переживать за Ольгины тараканы — не моего ума дела. Настроение улучшается.

На этот момент я и не подозреваю, что сегодняшнее интервью мне еще аукнется. Причем весьма скоро!

Ну а пока у меня начинается типичная домашняя рутина работающей лошадки. Покупка продуктов. Подготовка ужина. Уборка. Ожидание мужа.

За едой нам с Акимом опять неловко, но я больше не собираюсь с этим мириться, как за завтраком. Прятаться в своих страданиях, терзаться и бледнеть от переживаний — нет уж, увольте! Спрашиваю, когда состоится встреча с Владимиром. Тот небрежно пожимает своими широченными плечами. Еще неизвестно.

Интересуюсь между прочим, сможем ли мы сыграть перед чужим человеком роль любящей пары, если не способны за ужином даже нормально пообщаться? Похоже, эта мысль его слегка нервирует. Он хмурится и бросает на меня мрачный взгляд. У меня есть какие-то предложения?

Предлагаю оставить прошлое в прошлом и жить в настоящем. По крайней мере, до тех пор, пока Владимир не подпишет контракт. Акиму не нравится эта мысль. Это видно по тому, как тяжелеет и рвется его дыхание. Пальцы резко, до скрипа тарелки орудут ножом, разрезая мягкие мясные волокна. Забыть некоторые вещи невозможно, изрекает глухо. Но он обещает постараться, всего лишь попробует о них не думать.

С того момента он и правда старается. Беседа наша еще не бежит легким ручейком, но уже и не пестрит сплошь неловкими паузами. Мы общаемся, как соседи, впервые столкнувшиеся на лестничной площадке, когда у них выбило пробки. Есть общая проблема, единая цель, но слаженного разговора все еще не получается. Притирки, свойственной близким людям, пока не случилось.

После ужина — звонок довольной Алены. Узнаю от нее, какая я молодец! Ольга — человек невероятно проницательный, в два счета раскусит любого! Если я прошла ее тест, значит у меня с этой семьей все срастется! Я не вполне разделяю оптимистичный настрой свекрови. Поживем — увидим!

Затем совершенно внезапно она меняет тему. Объясняет, что совсем скоро у них с мужем серебряный юбилей — двадцать пять лет их совместной истории. Она собирается отпраздновать с сыновьями, их женами и внуками. В честь знаменательной даты муж возвращается домой из дальней командировки. В общем, Алена торжественно приглашает и меня с Акимом на их праздничное мероприятие. Про себя вздыхаю — новое испытание:

очередные незнакомцы, с которыми меня уже связывает некие ниточки, для меня невидимые — но, конечно же, соглашаюсь.

— Акиму ведь вы тоже уже рассказали?

— Видишь ли, моя хорошая, он, к сожалению, не ответил мне ничего определенного. Туманно намекнул на то, что у него завал на работе, еще туманнее на какие-то неизвестные мне обстоятельства, но прийти так и не пообещал. Я подумала, может, дело в тебе? Может, он боится тебя ставить в неловкую ситуацию? Ведь, раз ты позабыла всю его родню, тебе придется со всеми знакомиться заново, а это, возможно, лишний стресс для тебя?

Обещаю Алене, что, если дело только во мне, мы обязательно придем их поздравить. Направляюсь в кабинет к мужу. Интересно, как полагается вести себя «правильной» жене перед закрытой дверью в собственном доме? Вежливо, деликатно постучаться или непринужденно впорхнуть без предупреждения? Ладонь ложится на отливающую серебром дверную ручку. Прохлада металла слегка отрезвляет. Пожалуй, мы не в таких близких отношениях, чтобы вторгаться в его пространство без стука. Кончиками пальцев постучав негромко три раза, слышу:

— Дверь открыта.

Захожу в просторный, светлый кабинет. Его царство. Большой, удобный офисный стол, ноутбук, за которым он сейчас то ли работает, то ли развлекается — экрана не вижу. На стене висит магнитно-маркерная доска, около которой присоседилась раскидистая пальма. Стеллажи вдоль стен, шкаф. Аким вопросительно смотрит на меня:

— Ты что-то хотела?

По его торопливо-небрежному тону и колючему взгляду, быстро мазнувшему лицо, чувствую, что я не вовремя. Внутри просыпается протест. Это твоя мать, не моя. Ты можешь прятаться от меня, если желаешь, но прятаться от собственных родителей? Извините и подвиньтесь! Бесцеремонно захожу внутрь.

Второго стула здесь нет, зато у окна, сейчас зашторенного жалюзи, стоит объемное бежевое кресло с высокой спинкой и широкими подлокотниками. Опускаюсь в него и тем самым даю понять: я решительно настроена на разговор.

Он, пару раз щелкнув пальцами по клавиатуре, раздраженно захлопывает ноут. Складывает руки на груди. Молча меня рассматривает, выжидает. Объясняю, с чем пришла. От волнения мой голос немного дрожит. Нас пригласили на юбилей. Я хочу порадовать Алenu, отпраздновать вместе с его родителями знаменательную дату. А он этого хочет? Аким хмурится. Упрямая морщинка меж бровей говорит мне «нет» еще до того, как он сообщает:

— Ты понятия не имеешь, о чем просишь!

— Ну так объясни мне!

— Нет. Много чести. Прими как факт: мы никуда не идем.

— Ты ведешь себя, как диктатор.

— Плевать, как это выглядит. На то есть причины.

Стена в глубине его глаз, которой он от меня отгородился, растет все выше и грозит вот-вот обрушиться, похоронив меня под тяжестью своих обломков. Меня и тот хрупкий, нежный росточек, что совсем недавно начал проклевываться между нами из казалось бы безнадежных разрухи и хаоса. Приходится сделать шаг назад, отступить, пока не поздно. Тихо заявляю:

— Я тебе верю. Знаю: ты не отказался бы от родительского юбилея просто так, на ровном месте. Что скажем твоей маме, чтобы она не слишком обиделась?

— Что угодно придумай. Ты же у нас теперь спец по дипломатии!

На его лице, еще минуту назад настроенном на борьбу, сейчас сквозит откровенная усталость. В глазах утих воинственный задор, а уголки рта утомленно опущены. Мне становится невыносимо жаль его — человека, в одиночку несущего невидимый для других груз.

Катя облажалась, сотворила нечто, что разрушило их отношения, покрыло рубцами его душу и породило в нем скребущихся, кромсающих его клыками монстров. Но выпустить свою боль из себя он не может, потому что боится заодно с ней освободить и этих злобных демонов. Держит их в клетке, внутри себя, заперев на сотни крепких засовов.

И, несмотря на это, он нашел в себе силы обо мне позаботиться, выручить, когда я отчаянно нуждалась в его помощи. Память услужливо вертит калейдоскоп картинок, демонстрируя самые яркие фрагменты. Вот, он, бережно обхватив меня, мокрую и грязную, устраивает на сидении своей чистой машины. Ухаживает за мной, пока моя распухшая лодыжка приковывает меня к постели. Носит на руках. Покупает машину.

Теперь моя очередь отдавать. Моя, не его.

Подхожу к нему со спины, ставлю свои ладошки на его аршинные плечи. Чувствую мгновенно напрягшиеся мышцы. Предлагаю:

— Давай сделаю тебе массаж!

— Ты? Мне? — он недоверчиво косится на меня, но не пытается отстраниться.

— Угу. Я тебе не рассказывала, но еще до встречи с тобой я знавала одну японку, которая показала мне несколько удивительных техник и парочку важных точек.

Вспоминаю Фумико — хрупкую девушку из Токио, с которой я познакомилась на втором курсе универа. Она училась на филологическом и жила вместе с моей Анютой в одной комнате общежития. Ее тоненькие пальчики вытворяли на моей голове чудеса. Я заходила к девочкам в общагу уставшей, сонной тетерей, не представляя, как доучу к завтрашнему экзамену огромный объем материалов. А уходила оттуда с легким, свежим сознанием, готовым впитывать и обрабатывать километры информации.

Аккуратно массирую его голову и плечи по заученному когда-то рисунку. Потихоньку усиливаю давление. Он недовольно мычит, но я прошу потерпеть. И, наконец, самое болезненное. Засовываю палец под заднее, нижнее основание черепа, по-особенному нажимаю на одну точку и давлю изо всех сил. Знаю, насколько это болезненно, но результат того стоит. Он протестует, ворчит, но терпит.

Поразительно! В свой первый раз я с криками вырвалась от Фумико, как из-под

пыточной машины, а потом еще долго не подпускала к себе ее сильные руки, умеющие мгновенно опустить в океан невыносимой боли. То ли у него болевой порог ненормально высокий, то ли... он мне доверяет? Через пару минут отпускаю палец и легкими поглаживающими движениями завершаю массаж.

— Ну как?

Ищу его взгляд. Он удивленно моргает. Вскакивает со стула, прохаживается по комнате, прислушиваясь к своим ощущениям. Оживленно спрашивает:

— Кать, что ты со мной сделала? В башке все прояснилось, как будто я только что выспался, принял холодный душ и уже выхлебал первую чашку кофе. Кристальная ясность в мыслях!

— Обращайся, — небрежно мурлычу я, — если устанешь и потребуются сосредоточиться. Могу тебе еще и чай заварить. Хочешь?

— Ты слишком добра, — он подозрительно щурится. — Но от чая не откажусь. Спасибо.

Через двадцать минут заносу ему в кабинет чай с гречишным медом, как он любит, и на этот раз он встречает меня приветливо. Чувствую себя принятой им в свое личное пространство, и это ощущение ласково греет душу. Поставив поднос на стол, предлагаю:

— Скажем твоей маме, что...

Он останавливает меня коротким жестом.

— Скажем ей, что мы придем.

Не верю своим ушам. Вопросительно смотрю на него. Мне не послышалось? На лице его решимость, в глазах уверенность. В ответ на мой невысказанный вопрос он произносит какую-то загадочную бессмыслицу:

— Думаю, слишком многое стоит на кону. Но так или иначе для меня там все окончательно разрешится.

— Хорошо, — киваю растерянно. — Ничего из тобой сказанного не поняла, но твоей маме передам, что мы придем. Здорово, что ты передумал!

Разворачиваюсь, чтобы уйти, но прежде, чем успеваю перешагнуть порог, он, задумчиво барабанив по крышке ноутбука, произносит:

— Мне нравится то, какой ты стала. Прошу, не меняйся больше! Куда бы ни делась старая Катя, пусть она там и остается!

Улыбнувшись неловко, выхожу и закрываю дверь. Прижимаюсь к прохладной стене. Он только что вслух сказал, что я ему нравлюсь. Не Катя, а я! Его слова впорхнули в меня нежными бабочками и теперь щеотно трепыхаются в груди. От взмахов их шелковых крыльев крепнет надежда на нечто прекрасное, манящее призрачной дымкой к себе, как оазис в пустыне.

Как и следовало ожидать, рядом появляется та, о которой минуту назад шел разговор. Бабочки, при виде ее испуганно вздрогнув, улетают прочь, оставляя после себя легкий налет уязвимости.

Возмущенно размахивая руками, как дива из гетто, вышедшая на разборки, Катя сердито кричит:

— Ты! Мерзкая душонка! Ведешь свои игры, охмуряешь моего мужа! А я? Что будет со мной, когда я вернусь обратно?

Дохожу до спальни, аккуратно закрываю дверь и только тогда тихо ей отвечаю:

— Если хочешь остаться с мужем, тебе придется измениться. Ты вообще-то должна

сказать мне спасибо! Я показываю тебе путь к счастливой семейной жизни. Так что смотри и учись!

— Ага, конечно! Путь она мне показывает! Ты рубишь мне сук, на котором я сижу — вот что ты делаешь, дровосечка проклятая! Мне нужно срочно, срочно попасть обратно, пока ты все окончательно не испортила! С ведьмой когда встречаешься?

— С первой договорились на завтра. На вечер. К счастью, она принимает в Колпино.

— Да по мне хоть на Чукотке — ты должна поехать и с ней встретиться!

— Поеду и встречусь, — отвечаю я устало. Спорить надоело, как и держать удар. Обессиленно падаю на кровать. Как же я сочувствую Акиму! Он не заслуживает этой эгоистки. Боже, как все сложно! Была бы моя воля, я могла бы сделать его счастливым. Чувствую, что мне хватило бы на это сил. А Катя? Сумеет ли? Захочет ли? Кроме своей гладкой, хорошенькой шкурки ее ничего не интересует.

Под ее диктовку записываю меню на ближайшие дни и Катя, всласть покомандовав по поводу завтрашнего питания, уходит. Чтобы не обострять ситуацию, даже не упоминаю, что обедать теперь собираюсь чем придется у своих работодателей. После Катиного ухода чувствую себя настолько усталой, что еле заставляю себя встать, добрести до ванной и умыться. Ставлю на смартфоне будильник на пол седьмого утра и посылаю Алене сообщение:

— Я поговорила с Акимом. Ждите нас на юбилей! Кстати, когда и где?

Вскоре, минут через пять приходит ответ, испещренный счастливыми, целующимися смайликами и сердечками:

— Как же замечательно! Очень рада! Отмечать будем на этих выходных. Арендуем дом на озере. Адрес скину позже. Заказываем кейтеринг и службу клининга. Будет сауна, спа процедуры и полный-полный релакс! Готовься, дорогая! Страхнем с себя стресс!

Невольно улыбаюсь. Кроме Алены, никого больше из родни Акима не знаю. Но если остальные хоть вполовину также хороши, как она, то я и правда страхну с себя стресс!

Следующий день протекает спокойно. Захватив с собой документ о прохождении курсов, протягиваю его своей работодательнице. Та, внимательно его осмотрев, возвращает бумагу мне и машет рукой в сторону дома:

— Дети где-то там. А я, если что, — в мастерской!

С Иваном и Павлом мы лепим животных из пластилина. Гуляем на улице, играем в подвижные игры. Запекаем из соленого теста разнообразные фигурки с округлыми, сытыми бочками. Снова гуляем — носимся босиком по подстриженному газону. Затем обедаем и рисуем красками. О! Краски летают по бумаге, по одежде, по их быстрым ручонкам и даже запрыгивают к ним на лицо. Но результатом дети довольны. При каждой смене деятельности слежу, чтобы ребята убирали на место за собой игрушки и материалы. Начинаем отрабатывать полезные привычки! День проходит весело, разнообразно, и я чувствую возвращение особого чувства полезности и причастности к социуму. Когда ухожу, Ольга прощается со мной, довольно улыбаясь, и это добавляет пару килограммов к моему и без того хорошему настроению.

После работы еду в город на прием к ведьме. Еще раз повторяю про себя, прислушиваясь: «на прием к ведьме». Звучит и глупо, и в то же время жутко. Но Катя настаивает, а мне нужно выспаться и отдохнуть, так что...

Нахожу нужный адрес на единственной центральной улице. Забираюсь по лестнице на второй этаж. Здесь пахнет какими-то восточными благовониями, курительными палочками.

Подхожу к мощной железной двери, на которой висит блестящая золотом табличка: «Индира Крылатова. Ведьма.» Вздыхаю поглубже и стучу.

Постучав, жду, пока мне откроют. Рядом уже стоит Катя. Бьет копытом, ждет и надеется, что прямо сейчас эта самая Индира Крылатова переставит наши души какой-нибудь хитроумной рокировкой.

Слышу двойной щелчок в замке, и передо мной распахивается тяжелая, массивная дверь. На пороге стоит невысокая, кряжистая женщина лет сорока, одетая в темно-серый балахон и украшенная великим множеством серебряных цепочек. Неестественно черные волосы, жирно подведенные черным карандашом веки и брови придают ее круглому, слегка поплывшему лицу грубоватый, неухоженный вид.

Следуя приглашающему жесту, захожу в полумрак и, как мотылек, иду на свет. Единственный его источник расположен на столе, густо заставленном зажженными свечами разной высоты и толщины. Здесь еще сильнее пахнет благовониями, от которых с непривычки остро щекочет в носу и я громко чихаю.

Прислушиваюсь к своим ощущениям. Мне по-настоящему страшно. Неужели мои приключения в Катином теле с минуты на минуту подойдут к концу? Пытаюсь успокоиться. Вдох-выдох. Еще раз поглубже. Вдох-выдох. Плотные шторы слегка колыхаются, указывая на циркуляцию воздуха, — значит окна приоткрыты, поэтому здесь легко дышится, несмотря на дым. Вокруг стола — два покоцанных темно-коричневых стула со спинками, на один из которых я присаживаюсь, прижимая к животу сумочку, словно оберег.

Это место, как и его хозяйка, не выглядит процветающим. Что, с одной стороны, настораживает, заставляя усомниться в наличии подлинного дара у Индиры, а с другой ласкает предчувствием, что и завтрашний день я проведу в этом теле. Когда ведьма грузно приземляется на свое место напротив меня, Катя встает сбоку от стола и берет ход встречи в свои руки, поспешно тараторя:

— Короче, расклад такой. Эту дурочку убили, — небрежный взмах руки в мою сторону. — Но вместо того, чтобы полететь к свету или к туннелю, или отправиться бродить по земле, она влетела в мое тело, а мою душу оттуда нагло турнула. Сейчас у нее проснулась совесть и она готова выселиться, чтобы я по праву могла вернуться. Но мы не знаем, как это повернуть. В общем, мы пришли к вам за помощью.

Индира Крылатова поправляет свои длинные черные волосы за спину и продолжает внимательно пялиться на меня черными глазищами. Ждет чего-то. У нее в объявлении значится денежный эквивалент, который мне придется заплатить за пол часа ее консультации. Вполне логично: ей некуда торопиться! И потом, раз я ее клиентка, которая собирается платить, то именно я, а не Катя должна озвучивать свою просьбу.

Но, прежде, чем это сделать, надо мало-мальски убедиться, что мы с Катей пришли по адресу. Доверчиво распахнув глаза, спрашиваю нарочито почтительным голосом:

— А вы умеете общаться с духами?

— С призраками? — сухо уточняет ведьма Индира. У нее низкий голос, сильно напоминающий мужской. — Не путайте призраков и сущности иного плана.

Ее ответ меня смущает. Катя — интересно кто? Призрак или сущность иного плана?

— Не знаю даже. Ну, вы хоть с кем-то из тонких сфер, — размашисто вывожу кистью руки спираль, идущую к небу, — общаться можете?

— С призраками не общаюсь. Я к ним прислушиваюсь.

— То есть вы все-таки можете призраков слышать, когда хорошенько прислушаетесь?

— Только, если они сами этого хотят, — выразительно задрал указательный палец вверх, изрекает Индира.

— Я хочу, хочу, чтобы ты меня слышала! Пересади меня обратно в свое тело! — кричит Катя, чуть ли не уткнувшись в лицо госпожи Крылатовой, но та никак не реагирует. Видимо, плохо прислушалась. Потом, повернувшись ко мне, Катя шипит, — Ну же! Нечего фигней страдать! Просто скажи ей, зачем мы здесь!

Но меня совершенно не располагает к доверию поток услышанных обобщенных фраз. Пусть ведьма сперва докажет свою профпригодность! Прошу хозяйку кабинета назвать мое имя.

— Анжелика, — ляпает она сходу. Уверенно и непреклонно, словно знает лучше меня.

— А вот и нет! — торжественно восклицаю я. — Никогда не была Анжеликой!

— Ты просто не знаешь своего духовного имени. А между тем твое духовное имя намного важнее физического — ведь оно останется с тобой в вечности, а физическое имя канет в небытие со смертью тела.

Вот же изворотливая бестия! К тому же, совсем некстати вспоминаю, что моей маме очень нравилось имя Анжелика. Она даже собиралась меня так назвать, но в последний момент папа ее переубедил. Притянуто за уши, конечно, но кто ее знает... Задаю очередной тестовый вопрос:

— Зачем я к вам пришла? Можете угадать?

— Я не угадываю, а вижу. Причем настоящие проблемы, не надуманные, — изрекает она, еле заметно ерзая на стуле и сжимая перед собой руки в замок. Ей, видимо, надоели мои проверки и не терпится перейти к делу. Тут я окончательно понимаю, что сейчас Индира придумает мне "настоящую" проблему, как только что придумала имя. Но пол часа еще не закончились, поэтому, устало вздохнув — эх, жалко попкорн не захватила! — я предлагаю:

— Валяйте, расскажите мне мою истинную проблему!

— Тебе не везет с мужчинами. Понимаешь как? Сглаз это! Черным глазом на тебя смотрели!

Катя уже не кричит — замолчала и ничего от меня не требует. Плечи ее разочарованно поникли, головка опущена. Она и сама уже поняла, что мы попали к шарлатанке. Мы с ней мрачно выслушиваем, как меня сглазила некая губастая блондинка — змея подколотная с черным, завистливым сердцем. Да у Кати и подруг-то нет, а из родственниц женского пола — только мама, и та брюнетка! Из чувства протеста растерянно бормочу:

— Не знаю я никаких блондинок.

— Ну как же не знаешь? На «А» ее имя начинается! То ли Ася, то ли Аля... Очень она тебе завидовала, понимаешь? У тебя свой бизнес, понимаешь как? Ты красивая, элегантная, свой мужик есть. Богатый, завидный жених. Тебе удача прет, тебя люди любят и как будто все легко в руки дается. Так она думала. А у нее ноль. Родители алкаши, каждый кусок хлеба от жизни зубами выгрызать приходится. Понимаешь как?

Женщина с надеждой на меня смотрит, ждет, что я вспомню чего-то. Но я лишь безысходно качаю головой: не припомню такого. Открываю сумочку, шарю в ее глубинах. Где-то, в одном из отделений я приготовила конвертик с гонораром для этой мошенницы. Обидно, конечно. Развели, как лохушку, но что теперь поделаешь? Сама же, добровольно на это согласилась. Неожиданно Индира добавляет:

— Я больше про тебя ничего не вижу. Только одно скажу. Эта девка делала вид, что

твой родственник ей нравится, а на самом деле она свысока на него смотрела и считала придурочным, понимаешь как? У нее мысли в голове такие были: «Голый, больной придурок!»

На ее последних словах меня током бьет по нейронам, вышибает пробки, перекрывавшие, видимо, некие каналы в мозгу, и я внезапно начинаю понимать! Ее сумбурные фразы вдруг выстраиваются в связную, логичную цепочку. Моя Аня, Анюта — блондинка с широкими, пухлыми от природы губами. И всегда говорила, что Миша ей нравится. Мой Миша, который по дому либо в трусах, либо в шортах ходит из-за сверхчувствительной кожи. Голый, больной придурок? Так она про моего брата думала? И родители у Ани пьющие — она в этом призналась однажды, когда напилась, а потом все в шутку перевела. Неужели это правда — то, что эта тетка мне сейчас рассказала? Она, похоже, частично увидела размытые фрагменты моей жизни. Только не нынешней, а прошлой.

- А сейчас? Как у той девушки дела, у блондинки?

Женщина уклончиво качает головой. Не знает точно. Вроде бы все у нее в порядке. Но подробностей не видит.

Поглядев на часы, понимаю, что время истекло. Достāju из сумки конверт, передаю ведьме. Спрашиваю последнее, самое важное:

— Могла ли девушка завидовать до такой степени, чтобы желать мне смерти?

Индира, помедлив немного, утвердительно кивает.

— Могла.

На этом мы прощаемся. Пока спускаюсь по лестнице, замечаю, что Кати уже и след простыл. Ее исчезновение как нельзя кстати! Слушать ее недовольные речи сейчас нет никакого желания. Еду домой. В голове хаос. Аня? Моя Анечка? Подружка, с которой я делилась самым сокровенным? Неужели она меня отравила? И сейчас опекает Мишу, которого считает голым, больным придурком? Из-за наплыва тревожных мыслей тяжело фокусироваться на дороге. Мне то и дело гудят идущие на обгон машины. То им скорость моя не нравится — плетусь слишком медленно. То на перекрестках не сразу трогаюсь на зеленый свет. С ужином я немного запаздываю, но, к счастью, и Аким на работе тоже задерживается. Приходит как раз к тому моменту, когда еда уже стоит готовая на плите.

До его прихода успеваю позвонить Людмиле, расспросить про Мишу. Она даже разрешает увидеть его по видеосвязи. Он сидит за столом, сосредоточенно собирает пазл с Эйфелевой башней. Такой же худощавый и невероятно красивый! Ее слова, что у брата все хорошо, успокаивают, снимают камень с души. Как бы Аня не относилась к Мише, ключ к его хорошему самочувствию — в руках у Людмилы, а она, я точно знаю, всегда старается!

После того, как Аким переодевается, вместе накрываем на стол, и я исподтишка люблю его статью, уверенной грацией движений. Он хорош в любой одежде. И даже сейчас, в простейших футболке и штанах, выглядит богом, сошедшим на минутку с Олимпа!

Меня к нему тянет безумно! Вот бы встречать его с работы, не ограничиваясь дружеским "привет!" Хочу уткнуться к Акиму в плечо, вдыхать запах теплой кожи, ощущать тактильно, но я все время боюсь чего-то и себя одергиваю. Блуду дистанцию, как дикий, неприрученный зверек.

В этом теле я временный гость. Забрела сюда по капризной прихоти судьбы. Раньше или позже меня перебросят туда, куда следует. Как я буду жить без Акима, если сблизусь с ним слишком сильно?

И все же этот настрой помогают глубже ценить красоту текущего момента. Преходящая, временная красота несет в себе особое, пусть и короткое очарование, которым я сейчас с упоением наслаждаюсь. Еще один подаренный мне вечер рядом с человеком, ставшим родным и близким. Еще один ужин...

Внезапно Аким вырывает меня из мечтаний на землю вопросом:

— Чем ты сегодня занималась?

По его нарочито небрежному тону, быстрому, но внимательному взгляду понимаю, что ему что-то известно про мой визит к Индире. То ли GPS в машине рассказал ему о моем необычном маршруте, то ли часы, похожие на фитнес трекер. Не собиралась, конечно, признаваться в своих неоднозначных вечерних похождениях, но теперь нутром чую, что юлить здесь не стоит.

— После работы я ездила на прием к ведьме.

— Вот как? — он не выглядит слишком удивленным. Точно что-то знает! — И зачем? Хотела кого-то приворожить?

— Да, — смеюсь беззаботно, — есть один бородач на примете!

— А если серьезно?

— Мне кажется, что меня кто-то сглазил. И ведьма, кстати, тоже мне сказала про одну завистливую блондинку с черным глазом. Ты случайно не знаешь такую?

Аким качает головой и заявляет:

— Это развод чистой воды! Ты же взрослый человек, должна понимать!

— Я ищу ту настоящую ведьму, которая не разводит, Аким. Ту, которая сможет мне помочь.

— Как ты определишь настоящую ведьму, глупышка? — ласково интересуется он, будто обращаясь к пятилетнему ребенку. И не скажешь ведь ему, что та ведьма, которая увидит Катю, услышит ее просьбу, и будет для меня настоящей!

— Я почувствую.

Аким сердито отводит тяжелый взгляд, опасаясь, наверно, меня им продырявить, но молчит. Надо же? Сработало! Где-то я читала, что мужчины могут оспорить тысячу логических аргументов, но с женским чутьем они своей логикой тягаться не могут.

— Ну, допустим, — ухмыляясь, неохотно соглашается он. — Только обещай, что будешь мне обо всем рассказывать.

— Слушаюсь, о повелитель! Хочешь держать под контролем мое новое увлечение? Он фыркает и переходит на более приземленные темы. С облегчением, выдыхаю. Похоже, самый трудный отрезок сегодняшней дороги мы с Акимом только что проехали!

Незаметно, день за днем пролетает рабочая неделя. Мы проводим не так много времени с Акимом — всего лишь завтракаем и ужинаем вместе, но эти часы я воспринимаю, как бесценные, долгожданные жемчужины, которые нанизываю одна за другой на ожерелье наших крепнущих отношений.

Он рассказывает про свою работу и я, глубокомысленно кивая, слушаю его с неподдельным интересом. За дымкой из непонятных терминов вырисовывается человек, увлеченный своим делом, способный вести за собой разномастных людей, почти играючи решать проблемы, достигать целей и отлично умеющий расставлять приоритеты. Мне кажется, я все больше к нему прикипаю. Хотя куда уж больше?

Описывает своих сотрудников. В основном, это парни, недавно закончившие универ, приехавшие зарабатывать стажировку. Таким, как они, без разницы, что их жизнь протекает в глуши — главное, чтобы были доступны сверхмощные, навороченные технологии, чтобы перед ними ставились интересные задачи, а вокруг сплотилась команда начинающих гениев.

Что касается моей работы, я всем довольна и, похоже, это взаимно! Мои подопечные, смысленный Иван и озорной Павел, простодушно рассказывают то свои, то чужие секреты, и я ненароком узнаю многое из того, что вроде бы знать не должна.

Например о том, как недавно по телефону Ольга поделилась со своей подружкой, что ей нравится новая няня (то бишь я) — ведь она умеет найти подход к детям, развлечь и обучить, при этом не особо их напрягая. А самое главное, в ней (то бишь во мне) есть стержень и хорошие отношения с мужем.

Дети бесхитростно, наперебой интересуются, что за стержень у меня есть? Могу ли я одолжить его для игры? Они, честное слово, его не сломают!

Поначалу меня озадачивает услышанное, но потом слова Ольги перекликаются с ее странными вопросами в первый рабочий день и меня озаряет! Прежде, чем принимать на работу красивую няню, Ольга пожелала убедиться, что у этой няни обустроена личная жизнь и эта девушка, вошедшая в ее дом и семью, не посягнет на ее Алексея. Поэтому она и спровоцировала меня весь наш первый разговор, пытаюсь выудить из меня жалобы, намекнувшие бы ей на проблемы в нашей паре. Жалоб не дождалась и поэтому расслабилась и выдохнула.

Ольга все также, немного растерянно встречает меня каждый день и лениво машет в ту сторону, в которой, по ее мнению, находятся сейчас дети. А потом с улыбкой провожает в дорогу, когда я сажусь в машину.

Наконец, наступает суббота. Мы собираемся с Акимом в поездку, на юбилей родителей. Когда он задает мне рутинные вопросы (где его спортивная сумка, отдала ли я запасной поводок и намордник нашей соседке, к которой мы пристроили Рекси на выходные), неровные интонации в его голосе выдают волнение. Он явно нервничает, но о причинах почему-то умалчивает.

Наконец, мы забиваем сумками багажник его джипа и отправляемся в дорогу. Разумеется, порулить машинку мне не дают, и я устраиваюсь на переднем сидении рядом с водителем. Вспоминаю, как сидела здесь неделю назад, спасенная мужем из канавы, и грудь вновь заполняет теплая волна благодарности. Когда мы трогаемся, рассматриваю его профиль, любуюсь высоким лбом, красиво очерченной линией черепа. Он один из тех

редких людей, кому бы подошла стрижка под ноль.

Сейчас он все время хмурится, хотя на дороге почти нет машин и погода для езды отличная. Меня неотвязно беспокоят его межбровные морщинки. Хочется стереть их ласковым касанием, легким ветерком сдуть из его глаз тревогу.

Включаю радио, чтоб немного разбавить напряжение, охватившее Акима. Песни про любовь его не устраивают, и он резкими, рублеными движениями переключает каналы. Как назло, везде одно и то же: «ты разбила мне сердце», «утоли мою печаль», «люблю тебя больше жизни», «ты моя нежность». Вскоре он и вовсе выключает радиолу.

Какое-то время щебечу про детей, вспоминаю их забавные высказывания (Паша про почки: «А я думал, что у людей почек нет, что они есть только у деревьев!») Про трясогузку: «Опять трясопопка к нам прилетела!»), но муж молчит, даже не улыбается, и надолго меня не хватает. Смирюсь с неизбежной, гнетущей тишиной — так и едем полтора часа в гробовом молчании.

К ужину мы добираемся до цели. Подъезжаем по гравийной дорожке к дому отдыха, останавливаемся. Выхожу из машины и замираю от восторга. Перед нами высится шикарный трехэтажный особняк. Абсолютно белый, с красной черепичной крышей и аккуратными прямоугольниками окон.

Но самое главное — то, что вокруг дома. Куда не кинь взгляд, — повсюду лес, но там, где мы стоим, его заросли обрываются и открывают завораживающий вид на широкую гладь озера. Оно небольшое, но невероятно красивое. Сейчас в нем отражается яркая небесная лазурь, кроны деревьев, отзвуки птичьих трелей, плывущая вдалеке утиная стайка и я почти физически ощущаю, как меня наполняют покой и умиротворение.

Подбегаю к Акиму и шепчу:

— Спасибо, что согласился приехать! Здесь так красиво!

Он сухо кивает и велит проходить в дом, обещая, что сам занесет в нашу комнату все сумки.

Поднимаюсь по лестнице, захожу внутрь и попадаю напрямик в просторный холл. В центре его стоит празднично накрытый стол, за которым уже устроились незнакомые мне люди: и взрослые, и дети. Все, как один уставились на меня, а я на них. Растерянно здороваюсь.

От стола немедленно отделяется Алена, одетая в белое платье-футляр. Она с сияющей, ласковой улыбкой приветствует меня словами: «А вот и наша Катенька! Ну, наконец-то!» Обнимает и тянет к столу. Что-то лепечу про не распакованные вещи, и как раз в этот момент заходит Аким. Он обнимает мать, подошедшего уже к нам отца, улыбаясь и бормоча поздравления.

Мы поднимаемся на второй этаж, оставляем сумки в полупустой комнате и присоединяемся к застолью. Я устраиваюсь на стул между Акимом и Верой, женой Матвея, старшего сына Воронцовых.

У Веры, дородной, но приятной молодой женщины, двое детей пяти и трех лет: спокойный молчун Витя и непоседливая болтушка Варя. В светло-карих Вериних глазах затаилась вселенская усталость. Из общения с ней узнаю, что трехлетняя дочка плохо спит по ночам, до сих пор прибегая в кровать к родителям, когда ей вздумается. Бывает, и по несколько раз за ночь.

По другую сторону от детей вижу мрачного мужчину, заметно старше Акима. Резкие черты лица, слегка напоминающие черты мужа, такой же темный цвет волос подсказывают,

что это его брат Матвей. Наши взгляды случайно пересекаются. В его зрачках — злость. Он даже не смотрит, а кромсает людей глазами.

Решаю для себя, что это реакция на недосып! Я, когда не высплюсь, тоже делаюсь мегерой! Пора им уже свою Варечку отучать от совместного сна! Вот, когда у нас с Акимом родится ребенок... На этой крамольной мысли резко себя одергиваю. Мечтать в моей ситуации, строить планы на будущее — непозволительная роскошь!

Кроме семьи Матвея, вижу за столом еще одного брата — девятнадцатилетнего скромника Глеба, его девушку, симпатичную блондинку, троих мужчин постарше и одну женщину — видимо, это дяди и тетя Акима.

Стол густо заставлен крепкими напитками, которые гостеприимные хозяева то и дело пытаются подлить в мой бокал. Звучат торжественные, шуточные тосты — все вперемешку, но я отказываюсь от алкоголя, заполняя свой бокал детским клюквенным морсом, сильно разбавленным водой. Во-первых, не хочу терять ясность в голове. В моей неоднозначной ситуации это чревато нечаянными обмолвками. А, во-вторых, с недавних пор шампанское у меня ассоциируется со смертью. Алкоголь меня теперь ни капельки не прельщает.

На шестом или седьмом тосте вновь поднимаю свой бокал с ягодным морсом, и Вера, вдруг понимающе прищурившись, громко шепчет:

— Все с тобой ясно! Вы пока никому не рассказываете, чтобы не сглазить. И правильно делаете! Мы тоже о моей первой беременности три месяца никому не говорили!

По странной случайности, именно в этот момент воцаряется абсолютная, звенящая тишина, и ее шепот отчетливо слышен всем моим сотрапезникам.

Собираю на себе любопытные взгляды. Аким на меня не смотрит — опустошает свой бокал. Матвей, Верин муж, встает из-за стола и отправляется на выход. Ему за свою «тактичную» жену неловко стало? Краем глаза успеваю заметить, что он богатырски сложен — ощущение такое, что за моей спиной топает гора. Варечка звонко интересуется у мамы:

— А что значит «сгазить»? И что такое «бире-менать»?

Меня скручивает в тугой узел неловкости и смущения. Отчитываться о своей несуществующей беременности перед кампанией незнакомцев — нет уж, увольте! К тому же, я не собираюсь перетягивать внимание на себя — ведь юбилей здесь у других людей! Вскокиваю на ноги и произношу:

— А можно теперь мне сказать тост?

Гости доброжелательно кивают, кто-то даже ободряюще хлопает в ладоши. Говорю о том, что, хоть и недолго знакома с Аленой Григорьевной, но точно знаю: о такой заботливой, чуткой свекрови, как она, можно только мечтать. Я ее воспринимаю, как вторую маму и, как маму ее люблю. Отцу Акима я безмерно благодарно за то, что воспитал моего мужа настоящим мужчиной. Очень его за это ценю! Так выпьем же моих замечательных свекров, за ту невероятную любовь, которую они вложили в своих потомков и их семьи! Все дружно поднимают бокалы, а Алена пытается незаметно смахнуть слезу с щеки.

После этого тоста предлагаю Варе и Вите пойти поиграть. Вера с огромной признательностью провожает меня на второй этаж. Показывает комнату, обустроенную для детей и оставляет нас одних. Здесь много игрушек, столик для рисования, карандаши и прочее ребячье добро. С детьми чувствую себя непринужденно и легко, получаю кайф от их живой непосредственности. Внизу я была одна, чужачка среди незнакомцев, а здесь, в этой комнате — все свои! Чувствую, как начинаю расслабляться.

Где-то через пол часа смехотерапии в нашу комнату врывается Матвей. С тревогой

смотрю на него. Неужели заявит, что детям пора спать? Время смешное — всего лишь восемь с хвостиком! Еще совсем рано, и нам так весело!

— Дети, дуйте к маме. Тетя Катя уже устала.

Пытаюсь возражать, но он меня даже не слушает. Дети, понуро склонив голову, выходят за дверь. Я вскакиваю с пола, подхватив игрушки, и расставляю их по местам. Замечаю, что Матвей стоит тут же, никуда не торопится, молча наблюдает за моей суетой. Сейчас уберу укатившиеся карандаши в коробку и спущусь к Акиму.

Вдруг слышу тихий щелчок. Поднимаю глаза, вижу, как Матвей вынимает ключ из замка и сует его в карман штанов. Глазам своим не верю. Сюр какой-то! Как будто моя реальность исказилась, покорежилась и расплылась от паров алкоголя. Но я ведь не пила! Неужели Матвей надрался настолько, что попутал все берега?

— Что вы делаете? — спрашиваю я, пятась от него. На его лице какая-то мрачная, злая решимость. Его отшлифованный образ: классный парфюм, белая рубашка, отутюженные штаны, дорогие часы на запястье теперь никоим образом не стыкуются с диким, первобытным выражением лица. Он подходит ко мне, огромный бугай, выше меня почти на голову, шире в два раза, и прижимает к стене. Опомившись, колочу его машинкой, зажатой в ладони, отталкиваю, но он играючи хватает меня за кисти рук, пригвозждает их к стене и прижимается ко мне губами, воняющими алкоголем. Я мычу, отбиваюсь, брыкаюсь, но он держит меня крепко, в перерывах между противными, пьяными поцелуями, зажимает мне рот ладонью и сбивчиво бормочет в ухо:

— Почему не отвечаешь на звонки? Почему игноришь, как последнего задрота? После той ночи я схожу по тебе с ума, а ты... Свою игру ведешь... Амнезию долбанную выдумала... Ну, так черт с тобой! Ты победила... Я пойду на развод! Женюсь на тебе, лишь бы иметь тебя каждую ночь! И каждый гребаный день!

В ужасе слушаю его признания! Он только что предал свою жену и детей ради меня? Ради того, чтобы иметь меня и днем, и ночью? Катя, о чем ты только думала, когда изменяла мужу? Появись она рядом, убила бы эту вертихвостку! Запутавшись в паутине шока и возмущения, замираю, перестаю трепыхаться. Он толкует это по-своему:

— Успокоилась? Вот так бы сразу! Сделаем все, как ты хотела. Разведемся. Потом поженимся. Останемся вдвоем: только я и ты. И никто нам больше не помеха, — шепчет он, отводя, наконец, широкую, шершавую пятерню от моего рта.

Одной рукой он все еще удерживает мои заведенные наверх запястья, а другой гладит скулы и шею. Мне хочется стряхнуть с себя эти навязчивые пальцы, как щупальца спрута, сплюнуть этот вкус изо рта, оттереть от кожи его прикосновения. Но как избавиться от этой мощной глыбы страстей, пригвоздившей меня к стене, как бабочку?

— Матвей, — ловлю его безумный взгляд. Расширенные зрачки наркомана, а на их дне плещется отчаяние вперемешку с уязвимостью, — тот раз был ошибкой. Я люблю своего мужа. Прости, но я не хочу быть с тобой.

Он мотает головой, не соглашаясь, отказываясь принимать эти слова.

— Ты меня просила сама, никто за язык не тянул! И я уже все решил. Назад хода нет, ясно? Тут одностороннее движение, детка! Едем в один конец.

— У тебя жена и маленькие дети. Ты им нужен. Я не хочу отбирать у них любимого мужа и отца. Я не хочу больше быть стервой, Матвей.

— Ты стерва! Стерва, да! Но моя... Скоро будешь моей! Я так решил. Знаю, что тебе нужны мои бабки! Знаю, что ты меня выбрала, потому что бабла у меня больше, чем у брата! Но мне насрать! Хочу тебя такой, какая ты есть: жадной, падкой на деньги сукой. Точка.

Как вести разговор с этим глухим одержимым? Какие слова еще подобрать, чтобы он от меня отстал? Скулю от безысходности:

— Пусти меня. Мне больно.

— Это прелюдия, малышка! Ты же любишь жестко, по-взрослому!

Его рука ползет по бедрам, задирая тонкое, летнее платье в красную крапинку. Из моих глаз брызгают слезы. Кричу во весь голос:

— Акиим!

Рот опять зажимает горячая ладонь, но к счастью захват вокруг моих рук ослабевает. Пальцы, скрючившись до боли, нащупывают пластиковый браслет, подарок мужа. Нажимаю на заветную кнопку, мысленно умоляя его поторопиться. Одновременно дергаюсь, извиваюсь, уклоняюсь от по-хояйски настойчивых рук — ведь трусы с меня только что слетели под хриплое бормотанье Матвея:

— Это из-за беременности? Так мне плевать, кто отец! Реально плевать! Выращу, как своего, даже, если не сын, а племянш будет!

Вдруг мой настороженный слух отлавливает дерганье ручки в двери. Мычу изо всех сил, изловчившись, кусаю насильника за запястье. На секунду мой рот освобождается и я опять ору:

— Акиим!

В дверь молотится чье-то плечо. Кто-то идет на таран. С пятого толчка дверь выстреливает из рамы на пол, и в комнату врывается мой муж. В его глазах летают шаровые

молнии, желваки ходят на лице, рот плотно сжат. Вмиг подсакивает к одержимому брату, хватает его за шкирятник и оттаскивает от меня. Слышен звук рвущейся материи и рык Акима:

— Лапы отцепил от моей жены!

Эти два огромных волчары сейчас стоят друг напротив друга злые, как черти — вот-вот вопьются друг другу в плотки. Мне страшно, как никогда! Я боюсь, что они друг друга покалечат.

— Хватит! Стойте! — кричу я, но на меня никто не обращает внимания.

— Еще раз меня тронешь, — хрипит Матвей, — останешься без рук. Она меня выбрала. Ясно?

— Ты бы давно остался без рук, которыми лапал мою жену, если бы не родители, — рычит Аким. Встречаю между ними и прошу Матвея, умоляюще сложив руки:

— Пожалуйста, успокойся! Иди к детям, к жене! Они тебя любят и ждут. Я остаюсь с Акимом. Не с тобой.

Мой голос каким-то чудом проникает в его затуманенное алкоголем сознание. С десятой попытки всего лишь, но получилось! Недолго он тупо смотрит на меня, пытаюсь переварить услышанное. Затем говорит, почти уже нормальным голосом:

— Это твое последнее слово? Учти. Передумать больше не сможешь. Если да — то да, если нет — то нет.

— Да, последнее.

Пошатываясь, выходит из комнаты. Бредет, кажется, в свою комнату. Надеюсь, что переоденется и примет ледяной душ! Чтобы хоть немного протрезветь.

Подхожу к Акиму, своему рыцарю. Обнимаю с облегчением, ведь этот кошмар только что закончился, благодаря ему. Его грудь вздымается, как после пробежки. Он быстро меня осматривает и недовольно морщится. Поправляет платье, приглаживает волосы, хватая с пола какую-то тряпку, сует в карман и говорит:

— С минуты на минуту к нам подтянутся остальные. Я что-нибудь придумаю про выбитую дверь, подыграй мне!

У детской вскоре и правда собирается настоящая толпа. Все в недоумении оглядывают осиротевший, пустой проем, щепки на полу возле двери. Люди взахлеб спрашивают, что случилось.

Придерживаемся той версии, что здесь заедал замок и я переструсила, подумала, что не смогу выйти. Запаниковала, позвала на помощь Акима. Он, услышав мои крики, испугался за меня и не придумал ничего лучше, чем вышибить дверь. Как оказалось, напрасно. Ремонт, разумеется, за наш счет.

Под Алениным строгим взглядом мне не по себе. Она, похоже, чувствует нашу ложь. Но догадывается ли об истинных событиях, здесь только что произошедших, понятия не имею!

Застолье закончено. Гости отправляются отдыхать. У нас впереди вечер СПА-процедур и сауна, а тем временем две незнакомые женщины в одинаковой униформе юрко снуют вниз: убирают еду и моют посуду.

Заходим с Акимом в нашу комнату. Вещи все еще стоят не распакованными, напоминая, что мы приехали сюда всего лишь пару-тройку часов назад. А ощущение такое, будто за это время промелькнула целая жизнь!

Уткнувшись к Акиму в плечо, прямиком попадаю в теплый замок его рук. Они согревают и утешают одновременно. Всхлипнув, спрашиваю его с упреком:

— Почему ты мне сразу не сказал про Матвея? Я так испугалась, когда он на меня набросился! Если бы я знала заранее, то ни за что не осталась бы с ним сегодня наедине!

— Я до последнего не был уверен в тебе. Допускал, что играешь некую роль. Когда я узнал, что ты мне изменила...

Перебиваю нетерпеливо:

— Как это случилось?

— Я уехал в командировку. Когда я тебе позвонил тем майским вечером, ты небрежно нажала кнопку отбоя. Промахнулась. Видимо, отвлеклась на кое-что другое. Я уже хотел отключиться, но услышал голос брата. Странно — ведь ты уверяла, что находишься дома одна. Что сейчас долистаешь ленту в инстаграмме и будешь спать. В общем, я слышал, что у вас с ним было.

Сижу ошарашенная. Я бы после такого убила, наверно. Или оставила бы в живых и мстила всю жизнь. Стряхнув с себя оцепенение, спрашиваю:

— Прости, я тебя перебила. Что ты хотел сказать?

— Когда я узнал о твоей измене, вернувшись из командировки, сходу сообщил, что с тобой развожусь. Ты заявила, что я сам во всем виноват. Нечего было тащить тебя в такую глухомань, где от скуки дохнут мухи. Да, с Матвеем ты хочешь быть из-за денег. Вдобавок, из него легко вить веревки, чтобы жить ярко, со вкусом. С ним ты намерена путешествовать, а потом осесть где-нибудь во Флориде или Калифорнии. Да, он животное, но безумно богатое и щедрое. Описала в красочных эпитетах его недостатки и специфику некоторых... пристрастий. Потом прозрачно намекнула, что желаешь после развода и очередного замужества оставаться моей любовницей.

Удивленно смотрю на Акима. Его слова просто в голове не укладываются! Конечно, я знала уже: Катя — так себе жена, но оказалась, что душонка у нее еще червивее, чем выглядела поначалу!

— Потом я сделал то, о чем до сих пор жалею. Я ответил тебе, что наш разговор записан на мой телефон и что после развода со мной ты должна оставить Матвея в покое ради его жены и детей. В ином случае я покажу ему эту запись. Мы оба понимали, что после услышанного он бы с тобой не остался. Ты разозлилась. Крикнула, если я сейчас же не сотру этот файл, ты покончишь с собой. Я был уверен, что это блеф, ответил: скатертью дорога! Ты выбежала за дверь. А через час мне позвонили из больницы. Сказали, что жена на полной скорости въехала в дерево.

Он утягивает меня из центра просторной комнаты на двухместную кровать. Не расплетая объятий, мы садимся на сиреневый плед. Точнее, Аким устраивается на кровати, а я сажусь на него, обвивая его своими бедрами и сцепив у него за спиной лодыжки.

— Я волновался за тебя. Чувствовал виноватым отчасти. Хотел дать тебе время прийти в себя, привыкнуть к мысли о разводе, а потом развестись. Но ты начала меня удивлять. Каждый день. Иногда мне казалось, что тебя подменили на сестру-близняшку. Хотя тело было твоё. Каждая родинка на нужном месте. Каждый изгиб совпадал. А твоё поведение, реакция на меня, на мать, на Рекси — все изменилось! Ты больше не та Катя, которую я знал. Ты другая. Совсем, совсем другая. Нежная. Тепеливая. Добрая. Сострадающая. Отдающая себя другим.

Вдруг он проводит пальцем по шее. От уха к уху под подбородком, затем спускается к плечу. Очень нежно и не спеша. Мне приятно, вслед за его пальцем по коже бегут сладкие мурашки. Но как-то это неожиданно. Вопросительно заглядываю в его глаза.

— Видишь, даже твое тело реагирует по-другому. Прежняя Катя уже хохотала бы — это ее щекотная зона. А ты молчишь. Потому что ты не Катя. Кто ты, любовь моя?

Закусив губу, молчу. Кто я для него, правда? Мимолетное утешение, посланное в миг величайшего разочарования? Ветерок, случайно обласкавший сердце и упорхнувший вскоре в небытие? Или половинка его души, притянутая к нему злой, неведомой силой, чтоб подразнить ощущением цельности и вновь спровадить во тьму одиночества?

С языка уже почти срывается исповедь про мою прошлую жизнь в теле Карины. Но в последний момент ловлю подступившие слова, так и рвущиеся наружу, и заталкиваю их обратно в клетку. Запираю на замок. Тайна не только моя. Тело и вовсе чужое. Откровенничать не имею права. Нельзя.

Мое молчание тяготит нас обоих. Аким, сам того не замечая, хмурится. Разглаживаю подушечкой указательного пальца морщинку, залегшую между густых бровей — я так давно об этом мечтала! Стираю ее поцелуем, легким, как трепет ресниц. Но мой взгляд скользит чуть ниже и снова сталкивается с тем же неизменным вопросом в сетчатке его глаз: кто ты? Шепчу в ответ:

— Я просто девушка, которая тебя любит.

Это целое признание, самое первое и самое искреннее в моей жизни, но ему этого мало. Он отодвигается от меня лишь на сантиметр, а близость наша, всего секунду назад сцепившая наши сердца прочной, как стальной канат и нежной, как шелк воздушной нитью, куда-то исчезает. Он вдруг вытягивает из кармана штанов телефон и обещает:

— Я прямо сейчас сотру файл с записью нашего разговора. Того, что перед аварией... Если боишься остаться на бобах и только из-за этого не ушла к Матвею...

Как будто холодный смерч внутри прогулялся — ежусь от колючих иголок обиды. Он сейчас заподозрил меня во лжи из-за того, что недоговариваю? Опять предполагает, что я играю роль, чтобы не лишиться хотя бы мужа? Но как сказать ему правду? Как? Почему все так сложно?

Слезаю с его колен, сажусь рядом на кровати. Его пальцы скользят по экрану, в поисках нужной папки. Он показывает мне файл, включает прослушку. Слышу свой, точнее Катин возмущенный голос:

— Ну и что с того? Подумаешь! Думал на тебе свет клином сошелся? Думал, затащишь меня в эту дыру и я стану идеальной женошкой, стоящей весь день у плиты? А вот и нет! (торжествующе) Всего лишь один трахтибидох — и у меня есть ключ от комнаты с сокровищами! Твой братец теперь послушная глина в моих руках и готов исполнить малейший мой каприз!

Прошу его:

— Выключи! Не хочу слушать эту грязь.

Он выключает звук, и я продолжаю говорить, уставившись на ручку шкафа в другом конце комнаты:

— Можешь стереть файл, если тебе будет легче. А можешь не стирать. Мне все равно. Матвей уже в прошлом, он мне не нужен.

В этот момент кто-то тихонько стучит в дверь и мы слышим виноватый голос Алены: Ребят, простите, но там вот-вот ваша очередь подойдет. Стоун терапия. Для лучшего эффекта сначала бы надо в сауну. Идете?

Аким решительно хлопает меня по коленке и заявляет:

— Ну что, не будем обижать маму отказом!

Хватаю заготовленные заранее комплекты для сауны, свой и мужа, и перед тем, как выйти оглядываюсь. В центре комнаты, на пестром экологическом коврик уныло стоят наши сумки. Мы по-прежнему не разобрали вещи.

Спускаемся на первый этаж, Алена шествует впереди, показывает дорогу. Проходим в небольшой коридорчик, щедро утыканный дверями, одну из которых, в самом конце, свекровь открывает перед нами и гостеприимным жестом предлагает войти.

Здесь небольшая комнатка, обитая деревом — предбанник. Две лавки вдоль стен, две полки да крючки. Показав нам, где что находится, Алена деликатно исчезает. Аким поворачивает задвижку, и мы оказываемся отрезанными от других в тесном узком пространстве.

Мне не по себе. Между мной и Акимом невидимый барьер из невысказанной тайны, и мы оба это ощущаем. Он сбрасывает с себя одежду, закрепляет полотенце на бедрах, хватая свой комплект и растворяется за темной стеклянной дверью. Слышу, как шипит вода, брызнувшая на горячие камни. А потом еще и еще. Может, он быстренько помоемся, а потом я за ним, фьюить — и готова?

Через минуту он выходит наружу, на бедрах, к счастью, по-прежнему полотенце, и видит меня такой же одетой, как и перед его уходом. Сидящей в глубокой растерянности на лавке.

Тянет меня за руку вверх, заставляя встать. Привлекает к себе и обнимает. Его кожа уже впитала жар и мне вмиг становится горячо. Он гладит мои волосы и с чуть заметным упреком в голосе констатирует факт:

— Ты зажата и смущена, как юная дева в первую брачную ночь. С этим срочно нужно что-то делать.

Нежно проводит руками по талии и я чувствую, как с меня спадает поясок. Подхватывает подол платья и медленно тянет наверх, скользя по контуру бедер, талии. Вынуждая меня поднять руки, будто в подтверждение полной капитуляции, и стаскивая ткань через голову.

— Самая красивая, — шепчет мне, осторожно возясь на спине с застежкой лифчика.

И вот, небрежное поглаживание плеч и лифчик летит с меня вниз. Следом за ним на пол отправляются и трусики. Он жадно вдыхает запах моих распущенных волос и шепчет:

— Жаль, что у нас мало времени. Быстро помыться только и все.

Киваю ему и с облегчением, и с легким разочарованием. А может, ну его, этот стоун массаж? Может, задержимся здесь подольше?

Но Аким уже тянет меня внутрь, в сауну. Помещение просторное. Четыре на два. Наверно, предназначено для больших компаний — сюда легко влезут человек десять, но мы здесь одни. Усаживает меня на нижней полке и бормочет неразборчиво сам себе: ни хрена у нас быстро не получится! Пусть ждут!

Тут чуть прохладнее, чем наверху, но даже здесь волны жара опаляют голову. Он макает мою забавную розовую мочалку в чан с теплой водой, наливает немного геля и неторопливо водит ею по мне. Мышцы его рук бугрятся под кожей и я только диву даюсь, как много нежности, тщательно выверенной мягкой осторожности кроется в их мощи.

Начинает с шеи, спускается на плечи, грудь. Мне неловко, но я хочу эту свою неловкость скинуть с себя, как только что скинула одежду. Представляю, что мы никуда не спешим, что времени у нас целый неиспытый океан. Что нет больше никого в этом мире. Я и

он. Единственный. Мой.

Впитываю в себя его прикосновения, рисунки его движений и кайфую, кайфую. Он переходит на бедра, задерживается, дыхание сбивается у нас обоих. Но он продолжает спускаться по телу, переходит на икры, ступни. Просит улечься на живот на лавку и проделывает то же волшебство с моей спиной.

До нас доносится приглушенный стук. Все сильнее и сильнее. Кто-то торопит, резким стуком спускает нас на землю. Ах, да! Здесь же СПА конвейер и мы пришли сюда мыться! Двадцати минут должно было хватить с лихвой.

С виноватой улыбкой смотрю, как он быстро и яростно трет свою кожу — спартанское омовение вместо прекрасного, чувственного релакса, только что дарованного мне. Ополаскиваюсь и мурлыкаю:

— За мной должок. Верну его тебе дома.

Он ухмыляется, жадно мазнув меня взглядом:

— Или раньше.

Через пару минут мы оба готовы: помыты, одеты и выходим наружу. За дверью предбанника стоят мрачный Матвей и воодушевленная предстоящими процедурами Вера. Внутренне сжимаюсь. Опять он! Как теперь ему и его жене в глаза смотреть — не представляю! Я и не смотрю. Малодушно скольжу взглядом мимо глаз, куда-то в район губ, извиняюсь, криво улыбнувшись:

— Простите, мы вас задержали.

И, схватив Акима за руку, утягиваю его за дверь.

О том, что теперь будет между братьями, боюсь и думать.

В холле вновь находим Алену. Трудолюбивая пчелка! Праздник ее, но при этом она же работает его организатором, пытается подарить гостям максимум удовольствия. Она проводит нас в очередную просторную комнатушку, оборудованную под массаж. На столике цветы, в воздухе витает тонкий запах аромамасел, испаряющихся из специальной чаши над горящей свечой.

В самом центре промостились две специальных массажных кушетки с дырками для лица. Рядом — девушки восточной внешности. Одна, видимо, предназначена для меня, другая для Акима. Раздеваемся до белья, ложимся на кушетки. И я снова попадаю в рай. Чередование холодных и горячих камней на коже. Давление, скольжение, снова давление.

Не знаю, сколько времени мы проводим здесь, но когда все заканчивается, я ощущаю себя заново рожденной. Свежесть и умиротворение в каждой клеточке тела. Как в Новый год позади осталось все плохое. Предстоящие трудности оптимистично кажутся легко решаемыми и больше нисколько не напрягают.

Поднимаемся в свою комнату. За окном темно, и мы включаем приглушенный свет. Сумки так и стоят посреди комнаты. Мои вещи, наверно, давно уже помялись в плотной трамбовке, а я даже не знаю, есть ли в этом доме уют. В ванной лежат наши вещи из сауны — их бы тоже разложить не помешало, чтобы просохли! К тому же постель так и манит к себе магнитом, призывая растечься по ней бесполезной амебой. Стою и, почти как китайский болванчик, кручу головой — не знаю, за что хвататься! Вишенкой на торте ко мне вплотную подходит Аким, запускает пальцы в мои распущенные локоны и уточняет:

— Ты про какой должок в сауне говорила?

В этот самый интересный момент мой смартфон на столе принимается пищать и вибрировать, извещая о пришедшей смс-ке. На телефонные сигналы у меня срабатывает

деловой рефлекс из прошлой жизни — забываю обо всем и, аккуратненько отодвинувшись от Акима, мчусь к столу и хватаю гаджет. Три пропущенных звонка с неизвестного номера и с того же номера послание:

— Дорогая Карина! Одна небезызвестная Вам особа утверждает, что мой дар может Вам помочь. Давайте проверим? Для Вас и для Кати я освобдила вечер понедельника. Жду вас обоих. Ведьма Елена.

Карина? Ко мне впервые в новом теле обратились по настоящему имени. Остолбенело стою, вновь и вновь перечитываю пришедшие фразы. Это должна быть невероятно одаренная ведьма, раз она столь точно смогла расслышать Катю! Еще пять минут назад мне казалось, что найти такую профи нереально, почти невозможно. Неужели совсем скоро мне придется отправиться в путь-дорожку в потусторонний мир? Неужели меня выдернут из моей новой жизни также внезапно и беспардонно, как сюда затолкнули? Неожиданно за моей спиной, прямо над ухом раздается тихий баритон Акима:

— Кто тебе написал?

Поспешно стираю сообщение. Не знаю, успел ли он прочитать, что оно адресовано Карине.

— Да так... — небрежно машу рукой, — Ведьма одна написала. Договорились с ней встретиться в понедельник вечером.

— Почему сразу стерла сообщение?

— Чтобы память не засорять. А ты разве не стираешь сразу?

Он подозрительно щурится, чуть склонив голову и пытливо глядя мне в глаза.

— Не настолько же сразу! Ладно, проехали! — ворчит он недовольно. И опять его руки уверенным замком ложатся на мою талию. — Так на чем мы остановились?

На том, что Катя нашла настоящую ведьму по имени Лена, которая скоро изгонит меня в мир духов. Тело обретет прежнюю хозяйку и она примется за свои привычные, замшелые делишки: обманы, измены, игры в людей. Зачем я пытаюсь наладить отношения с Акимом, настраиваюсь на созвучное с ним существование, доказываю, что достойна его доверия, если все мои усилия закончатся плачевным фиаско? Он ведь не захочет себе обратно в жены подлую истеричку и ненасытную врунью, а она не пожелает меняться.

Все, что с таким трудом строилось между нами, зыблется на песке и грозит обрушиться в любую минуту. Весь лирический настрой от этих мыслей мигом слетает. Долги откладываются на потом. А сейчас... Что сейчас?

Кладу смартфон на стол.

— Поможешь разложить вещи в шкаф? — спрашиваю с напускным энтузиазмом. — Боюсь, они безнадежно сморщились! Завтра выйдем к завтраку в состарившихся футболках.

— Тряпки подождут, — пробует вернуться к начатому Аким, поправляя упавшую прядку мне за ухо и мое тело тут же откликается на его прикосновение сладкой дрожью. Я с ним совершенно согласна: тряпки умеют ждать! Но тут же сурово себя одергиваю: дело-то не в тряпках! Мысленно даю себе увесистого леща, соберись, мямля! Отодвигаюсь от Акима.

— Ну, если не хочешь помочь, тогда я сама, — и начинаю неторопливо раскладывать и развешивать содержимое наших сумок. Собирались всего на пару дней, но погода в последнее время плохо слушалась прогнозов. То и дело норовил пойти дождь вместо обещанных «без осадков». Вместо относительного тепла, становилось так холодно, что без куртки на улицу не выйдешь! Поэтому на сей раз мы, особенно я, прихватили с собой широкий спектр одежды, учитывая вероятные фортели природы.

Аким устраивается на кровати и с тяжелым вздохом смотрит на мою возню. Сную то в санузел, то обратно в комнату. То к сумкам, то к шкафу. Создаю вид кипучей, сверхважной деятельности.

Заканчиваю уже за полночь. Аким лежит на спине с закрытыми глазами, подложив руку под голову. Рассеянный свет падает на его сильное тело, красиво растушевывая тени вокруг прорисованных мышц пресса, рук и груди. Была бы художником, нарисовала бы с него спящего Геракла. С трудом отметаю желание втихаря сфоткать его на смартфон. Мне бы не понравилось, если бы меня кто-то фоткал спящую без спроса. Полюбовавшись на него, выключаю свет и тихонечко заползаю на кровать — он оставил мне место у стенки. Крадусь по-кошачьи, стараюсь его не разбудить.

— Не обязательно делать вид, что ты сильно занята, — вдруг говорит он, по-прежнему с закрытыми глазами. — Сказала бы, что не готова. Или что не хочешь. Я бы понял.

И отворачивается от меня в другую сторону.

Чувствую себя полной дурой. Причем очень несчастной дурой. Здесь, рядом со мной лежит парень моей мечты, а я не могу позволить своим чувствам к нему проявиться, боюсь даже до него дотронуться. Потому что если дотронусь, я не сдержусь и... все станет только хуже и сложнее. Долго не сплю, ворочаюсь, пока в полусне, наконец, не оказываюсь в его теплых объятиях. Тогда успокоившись, словно только что получив прощение, я окончательно погружаюсь в сон.

На следующий день просыпаюсь от детской беготни за дверью, веселых криков и задорных взвизгиваний. Сквозь шторы бьет яркий солнечный свет. Похоже сегодня нам выдали хорошую погоду. Бросаю взгляд на наручные часы — уже пол девятого. Через пол часа, кажется, начнется завтрак.

Акима в кровати нет, вместо него — помятая простынь и придавленная подушка. Глажу ладонью его следы. Постель уже остыла — значит, встал он давно. Эта неожиданная пустота рядом со мной почему-то тревожит.

Вскакиваю, умываюсь, собираю волосы в пучок. Одеваюсь в другое, самое не мятое платье. Тоже летнего, тонкого покроя, светлой расцветки, длиной в пол.

Спускаюсь на первый этаж и на фоне бегающих по холлу детей вижу, как в дом заходит Аким. С мокрыми волосами, в плавках, с полотенцем на плече — видимо, только-только в озере поплавал. Кивнув мне, поднимается наверх, а я принимаюсь играть с детьми. Сначала в прятки, но это слишком легко, поэтому переходим на догонялки. Вижу, как две уже знакомые женщины в униформе, накрывают на стол. До меня доносятся соблазнительные ароматы. Пока мы играем, аппетит усиливается, и я, то и дело поглядывая на расставленные мармиты с едой, с нетерпением предвкушаю завтрак. Вскоре к нам подходит Матвей и зычно гаркает детям:

— Так. Ну-ка шуруйте быстро наверх! Мать сказала, вы еще зубы не чистили!

Когда они убегают, мой деверь и несостоявшийся любовник подходит ко мне почти вплотную и выплевывает негромко, чеканя каждый звук:

— К моим детям теперь чтоб и на два метра не приближалась! Тварь!

Его ядовитые слова так неожиданны, что даже не успеваю сгруппироваться, внутренне подготовиться, чтобы принять удар. Становится так жгуче больно, что на глазах выступают слезы. И все же заставляю себя ответить обидчику:

— Веди себя достойно, как мужчина. Мстительность — удел слабых.

— Не тебе, суке, учить меня достоинству! И месть тут не при чем, — набычившись, заявляет он. — Неохота, чтобы такая, как ты ошивалась рядом с моими детьми и марала их в своей грязи.

— Я не грязнее, чем ты, Матвей. Мы в одной луже барахтались. Может, тогда и тебе к

своим детям не подходить?

В его глазах сверкает такая злость, что я не сомневаюсь: будь мы одни, я бы снова оказалась приплюснута к стене и раздавлена им в лепешку. Но здесь и сейчас он может лишь распять меня взглядом. Тем более, к нам уже спускается Аким. Подойдя поближе, он обнимает меня за плечи, и с вызовом обращается к брату:

— Какие-то проблемы?

Нехотя бугай отходит в сторону, и я благодарно льну к мужу. Шепчу:

— Доброе утро! Я уже соскучилась.

Получаю в ответ небрежный поцелуй в висок.

Остальная часть дня протекает без эксцессов. Вполне мирно завтракаем. Гуляем с Акимом около озера. Наслаждаемся красочным видом, свежим, целительным воздухом и звенящим пением птиц.

К нам то и дело подбегают Варя и Витя, вовлекая в игру. Не гнать же от себя детей в угоду их папе! Аким учит их бросать камешки по водной глади, чтобы долго подпрыгивали, строить домики из веток — время течет легким, безмятежным ручьем, пока из дома не выходит Матвей.

Он намеренно всех сторонится. Засунув руки в карманы штанов, так внимательно таращится в воду, будто читает там бестселлер. Вижу, как к нему подходит то Алена, то Вера — они волнуются, недоумевают: почему тот держится особняком в такой особенный, светлый день, почему угрюмо глядит исподлобья на окружающих. Но разговор с ним ни у кого не клеится. До меня долетают его дежурные отмазки: «все нормально», «просто устал», «завал на работе». Он сейчас закрыт для общения, еще бы! В том, что у него лежит на душе, можно признаваться лишь психиатру или священнику.

Я тоже волнуюсь за него, как ни удивительно. Если он не справится с тем, что было между ним и Катей, если не отпустит, не прикажет себе забыть, столько людей пострадают! Его жена, дети, Алена... Про себя умоляю его переступить, оставить в прошлом этот позорный поступок. Сможет ли он это сделать? Вылечит ли его время? Надеюсь!

После променада — обед, после которого вся наша шумная, дружная кампания неторопливо, нехотя собирается домой. Благодарим гостеприимных свекров и, переобнимавшись со всей новоиспеченной родней, кроме Матвея, отправляемся в дорогу.

Странный закон: возвращение домой почему-то всегда протекает быстрее, чем отъезд, даже если по временным отрезкам они совпадают. Вскоре мы оказываемся дома, и я с головой погружаюсь в привычную рутину. Забираем Рекси, с ума сходящую от радости при виде загулявших хозяев. Недолго с ней поиграв, убираю и готовлю. Вкусно ужинаем.

Общаюсь с Акимом ровно, спокойно, стараюсь соблюдать дистанцию. В какой-то момент теряюсь от внезапной догадки. Возможно, не только я, но и он ее, эту самую дистанцию держит? Мысль пронзительно неприятна, и я гоню ее прочь. Как бы там ни было, по-другому сейчас никак. Спим мы вместе, чуть поодаль друг от друга. Затем пробуждение, завтрак, быстрые сборы на работу, мои няньские будни, немного смазанные потоком печальных мыслей — а вдруг я сегодня здесь последний раз? — и, наконец, наступает долгожданный вечер.

Вбиваю в навигатор адрес ведьмы Елены и вздыхаю. Придется ехать в районный центр. Далековато, конечно, но ничего не поделаешь! Отправляю сообщение Акиму:

— Сегодня встречаюсь с ведьмой. На ужин не жди. Ужин в общем-то тоже не жди. Вернусь поздно.

Чуть поколебавшись, добавляю сердечко, приписываю:

— Люблю.

И под строгий женский голос навигатора, выезжаю на шоссе.

Законопослушно соблюдая все дорожные правила, доезжаю до райцентра за час сорок минут. Навигатор приводит меня в тихий переулок. Это не спальный район, но уже и не центр города. Здесь стоят трех- и четырехэтажные дома, по большей части жилые. Но почти везде на первом этаже за стеклами витрин располагается какой-нибудь бизнес. Ремонт обуви, пиццерия, кафе...

Между азиатским рестораником и швейной мастерской нахожу нужный мне адрес, по которому находится магазин подержанных книг. Когда нерешительно обращаюсь к девушке за прилавком с вопросом про ведьму, она равнодушным, усталым жестом указывает на заднюю дверь. По виду — обычная, деревянная дверь, ведущая в подсобку.

Некоторое время медлю. Чувство такое, что я упорно, слой за слоем снимаю обертки, пытаюсь добраться до заветной иголки, чтобы, ее обломав, оборвать собственную жизнь и опять оставить позади людей, уже ставших мне дорогими. Соблазнительный голосок в голове сладко нашептывает:

— Зачем добровольно лишать себя прекрасного тела? Просто спрячься! Заройся в свой новый мир с головой и живи! Ты в нем столько людей сможешь осчастливить, в отличие от прежней хозяйки!

Совесть на это робко возражает:

— Ну а Катя? Что с ней будет? Тело ее. Надо бы вернуть...

— Участь закоренелой эгоистки никого сильно не волнует. Родителям она не нужна, мужу тоже. Почему ты о ней должна переживать? Просто так ведь своего тела не лишаются! Считай, что ей прилетел бумеранг!

Мысль про бумеранг запускает волну протеста, выбивающую из меня все последние сомнения. Меня однажды тоже лишили тела, хотя я старалась жить по совести. Это не был бумеранг. Я всего лишь повстречалась с человеком, посчитавшим себя вправе забрать мою жизнь. Я не буду таким человеком для Кати. Не стану ее убийцей.

Нажимаю на ручку и, открыв дверь, захожу в просторную комнату. Обстановка здесь домашняя. Исходящий от бра свет создает уютный полумрак. Пахнет кофе и жареными семечками. Подвесной шкафчик над комодом, столик, на котором ютятся кофеварка и электрический чайник. Пышная диффенбахия в углу. Диван, кресло и небольшой кофейный столик возле них.

Сейчас на кресле восседает нога за ногу загорелая брюнетка в темно-синем платье. Ей за тридцать, точнее возраст не определишь. У нее модная короткая стрижка, тонкие черные брови взлет и голубые, выразительные глаза с невероятно красивыми ресницами-опахалами. Такую красавицу легко представить где-нибудь в офисе, приветствующую клиентов в приемной. Она и сейчас встречает меня белоснежной улыбкой. Следуя ее жесту, я присаживаюсь на диван и сходу признаюсь:

— Елена, налички у меня нет, вы уж простите! Но как раз неподалеку от вас есть банкомат. Так что давайте с порога договоримся о сумме — я ведь не знаю ваших расценок!

Женщина смеется. Смех у нее мелодичный и немного колдовской. Смеется — как будто в транс вгоняет! Отсмеявшись она заявляет:

— Сразу видно: деловой человек! Для вас с Катей моя консультация будет бесплатной. А за травку пожертвуете ровно столько, сколько сами захотите.

Слова про травку меня смущают — мне бы не травку от несварения желудка, мне бы души местами поменять! Упомянув про Катю, женщина кивает на пространство, слева от меня и я, чуть повернувшись, вижу свое альтер эго собственной персоной, сидящую рядом на диванчике. Я ее не сразу заметила, потому что она молчит! Катя смотрит на ведьму отчаянно, умоляюще и молчит!

— Доктор, что со мной? И как это лечится? — шучу, хотя мне не до смеха. Просто себя подбадриваю. Елена перестает улыбаться, серьезнеет и тем самым вмиг накидывает себе одно поколение, переходя из разряда старших сестер в тетушки. Говорит назидательно:

— Карина, вы ведь неспроста заговорили медицинскими терминами. Вам недавно сделали пересадку тела. Как это с сердцем бывает: если оно стало нежизнеспособным, его приходится менять на новое. Но только найти новое тело в тысячу раз сложнее, чем донорское сердца. Слишком многие факторы должны совпасть. Например, как раз на момент вашей смерти должно освободиться новое тело, по возрасту и полу вам подходящее. А также донор тела должен добровольно его покинуть, оставив его при этом в довольно хорошем состоянии. А самое главное, нужно замотивировать на эту операцию больницу, ибо, если не будет оборудования или хирурга...

— Донор? — слышу рядом возмущенный голос очнувшейся Кати. — Я добровольный донор? Вы все рехнулись здесь что ли? Да я добровольно ни грамма крови не отдала бы, не то что целое тело!

— Под добровольным уходом из тела я имею в виду желание уйти из физической жизни. Ты, солнышко, зачем в дерево с разгона въехала?

— Так я же пристегнута была, — бормочет Катя. — Просто напугать мужа хотелось. Глупый фарс разыграть.

— Девочка, ты мне, прожженной старой тетке, сказки-то не рассказывай! Когда в дерево неслась, хотела покончить с собой. Наказать хотела по-настоящему мужа-то! Чтобы знал, как виноват перед тобой! Чтоб всю жизнь мучился! Ты ведь понимала — чай не тупенькая! — что он с тобой уже не останется! Знала, что никому ты не нужна и не к кому больше присосаться! Путь был один — уйти красиво и заставить мужа терзаться. Но в последний момент у тебя почему-то ремень заел. Помнишь? Дергала-дергала, а он все никак не отстегивался. До сих пор думаешь, что это случайность?

Катя кусает губы.

— Но... Как? Как мне попасть обратно?

— Что, одумалась? Жить захотела? — этот вопрос звучит жестко из уст Елены.

— Да.

— Поздно, дорогуша. Тело уже пересажено и по праву принадлежит новой хозяйке. Просто считай, что у тебя тогда ремень не заклинил, и ты своей жизни лишилась.

— Послушайте, — бормочу недоверчиво. — Но почему именно с нами это случилось? Я ведь ни разу не слышала об историях, связанных с пересадкой тела! Мы что, с Катей единственные?

— Ой, ну вы что, — она снова смеется обворожительно. — Нет, конечно! Ведь владельцам новых тел приходится адаптироваться к новой жизни, прикрываясь по большей части амнезией. И у большинства это проходит удачно. В газетах же не напишут: состоялась успешная пересадка тела! Могут иногда про амнезию удивительную написать, но что тут такого? Вы бы прочитали и не запомнили. Некоторые, правда, особо честные в психушку попадают с диагнозом шизофреническим, но это только, когда и честные, и совсем глупые.

— Но почему я? — упрямо твержу свое.

— Потому что вас, Карина, посчитали достойной жить. То ли неоконченные дела остались, то ли ваш духовный уровень сыграл свою роль. Или добрые предки подсуетились — родовые заслуги тоже никто не отменял! А, скорее всего, все эти факторы сообща вам помогли.

— Но Катя? Как же теперь она? — спрашиваю растерянно, облизав пересохшие губы.

— Послушайте, — ведьма смотрит строго, больше не церемонясь, — вообще-то это не мне и не вам решать, кому получать второй шанс. И уж тем более не этой стрекозе, — небрежно кивает на Катю, — Вы свой шанс получили и скажите спасибо!

— А травка? Что вы там говорили про травку? — спрашивает Катя. Она отчаянно цепляется за любую возможность переиграть ситуацию. Вернуть себе тело. Вернуть жизнь.

— А вы, Карина, хотите узнать про травку? — вдруг интересуется ведьма, и я киваю, потерев нещадно зудящую мочку уха.

— Если вы все-таки сильно возражаете против своего подарка и рветесь уйти в духовный мир к своим праотцам, оставив тело старой владелице, то у меня есть для вас специальный набор трав, собранных по рецептику от тибетского монаха. Они там эти травы используют для многодневных медитаций. Дух выходит из тела, путешествует, а тело при этом в целостности и сохранности сидит на земле в позе лотоса.

Елена изящно встает с кресла, цокает на шпильках к комоду, отодвигает верхний ящик и вынимает оттуда небольшой полотняный мешочек. Открыв его, отсыпает содержимое в крошечный, прозрачный пакетик и, тщательно его закрыв, протягивает мне.

— Заварите щепотку на стакан кипятка, выпейте через десять минут и ваша связь с новым телом истончится настолько, что у Кати появится шанс вернуться обратно.

— Спасиииибо! Спасиииибо! — пищит рядом довольная душа. — Наконец-то, разговор по существу!

— Но учтите, — добавляет Елена. — Нет никакой гарантии, что Катя сможет вернуться. Этот процесс ведь намного сложнее, чем засунуть новое сердце в чужое тело! Чтобы душа задержалась в новом теле, по духовным законам у этой души должна быть веская причина жить. Проще говоря, мелким, гнилым душонкам никто второго шанса давать не будет. Поэтому, если Катя останется такой же, что и сейчас, то, когда действие травки закончится, вы, Карина просто вернетесь назад в это тело. А Катя так и останется бестелесной навеки. Вот и все.

— Вы не посмеете меня так оставить! — теряется Катя и вдруг сердито обещает, — Я тогда ей жизни не дам! Если она останется в моем теле, я ее изведу! Буду петь и днями, и ночами, пока она не спятит! Понятно?

— Хорошо, что ты напонила, потому что как раз для этого случая, моя дорогая, у меня есть другая травка.

Елена встает и опять подходит к комоду. Выдвигает на сей раз второй ящик и достает оттуда другой мешочек. Аккуратно отсыпает щепотку в красный бумажный пакетик и протягивает его мне.

— У вас сейчас с этой девчонкой есть связь. Вы ее можете видеть и слышать. Порой это ужасно неудобно, уж я-то знаю! — подмигивает мне заговорщицки. — Поэтому, если окончательно решите принять свое новое тело, то заварите себе вот эту травку на чашку кипятка и через несколько минут выпейте. Ваша связь мигом прервется и мешать она вам больше не сможет!

Катино лицо искажается от гнева. Мне ее жаль. Единственная возможность как-то контролировать ситуацию, давить на меня только что уткнула у нее между пальцев. А ведьма, не давая опомниться, продолжает свою шоковую терапию:

— Я тут случайно подслушала ваши мысли за дверью. Вы же меня простите? — взглянув на мое растерянное лицо, уточняет, — Про бумеранг. Так вот. Вас ведь не случайно убили. Ваш прапрадед был добрый, но сильно вспыльчивый мужик. Зарубил однажды соседа своего. Тот, конечно, тоже хорош — нечего было мотыгой на огромного детину замахиваться, но все же... В общем, Карина, с вашим убийством бумеранг даже не к вам, а к вашему предку прилетел. Он в курсе ваших злоключений. Раскаивается, страдает. Все, как полагается. Как известно, до седьмого поколения потомки несут ответственность за деяния предков.

Мысленно зажимаюсь в ракушку, как улитка, ощутившая чужеродное присутствие. Она только что мои мысли считала? Боюсь теперь и размышлять в ее присутствии. Торопливо себе приказываю: «Не думай! Не думай! Не думай!», и Елена смеется:

— Ладно, я вам просто хотела помочь, но вижу, что больше смутила, чем помогла. Если ваши вопросы закончились, сделайте пожертвование за травки, и на этом мы расстанемся!

Достаю из сумочки кошелек, роюсь в нем, нахожу случайную купюру, о которой совсем позабыла. Удивляюсь в сотый раз за этот вечер. Протягиваю деньги Елене и она принимает их с улыбкой.

— Отлично, мы в расчете. И прошу, услышьте мой главный совет! У вас ведь прекрасный муж... Оставьте свои терзания по поводу Кати. Примите свой дар с благодарностью и начните жить полной жизнью. Ну, бывайте! Удачи вам, Карина!

После ее напутствий я на ватных ногах выхожу за дверь, попадая в книжный магазин, словно в другой, самый обычный мир прямоком из сказки. Люди деловито рассматривают старые книги, расспрашивают продавщицу. Даже не верится: только что я общалась с настоящей, живой ведьмой! Информации так много, что она застряла в голове, как еда в туго набитой авоське. Теперь понадобится немало времени, чтобы переварить услышанное!

Телефон вдруг пищит и вибрирует. Открываю экран и читаю сообщение от Акима:

— Ты в порядке? Напиши, когда закончишь. Владимир, мой потенциальный партнер, предлагает нам встречу. Надеюсь, ты завтра вечером свободна? Соглашаюсь?

Поспешно печатаю:

— Да. Завтра вечером я свободна. Уже еду домой.

И торопливо топаю к машине.

Уже сидя в машине, не успев, правда, завести мотор, получаю очередное сообщение: — На ночь меня не жди. На работе аврал. Увидимся завтра в шесть вечера в Глэдис!

Аврал? Это слово так плохо сочетается с моим организованным, собранным мужем! Ловлю себя на том, что впервые называю Акима «своим мужем», не испытывая при этом чувства вины и не воспринимая себя воришкой. Будто раньше всегда входила домой через черный ход, а теперь зашла через парадную дверь в качестве полноправной хозяйки.

Но вскоре, уже в дороге становится страшно: правда ли он занят работой? Вдруг он меня теперь избегает? Вдруг не хочет со мной ночевать после того, как я его оттолкнула? Стараюсь об этом не думать, но грызущие, поедающие меня живьем сомнения вновь и вновь просачиваются в мозг. В конце концов, включаю музыку на всю катушку и глушу ею неприятные мысли.

Приезжаю домой поздно. Уже совсем темно, когда верная Рекси встречает меня счастливым скулежом и гавканьем. Встав на задние лапы, она так и норовит облизать теплым языком лицо. Моя собаченция! Моя дуреха. Обхватываю ее вокруг лопаток и ласково треплю за холку. Прости, родная, что весь день было не до тебя! Включаю наружный свет на веранде и какое-то время играю с ней на газоне. Полуночные игры. Вскрики, повизгивания, хлопки и подскоки. Хорошо, что рядом нет соседей!

Вконец устав, паркую машину в гараже и захожу на кухню. Бросаю ключи на стол, включаю свет, обвожу взглядом гостиную, вдыхаю такой знакомый древесный запах и с наслаждением проговариваю:

— Я дома.

Слышу вдруг несчастный всхлип за спиной и плаксиво-жалобное:

— Походу дома, это ведь твой дом теперь.

Обернувшись, вижу Катю. Вид у нее плачевный. Ссутулившиеся плечики, глазки заплаканные, мокрые щеки и печально наморщенный носик, готовый к новой порции рыданий. Она обреченно заявляет:

— Я проиграла. Так надеялась на ту ведьму, прикинь? А она заманила меня к себе только для того, чтобы встретиться с тобой и подгадить мне! Хитрая подлюка.

— Как это «заманила»? Разве не ты ее нашла? — удивленно ее спрашиваю, с ногами забираясь на кресло в гостиной.

— Не-а. Она меня к себе приманила. Меня все время тянуло куда-то. Я поддалась этой тяге и полетела к магниту. Когда оказалась у нее в комнате и услышала: «Ну, здравствуй, Катя!», то чуть не обделалась от счастья! Подумала: вот оно! Проблема моя скоро решится! А, в итоге, она меня окончательно превратила в бомжиху! Я теперь вынуждена скитаться, где попало, без постоянного места жительства.

Снова всхлипывает и кулачком, совсем по-детски вытирает побежавшую слезу. Становится ее ужасно жалко. Мягко говорю:

— Обняла бы тебя, подружка, но никак. Жаль, что так вышло. Правда жаль.

Она улыбается сквозь слезы:

— Было бы у меня тело, я бы сейчас нажралась до потери памяти, зуб даю!

— А потом проснулась бы с больной головой.

— Плевать, — она мечтательно закатывает глаза. — Что угодно отдала бы, лишь бы

своей башкой заново ощутить похмелье!

Молчим какое-то время. Каждая думает о своем и в то же время об одном: сколь бесценны моменты физической жизни! Спрашиваю ее:

— Почему у вас с Акимом разладилось, Катя?

Она бухается рядышком на соседнее кресло — готовится к исповеди, трет лоб.

— Фиг его знает. Даже не уверена, любила ли я его когда-нибудь или любила ту жизнь, которую он мне давал. Это все как-то было связано, даже границ не провести. А потом хоп! И граница нарисовалась! Если ты с Акимом — то прозябаешь на задворках жизни, а если без него — то делай, че хочешь, но жить тупо не на что. Короче, выбрала сама знаешь, что.

— Печально... Так ты его не любишь? Не скучаешь?

— Не, не особо. Скучаю только по тем вещам, которые нравилось с ним делать: быстрой езде, ночным клубам, путешествиям, ресторанам. А на самого Акима мне как-то по барабану.

— Что будешь делать теперь?

— Ну что... Попробую для разнообразия что-нибудь хорошее проверить. Что — еще не придумала... Подкинешь идеи?

— Не знаю... Может, отправишься к свету?

— Не. Это я всегда успею, — она задумчиво наматывает локоны на палец. — Знаешь что? Ты вроде девчонка неплохая и к тому же единственная, кто меня видит. Значит, только тебе я смогу делать добро. Присмотрю-ка я пока за тобой!

От этой мысли мне становится неуютно, я ежусь и испуганно мотаю головой. Жить под ее постоянным надзором — ужас какой-то! Нет, спасибо! Но Катя только смеется:

— Да ты не переживай, я тебе мешать не буду. В самые интимные моменты буду сматывать удочки — я же не извращенка! Буду тихонечко, тебе не надоедая, за тобой приглядывать. А вдруг пригожусь?

Пожимаю плечами. Если так — то пожалуйста! Мне не жалко. А если начнет мешать, просто выпью травку. Ту, которая из красного пакетика.

— Ну и первая моя тебе помощь, — произносит Катя с энтузиазмом, — это загнать тебя спать! Ты же в курсе, что уже первый час ночи?

Смотрю на свои часы и понимаю, что она права — пора в постель! Послушно иду на свою кровать в уже своем доме и засыпаю очень быстро от накопившейся за день усталости.

Следующий день идет по накатанной. Утренние сборы, работа. Детский смех, разборки и снова довольный смех. Мой рабочий день как раз близится к завершению, когда я слышу приближающиеся Ольгины шаги. Она расстроена. Заходит в гостиную, в которой мы с мальчишками убираем на место игрушки. Растерянно приглаживает распущенные светлые волосы и вдруг выпаливет:

— Катя, останьтесь, пожалуйста, сегодня вечером с детьми! У моего мужа на работе засада, он никак выбраться не может, а я уже обещала кое с кем встретиться. Детей не на кого оставить. Всем знакомым перезвонила — у всех планы на вечер. На вас вся надежда!

В обычный, рядовой день — осталась бы, без проблем. Но сегодня? Я ведь вечером должна встретиться с Акимом и его величеством Владимиром. Качаю головой:

— Простите, Ольга. Сегодня не получится. Я обещала мужу быть на бизнес встрече и никак не смогу ему отказать.

— Да что же это такое? — Ольга в отчаянии заламывает руки. — Все против меня! Знаете что? Тогда давайте поговорим по-другому! Вы хорошая няня, и я вами довольна. Но,

если вы сегодня не останетесь с детьми, то со следующей недели вы у нас больше не работаете.

Удар под дых. Подлый. Внезапный. Только он ничего не изменит. Киваю ей и заявляю:

— Вы, возможно, удивитесь, но я держу свои обещания. Особенно, данные мужу. Так что да, со следующей недели я у вас больше не работаю.

Ольга только фыркает сердито и, размашисто шагая, уходит к себе в мастерскую.

Смотрю на часы — времени хватит как раз на то, чтобы добраться до дома, переодеться и приехать на встречу. Выезжаю на шоссе, стараюсь успокоиться. Включаю медитативную музыку. Я только что лишилась работы? Из-за того, что привыкла держать слово? Смешно, если бы не было так грустно!

Переодевшись в белое вечернее платье, подкрасившись, еду в Глэдис. Это лучший ресторан в нашем маленьком городочке. Здесь самые вкусные стейки, самое спорое обслуживание и самая уютная атмосфера, окутанная живой, джазовой музыкой.

Подъезжаю к ресторану, на две минуты опоздав. Паркуюсь и вбегаю внутрь. Ищу мужа, замечаю его в компании с каким-то худощавым мужчиной. Его лицо кажется смутно знакомым. Резковатые, крупные черты: широкий рот, большие серые глаза кого-то напоминают. Аким тоже меня разглядел и машет рукой. Усаживаясь за столик, замечаю, что накрыто на четверых. После первых приветствий интересуюсь:

— Вы ждете жену?

Владимир качает головой:

— Нет, моя жена дома, она редко ездит со мной в командировки. У нас двое детей, сами понимаете, с ними особо не поездишь! Детям нужен размеренный быт, друзья, а не вечное шатанье из города в город! Зато в этом городе живет моя сестра. Очень удачно получилось бы завести здесь бизнес, чтобы почаще ее навещать. Она опаздывает, к сожалению. Но обещала скоро быть.

Вскоре нам приносят еду. Ем через силу, чувствую себя не в своей тарелке. Владимир пристально поглядывает на меня и я не понимаю, что он жаждет увидеть? Неужели надеется считать отношения между супругами за время их совместного ужина? Неожиданно Владимир охаживает меня вопросом:

— Вы довольны своим мужем, Катя?

Поперхнувшись, откашливаюсь, вытираю рот салфеткой, делаю глоток воды и заявляю:

— Довольна? Я бы не сказала, что это подходящее слово по отношению к мужу.

— Тогда какое слово подходящее?

Во рту внезапно пересохло. Язык не слушается. Он сейчас беспардонно вспорол мне грудную клетку и заставляет прилюдно вытащить содержимое наружу. Вне зоны комфорта, чувствуя себя голой и уязвимой, тихо говорю:

— Я... люблю. Акима ведь невозможно не любить!

Зачем оправдываюсь в своих чувствах — не понимаю! Кидаю быстрый взгляд на мужа, но он сверлит меня непроницаемым взглядом, и я никак не могу угадать, что скрывается в его голове.

— За что? — продолжает пытаться меня мой собеседник. Ему мало моего душевного стриптиза. Он хочет теперь приватный танец.

— Я бы могла ответить, что это слишком личное, но не буду. Скажу так: я не умею препарировать любовь перед чужими глазами. Чувство ведь зарождается из разговоров, крупных поступков, мелочей. Они важны и дороги нам с Акимом, но ничего не скажут

стороннему наблюдателю.

Владимир удовлетворенно кивает головой и снова спрашивает:

— Вы же знаете, почему я захотел с вами встретиться?

— Да.

— И заявляете, что не собираетесь откровенничать? Вы уверены, что вас волнует успех мужа?

— Волнует, конечно. Поэтому я все еще здесь и спокойно общаюсь с человеком, наступившим на мои личные границы.

Мужчина хмурится, но внезапно, добродушно расплывшись в улыбке, произносит кому-то за моей спиной:

— Оленька! Ну, наконец-то! Мы уже заждались!

Оборачиваюсь и вижу красавицу блондинку в элегантном льняном костюме, со свежей укладкой и красиво подкрашенную. Ту самую, которая только что меня уволила.

Ольга ошеломленно таращится на меня, пока усаживается на стул, галантно отодвинутый для нее Владимиром. Теперь, когда вижу их рядом, не понимаю, как я раньше не догадалась об их родственной связи! Их лица идентичны и в то же время сильно разнятся. Если Ольгины черты лица гармонично сливаются в изящный рисунок маститого художника, то у Владимира те же самые контуры, как будто грубо смазаны самоучкой дилетантом, оставляя далекое от эталонов красоты впечатление.

— Так вот вы куда собирались этим вечером, Катя! — эмоционально тараторит блондинка, обводя ладошкой окружающий нас зал. — Боже, я и понятия не имела, что вы на *эту* встречу спешили!

Неопределенно пожимаю плечами и отпиваю глоток воды. Какая разница, на какую встречу я намеревалась попасть? Ради брата она бы вела со мной по-другому? Без наездов и угроз? С Ольгиным приходом мой дискомфорт усилился, но удивления почему-то нет. Город маленький, тесный — не так уж странно, что мы пересеклись. Хотя немного все-таки странно, признаю. Владимир тем временем разводит руками:

— Вы... уже знакомы?

— Да, — с нажимом отвечает Ольга. — Представь себе, Катя — няня твоих племянников! Свой человек, короче!

Мужчина улыбается растерянно, а я уточняю:

— Была няней.

Она досадливо машет рукой, чуть сморщив свой хорошенький носик, и выдает:

— Катя, я вас умоляю! Давайте не будем слишком бескомпромиссными железными леди! Мы все ошибаемся — вот я и ляпнула сторяча! Блефанула немного — что с того! — она переводит взгляд на мужа и с загадочной улыбкой заявляет, — Я уже, кстати, давно мечтаю с вами познакомиться, Аким!

В ее устах эти слова звучат как-то... неправильно!

— Почему же? — интересуется муж с лицом профессионального покериста, упираясь локтями на стол и переплетая пальцы в замок. Даже молча, не двигаясь, он умудряется произвести впечатление силы и власти. Как лев, с которым должно считаться, даже, когда тот, лениво прищурившись, наблюдает за своим прайдом.

— О, это целая история! — смеется она. — Когда я увидела Катю, то решила ее для начала прощупать. Ну, ты знаешь, — кидает лукавый взгляд на брата, — я умею залезть человеку под кожу и вывернуть его наизнанку! Самый лучший способ выудить из женщины сведения о личных проблемах — это начать жаловаться на сильный пол. Со всеми это срабатывало на ура, но наша Катя — кремень. Как я ее не провоцировала, она твердила, что ее муж хороший. Но самое любопытное случилось сегодня! Мне не на кого было оставить детей — пришлось пригрозить Кате, что уволю ее со следующей недели, если не останется с мальчиками. И что вы думаете? Она предпочла оказаться уволенной, чем подвести мужа. Мне ужасно хотелось узнать, ради кого эта замечательная девушка идет на такие жертвы! Так что, дорогой брателло, — опять шутливый взгляд на Владимира и хлопок по его плечу, — с семейными ценностями у этих ребят порядок.

— Вот и прекрасно, — заявляет Владимир, откинувшись на спинку стула и расстегивая при этом пиджак. Его лицо разгладилось и сбросило несколько лет. Он, похоже,

расслабился, потому что понял: экзамен подошел к концу, экзаменатору пора что-нибудь черкнуть в зачетку и выдохнуть.

В противовес ему Ольга не собирается успокаиваться — до сих пор так и брызжет энергией. Она всем корпусом разворачивается ко мне и экспрессивно складывает руки в умоляющем жесте:

— Катенька, ну, пожалуйста! Ну, не обижайтесь на меня! Я ведь вам отчасти правду сказала! Со следующей недели вы по-любому у нас работать не сможете! Но не из-за увольнения, а потому что мы всей семьей на месяц поедem в кругосветку. А, когда мы вернемся, буду ждать вас обратно! Договорились?

— Я подумаю, — обещаю ей, улыбнувшись. — Я уже привязалась к вашим детям, но мне потребуется время, чтобы все обдумать.

— Если мы вам оплатим щедрые отпускные, это поможет вам думать быстрее?

— Ольга, — говорю, на несколько градусов охладив улыбку, — вы простите, но не всем нравится, когда им лезут под кожу.

— Все. Поняла, — она дает задний ход, выставив перед собой ладони. — Больше не давлю. Обожаю таких принципиальных, как вы! — вдруг вырывается у нее. — Вами, конечно, не покрутишь вокруг пальца, но зато и подлянки можно не ждать!

Пока мы ожидаем десерт, Ольга рассказывает про Пашу и Ваню, упоминает их новые перлы. Обещает показать портрет брата, когда он выберется к ней в гости и тот в притворном ужасе хватается за голову:

— Надеюсь, уши там на своем месте, а не на лбу, как в прошлый раз?

— Много ты понимаешь в искусстве! — отрезает художница. — Это, между прочим, метафора! Отсылка на то, что людей ты слушаешь не сердцем, а мозгами!

Скоро ужин подходит к концу. Платим по счету, и Владимир отзывает Акима на пару слов в сторонку. Напряженно вслушиваюсь в их тихую беседу, пытаюсь сквозь гул чужих разговоров, рваный ритм джаза и клацанье посуды различить хотя бы отдельные слова, чтобы понять, о чем речь. Как назло, ко мне липнет Ольга и опять начинает болтать о своем. Заметив, что я слушаю ее вполуха и бросаю напряженные взгляды на отошедших мужчин, она восклицает:

— Да расслабьтесь вы, наконец! Все будет хорошо! Я не отстану от брата, пока он с Акимом не подпишет контракт! Хотя я не думаю, что мое участие потребуется!

Когда секретные переговоры в закрытом мужском клубе заканчиваются, мы прощаемся и расходимся по машинам. Но в те несколько секунд, пока выходим из ресторана, у меня снова не получается определить мысли Акима. Его лицо непробиваемо для взлома и считки! Да или нет? Что сказал Владимир?

Пол часа в дороге тянутся мучительно долго. Ужасно хочется остановить мужа и потребовать ответ, но я сжимаю зубы и заставляю себя терпеливо ехать дальше. Вижу заброшенный дом слева. Пол дороги позади. Перекресток знакомый — осталось всего несколько километров пути. Наконец, дорожка, ведущая к дому. Медленно, аккуратно заезжаем. Паркуем машины в гараже, и я, тут же заглушив мотор, подбегаю к мужу. Спрашиваю нетерпеливо, схватив его за руку:

— Ну что? Он дал тебе ответ?

Он смотрит на меня отрешенно, молчит. Неожиданно с досадой выдает:

— Его ответ ни хрена не значит!

— В каком смысле? Он отказал? Ты шутишь?

О чем-то опять размышляет, своих мыслей не озвучивая. Рассеянно разглядывает меня, а я его в неярком освещении гаража. Его лицо выглядит напряженным. Будто борьба еще не окончена и совсем еще не время расслабляться и отмечать результат. Потом его взгляд соскальзывает с меня и отправляется странствовать по коробкам с инструментами и домашним скарбом.

Теперь мне кажется, что все потеряно, я не смогла ему помочь, мне не поверили. Мое признание определили в категорию фальши, забраковали и посчитали негодным. Плевать на себя, на свои неудачные откровения за ужином, мне больно за Акима. Нетерпеливо трясую его за руку, ну же, кончай секретничать! Расскажи, что ответил тот важный дядька в костюме после ужина! Но он опять извлекает из своих мыслей совсем не те ответы, что я жду.

— Сегодня я тысячу раз пожалел, что согласился представить тебя Владимиру.

— Почему? Я была так плоха? — криво улыбаюсь.

— Потому что не представлял себе, насколько он окажется вьедливым, бестактным болваном! Помнишь тату? — он стучит двумя пальцами по шее и, поймав мой утвердительный кивок, продолжает. — Мелочи все-таки прельстили душу легкомысленного! Бизнес, вся эта суета с расширением — это фигня. Я это сегодня понял так отчетливо, что аж в голове зазвенело от ясности! Главное теперь — не профукать то, что действительно важно.

— Что не профукать? — спрашиваю тихо, и мой голос вдруг от волнения срывается на шепот.

— Тебя, — его пальцы нежно поправляют за ухо упавшие мне на лицо пряди, этим простым движением вызывая во мне новый шквал эмоций. — Сегодня я раскрыл тебя с новой стороны. Забавно. Мне казалось, я хорошо тебя изучил, но нет. Я не знал, что ты умеешь ставить людей на место. Достоинно. Без похабщины. Умеешь держать удар. Умеешь быть преданной. Прикрывать мой тыл. Быть для меня идеальной. Стыковаться со мной во всем. В каждой мелочи. В каждом прожитом дне... Моя любимка... Самая желанная...

Не помню, в какой момент окончательно таю, стекаю медовой патокой в его объятия. Он теперь молчит, говорит его тело. Тяжелые ладони опускаются мне на талию. Через тонкую ткань рубашки слышу, как быстро бьется его сердце. С моим наперегонки. Пульс зашкаливает. По телу дрожь. Уже не понять: по моему, по его?

Сквозь слабый запах бензина чувствую аромат его кожи: чуть горьковатый, терпкий, до боли родной. Боюсь от него оторваться и в его сильных руках оставаться страшно. Я попала, мелькает мысль. Наконец-то, догоняет другая.

Горячие ладони обхватывают мое лицо чашей и тянут вверх. Робко поднимаю глаза, ищу его взгляд. Темные, бездонные глаза и притягивают, и пугают — все сразу. Страсть и желание, что в них вижу, хлестко вдаряют лавой по венам и кружат мне голову. Дышу его прерывистым дыханием. Он подхватывает меня на руки. Шепчет сбивчиво мне на ухо:

— Я так долго ждал тебя! Моя нежная, любимая девочка... Моя мечта... Мой сон... Жизнь моя...

Он несет меня вверх и я доверчиво лгну к нему, чувствуя мощь его мышц. Каждой клеточкой впитываю жар его кожи. Когда мы оказываемся в спальне, он бережно опускает меня на кровать. Торопливо стягиваю с себя платье, пока он скидывает рубашку, брюки, и я снова жмусь к нему, прирастаю к его телу, наслаждаясь каждым мгновением.

Ток по жилам. Голубые вены на его мощной шее. Глажу их губами. Целую, покусываю. Знакомая татуировка. Пробую на вкус. Его руки обхватывают голову и поворачивают к себе, губы ловят мои и впиваются в них, языком доводя до одури, до грани безумия.

Рывки за моей спиной, на плечах. В ненасытной спешке ему не справиться с застежкой бра и он с хриплым рыком рвет лямки, скидывая белое, бесполезное кружево на пол, потом неловко стягивает все остальное.

— Акиим, — шепчу ему на ухо или прямо в сердце. — Я люблю тебя...

Ласково бормочет. Называет любимой малышкой и снова впивается в губы, будто боясь чего-то не успеть, торопясь. Горячие пальцы скользят по коже. От шеи к плечам, потом к груди, и больше не выпускают из плена, глядя, пощипывая, сжимая, заставляя плавиться от жара внизу живота.

Не могу больше ждать, медлить невыносимо больно, каждая секунда — за год в аду. Тяну его бедра к своим, приглашаю в себя. И он заходит, моя половинка, мое продолжение, наполняя, становится частью меня. Отпускает, чтобы взять меня снова, раз за разом.

Неистовые толчки вбираю в себя, жду их, как вдох, ненасытно, жадно ловлю, раскрываясь навстречу, как свету. Еще! Пожалуйста, продолжай!

От его движений все ближе, ближе взрыв, волна, вулкан. Цунами наслаждения затопляет все тело, от макушки до кончиков пальцев ног. Заставляя стонать, выгибаться, разрывает реальность на части. Через секунду мой вскрик тонет в его. Дааа, любимый! Делим на двоих одну тайну, одно наваждение, одно безумие, сливаемся в безраздельное целое.

Когда заканчивается ночь, мы засыпаем. Спустя мгновение уже продираю глаза, услышав мелодичное верещание смартфона. Солнце раздражающе ярко бьет в лицо — вчера вечером мы забыли зашторить окна, и сейчас в комнату врывается ослепительный столп света. Прикрывая глаза рукой, жмурюсь и с трудом выплетаюсь из объятий Акима. Тормошу его тихонько за плечо:

— Тебе не надо на работу?

— Нет. И тебе не надо. Тебя же уволили, — сонно бормочет он, пытаюсь снова сгрести меня в охапку и утянуть к себе.

— Я только со следующей недели уволена. А до субботы придется выдавать себя за социально ответственного человека!

Едва живая сползаю с кровати, спускаюсь на кухню, держась за перила, чтобы не скатиться кувырком по ступенькам. Вот только как бы теперь проснуться?

Этой ночью мы никак не могли оторваться друг от друга. Когда долго ждешь, то потом берешь свое сполна, жадно, взахлеб, без оглядки на завтрашний день. Пару раз мы меняли локации. Пару раз совершали набег на холодильник, чтобы подкрепиться. Болтали, смеялись, дурачились, и опять нас тянуло друг к другу. Время пролетело незаметно, в один миг.

Завариваю кофе во френч прессе, готовлю бутерброды с сыром на завтрак. Слышу шлепанье босых ног за спиной. Аким приближается вплотную, смыкает на талии руки, прижимается горячими губами к шее, отчего теплые волны вмиг устремляются вниз живота, и заявляет чуть хриплым спросонья голосом:

— С ума не сходи! Куда ты в таком виде?

— На работу. Сейчас кофе выпью и точно проснусь! — обещаю немного неуверенно.

Тяжело выбираться из кольца его рук. Особенно, когда больше всего на свете желаешь там оказаться. Всю свою волю собрав в кулак, мягко освобождаюсь из его плена и сажусь завтракать. После еды муж вызывает такси, заставляя отказаться от мысли самой усесться за руль. По пути на работу меня вырубают под веселенький шансон. Расплатившись, вылезая из машины и усиленно тру глаза.

Ольга встречает меня на пороге дома, свежая, отдохнувшая — будто мне в упрек, и лукаво комментирует мой вид:

— Катя! Я не вижу ваших глаз! Вы всю ночь отмечали грядущий контракт?

— Какой контракт? — вскидываюсь, растерянно моргая.

— Так ваш муж ничего не сказал? Мой брат согласен на сотрудничество с компанией Акима! Урааа! — тоненько голосит она, хлопая в ладоши.

Новость хорошая, даже отличная, но я чересчур устала, чтобы прыгать от счастья. Я лишь вежливо улыбаюсь, с трудом приподняв уголки губ, и без энтузиазма аплодирую. Как вчера сказал Аким? Контракты — мелочь. Главное — это мы.

День тянется убийственно долго. Говорят: если ты не занимаешься детьми, то дети займутся тобой. У меня слишком мало сил, чтобы дирижировать мальчишками, поэтому сегодня Паша с Ваней впервые занимаются мной, а не наоборот. Тормошат, не слушаются, дергают, капризничают, терзают уши своими криками, наскакивают на меня, друг на друга, а я лишь вялой мухой реагирую на происходящее.

Выдуваю несколько литров кофе, но помощь от него весьма сомнительна. В затылке гулко отбивает дробь, но уставшее до крайности тело так и норовит куда-нибудь то присесть, то прислониться. Может, стоило сказать больно и взять отгул? Жаль, что эта мысль не пришла в мою слишком честную, ответственную голову еще утром! Еле-еле отмучившись положенные рабочие часы, еду домой. Не найдя Акима, валюсь, как подкошенная в кровать и отключаюсь.

Несколько последующих дней протекают в каком-то безумном, сверхзвуковом режиме. Я страшно не высыпаюсь, как и Аким. Нам отчаянно не хватает тех часов, минут и секунд, что мы проводим вместе. Наверно, мы теперь выйдем, как два безумных наркомана, коими мы и являемся, нешуточно подсев друг на друга. Много раз за день ловлю себя на том, что хожу, широко улыбаясь во весь рот, и вспоминаю наши разговоры. Вербальные и не только. Черт возьми! Я халтурщица, а не няня! Хорошо, что до долгожданного отпуска меня отделяет лишь пара дней!

Аким, договариваясь с Владимиром об их будущем сотрудничестве, выторговывает себе месяц свободы. Наш с ним медовый месяц. Время, необходимое для поездки в Питер — город, в котором началась и закончилась моя прежняя жизнь. Бедную Рекси опять пристраиваем к добросердечной соседке. Бронируем места в гостинице: и для ночевки в дороге, и для жизни в Питере.

Складываем вещи. Аким обходится одной сумкой, и та полупустая. Мои чемоданы тоже почти заполнены, но их так много, что я вновь и вновь перебираю одежду, пытаюсь утиснуть объемы до размеров багажника, пока Аким не грозит оставить мое пожитки дома и купить все необходимое в Питере. Его слова помогают мобилизоваться и отделить зерна от плевел. Вскоре собранный багаж аккуратно стоит у выхода, дожидаясь отъезда.

Ехать нам предстоит на машине. Конечно, это долго и утомительно, но, к несчастью, самолеты из нашей деревеньки в Питер не летают, а в автобусе пришлось бы добираться еще дальше, к тому же с двумя пересадками.

В пятницу, пожелав друг другу «бон вояж», прощаюсь с мальчиками и Ольгой. В последний раз ночуем с Акимом дома и с утра отправляемся в путь-дорогу. Погода для езды просто идеальна! Небо задернуто легкими, перьевыми облаками, приглушившими яркую лампочку солнца, дождя нет. Бесконечные пейзажи за окном машины. Фуры, легковушки, перекрестки. Нечасто мелькающие населенные пункты, а между ними — длинная череда лесов и полей. Мы с Акимом по очереди за рулем: два часа — и пересменка.

К темноте добираемся до гостевого дома. Это просторная по здешним меркам трехэтажная вилла, покрашенная в трогательный персиковый цвет и окруженная розовыми кустами. Нам достается чистая, уютная комната с широкой двухспальной кроватью. Воодушевляет и неожиданно хороший вайфай, и сытный, мясной ужин вкупе со вкусным завтраком, и приличный напор горячего душа. Выселяемся отдохнувшими и полными сил.

Еще пол дня пути, и мы торжественно въезжаем в послеобеденный Питер. В груди щемит от нежности к любимому городу. Как я скучала по всем этим улочкам, по хмурым, серьезным людям, куда-то вечно спешащим, по пьянящему ритму и заводной энергетике мегаполиса! Хочется выйти из машины, лечь на асфальт и обнять знакомую улицу! Вдохнуть в себя воздух с до боли родным запахом, и замереть, раствориться в этом моменте! Аким заинтригованно поглядывает на меня, пытаюсь, наверно, разгадать причину моей блаженной улыбки. Может, однажды и признаюсь, откуда я родом, но не сейчас.

Как только заселяемся в гостиницу, первым делом звоню Людмиле. Объясняю, что мы с

мужем находимся в Питере проездом. Можно ли встретиться с ней и Мишей? В ее голосе слышу сомнение, но я не сдаюсь. Обещаю прийти не с пустыми руками — знаю, что женщина обожает вкусняшки! Шоколад с орехами — ее Ахиллесова пята, особенно, когда в качестве начинки — крупный, поджаристый фундук. Та смеется:

— Батюшки мои, дело совсем не в том, с пустыми руками вы придете или нет! Просто не знаю, одобрит ли Анна, моя работодательница, тот факт, что я принимаю в квартире чужих людей. Вы уж простите за прямоту!

Уверяю ее, что я совершенно не чужая, а наоборот самая близкая подруга Карины. Пусть она мне задаст любой вопрос из ее биографии, о которой только близкий человек может знать, и я ей отвечу!

Людмила, с минутку подумав, спрашивает:

— Скажите, почему ее крестная Валентина не взяла Карину к себе после смерти родителей?

— Потому что Карина не хотела собой никого обременять. Только крестную не Валентина, а Евгения зовут.

— Ладно, — как-то ворчливо разрешает Людмила. — Приезжайте, что уж там! Мы ведь должны друг к другу по-людски относиться!

Как только заканчиваю говорить с сиделкой, Аким звонит в полицию. Узнает, что дело по убийству Карины Тарелкиной еще не раскрыто. Убийца не найден. Эта новость изрядно электризует атмосферу. Среди мои знакомых под самым добропорядочным ликом прячется убийца. Чем больше об этом думаю, тем больше адреналина выбрасывается в кровь! Острое чувство опасности щекочет нервишки.

Выезжаем из гостиницы в самый час пик. Пока торчим в пробках, верчусь по сторонам, жадно разглядываю знакомые места. Мы все ближе и ближе к моему дому. Примерно через час — вместо обещанных навигатором сорока минут — паркуем машину у нужной многоэтажки, с трудом отыскав для джипа свободный пятачок. Под громкий писк домофона заходим в подъезд и в обшарпанном лифте, на стене которого Лена однажды сердито нацарапала "Коля мудака", поднимаемся на последний этаж высоты.

Когда оказываемся у знакомой металлической двери, сердце начинает взволнованно колотиться, как перед прыжком с парашютом. За этой дверью хранится моя карта памяти с бесконечным объемом данных. Каждая стенка, каждый уголок здесь для меня особенные! Возвращение к своим истокам будоражит кровь похлеще предыдущей ночи с Акимом! Беспомощно гляжу на мужа, пытаюсь в его глазах почерпнуть немного спокойствия и силы. Он берет меня за руку и успокаивающе пожимает пальцы. Взгляд его обещает: «Все будет хорошо! Я же рядом!»

Глазок в двери вдруг чернеет любопытным зрачком. Быстрый огляд и, наконец-то, перед нами распаивается дверь. Людмила все такая же: крепкая, коренастая нянюшка, с добрым лицом и умными голубыми глазами. Сейчас она подозрительно косится на Акима и скороговоркой произносит:

— На всякий случай предупреждаю: никаких денег и драгоценностей в квартире не держим!

Ее страх в глазах совсем не в тему! Не хватало еще, чтобы она нас на пороге держала! Снимаю с себя золотую цепочку с рубиновым кулоном и протягиваю женщине:

— Прошу вас, примите это украшение в знак наших добрых намерений! Нам от вас ничего не надо, только бы узнать побольше про Мишу! Карина столько про него

рассказывала, что он мне почти как родной!

Устыдившись, наверно, своего испуга, Людмила досадливо качает головой, машет на меня рукой, чтобы спрятала свое золото, и отодвигается в сторону — мол, заходите, раз пришли, чего уж там!

Протягиваю пакет с ее любимыми сладостями и отдельную упаковку — гостинец для Миши. Женщина проводит нас в комнату, в которой брату больше всего нравится тусоваться. Здесь, на гладком дубовом паркете стоит его кровать с шелковым бельем, круглые табуретки рядом с широким раздвижным столом, и шкаф, под завязку набитый пазлами. Вижу, что сейчас он собирает водопад из тысячи мелких кусочков.

Его худоба, вообще-то для него типичная, меня почему-то задевает. Он выглядит таким одиноким! Худенький, раздетый до трусов, уязвимый парнишка. У него все такое же красивое лицо: голубые глаза с густыми, черными ресницами и правильные черты лица. Не родись он особиком, за ним бы бегали толпы девчонок! Вместо этого он заперт в своем мире, куда посторонним нет входа.

Внезапно он поднимает голову, переводит взгляд с дырявого водопада в район моих ключиц и неуверенно, с запинкой выговаривает:

— Карина.

— Мишенька, — произношу одними губами. Во все глаза смотрю на брата, не доверяя покачнувшейся реальности. Он сказал: «Карина»? Невозможно! Немыслимо! Неужели он меня чувствует? Или просто своим по-звериному чутким слухом уловил мое имя, прозвучавшее пять минут назад в разговоре?

Но брату мало моего потрясения. Расшатав как следует окружающий мир, он окончательным, мощным пинком посылает его кувырком по Вселенной, приближаясь ко мне и доверчиво вкладывая свои холодные пальцы в мою ладонь. Совсем как раньше, в прошлой жизни, его глаза при этом сверлят мои ключицы.

Затаив дыхание, замираю. По щеке ползет теплая влага. Боюсь стереть ее, боюсь пошевелиться, чтобы не спугнуть эту хрупкую, внезапную близость. Он меня узнал, узнал мой мальчик! Вопреки всему, каким-то своим особым чутьем разглядел во мне сестру за незнакомой, пугающе новой оболочкой. От этого еще сильнее хочется рыдать. Еле держусь, чтобы не зареветь во весь голос! Слезы текут по щекам одна за другой в полной тишине.

Это волшебное, невероятное мгновение нарушает ровный, чуть монотонный говор Людмилы:

— Ну, пойдете что ли в гостиную? Вам кофе или чай? — она вопросительно смотрит на меня и Акима. При звуках ее голоса Мишины пальцы отрываются от моей ладони. Брат упирается взглядом в пол, а потом стремительным шагом подходит к столу и, ровно усевшись за стул, принимается за латание водопада. Это его терапия, способ прийти в себя, погрузившись в привычное после диковинной встречи с сестрой.

Направляемся в гостиную. Здесь ничего не изменилось со дня моей смерти. Все тот же раздвижной кожаный диван, на котором ночевали подружки, кресло по соседству с торшером — в нем я увлеченно читала Акунина и Глуховского, шкаф, забитый под завязку любимыми книгами, фотографии в рамках на стене. Одну из них, нашу совместную семейную фотку с Мишей и родителями, сейчас как раз рассматривает Аким. Склонив голову и скрестив на груди руки, он внимательно вглядывается в изображение. В моей голове мелькает фееричная надежда: а вдруг он меня узнает сейчас также, как Миша?

— Это твоя подруга? — спрашивает он, указывая на мой предыдущий облик.

Подхожу поближе к фотографии и сразу оказываюсь в плену его рук, спиной прижатой к его груди. Мы вместе рассматриваем счастливые лица, запечатленные в этой самой комнате. Как давно это было! Я киваю.

— Это Карина. В тот день ей исполнилось восемнадцать. Они всей семьей отметили день рождения, а на следующий день ее родители погибли.

Аким мрачно кивает. Печальная история.

— Она была красивой. Твоя подруга.

— В твоем вкусе? — вдруг интересуюсь я. — Если бы ты встретил ее на улице до нашей встречи, был бы не прочь познакомиться?

Он еще раз, оценивающе оглядывает воздушный, почти прозрачный силуэт, светло-пепельные волосы до пояса, аккуратно уложенные волнами, и изящное, тонко вырезанное лицо фарфоровой куколки, на этой фотке довольно улыбающееся.

— Вопрос, конечно, необычный, но... да, я бы определенно обратил внимание на такую девушку, не знай я тогда тебя.

Его ответ бальзамом проливается мне душу. Почему-то мне важно, чтобы мою изначальную оболочку он посчитал привлекательной также, как мой внутренний мир.

В этот момент в комнату, осторожно ступая, заходит Людмила, удерживая на подносе три чашки кофе и те сладости, которые мы с собой притащили. Выкладывает все на кофейный столик и предлагает присоединиться к бесчайному чаепитию. Усаживаемся с Акимом на диван, Людмила же предпочитает кресло. Подносит чашку ко рту, пригубив кофе, прищелкивает языком от удовольствия и вдруг заявляет:

— Вы, конечно, и понятия не имеете, что именно случилось пять минут назад. Наш ведь Миша аутист, никому себя трогать не позволяет и сам никого не трогает. Единственный, с кем он шел на тактильный контакт — это его покойные родители да сестра, царствие им небесное! — крестится мимоходом, — А теперь вот еще и вы. Это до того поразительно, что я бы не поверила, если бы своими глазами не видела! Вы расскажите мне теперь, как часто видели Мишу, как часто к Карине в гости приезжали? Откуда он вас так хорошо знает?

Вот и посыпались вопросы, которых я так боялась. Я не слишком-то умею врать. А точнее почти совсем не умею. Сделав вид, что рассасываю кусочек шоколада, размышляю. Аким женат на Кате примерно два года. Значит, последние два с половиной года Катя с Кариной пересечься никак не могли. Теоретически они могли встречаться раньше. Например, в университете. Заявляю:

— Мы вместе учились, в одной группе на педагогическом.

Аким бросает на меня удивленный взгляд. Ой, точно! Катя вряд ли училась в университете! Муж говорил, что все ее образование — это курсы по спорту и питанию. Поэтому продолжаю импровизировать:

— Это длилось недолго, потому что я не справилась с программой и меня исключили. И все же мы успели сдружиться. Потом я уехала домой, с Кариной постоянно созванивалась и переписывалась. Карина рассказывала, что у нее был молодой человек Андрей. Вы что-нибудь про него знаете?

— Да, в первый и последний раз видела его на кладбище. Кариночка-то домой никого не водила из мужчин. Берегла брата — он ведь, как малое дитя уязвимый. Она всегда о других больше заботилась, чем о себе, — тяжелый вздох, — Пусть земля ей будет пухом, бедной девочке! Так о чем мы говорили? Про Андрея ее я больше ничего не знаю! Вы у Анны спросите, если с ней увидите — уж она-то должна знать, раз у них с Кариночкой один круг общения был.

— А вы что-нибудь про Лену знаете? Каринину подругу?

— Знаю. А то как же! — Людмила снова отпивает кофе, метким, отработанным движением закидывает себе в рот пралине и размеренно работает челюстями. — . Зашла она один раз, сразу на следующей день после того, как Карина умерла. Вся из себя деловая колбаса, — фыркает она возмущенно. — Костюмчик. Макияжик. Маникюрчик. Причитала: как же так? Кто ее? За что ее? А, стоило мне уйти на кухню за кофейком, как она бросилась в Каринину спальню и принялась у нее по секретеру шебуршать! Вбегаю туда, а она поспешно так дверцу прикрывает. Я ее, конечно, обыскивать не стала, скандалить тоже, но дала ей ясно понять, что отныне ей здесь не рады, — женщина поджала губы и насупилась. — Во дает! У этой прощмандовки подруга умерла, а она по шкафчикам роется, в которых у Кариночки документы хранились. И еще приличного человека из себя изображает! Ладно, Бог ей судья, конечно! — всем своим видом показывая, что, может, Бог и судья, но уж она, Людмила, свое нелестное мнение о Лене составила тогда окончательно и бесповоротно!

— Вы не спросили у нее, что она искала?

— Нет уж, еще чего! Отправила ее восвояси. Но только, что бы Елена ни искала, она этого не нашла. Когда уходила, глазки у нее забегали и она так заискивающе мне предложила: может забудем о том, что вы видели? Она, мол, тут оставила кое-что свое у Карины. Не буду же я против, если она свои вещи заберет?

Вспоминаю, как Ленка протягивает мне на подпись договор аренды подвальной части сада. Упорно настаивает: все расписано так, как я хотела. Я тогда слишком спешила, поэтому сразу читать и подписывать договор не стала. Решила взять домой и там как следует все изучить.

Потом запихнула эту пачку бумаг в секретер. Мне потребовался рабочий договор с нашим АБА специалистом, который я долго и безуспешно искала в своей папке с вкладышами. Потом кто-то позвонил, отвлек, и я, наверно, по ошибке засунула контракт об аренде в файлы с рабочими договорами. Может, этот самый контракт и искала Лена? Зачем? Боже, что она творила за моей спиной?

Вот бы сейчас пройтись по своим документам, найти тот злополучный контракт, но как? Что я скажу Людмиле? Позвольте мне разыскать тут среди вещей Карины кое-что свое?

Внезапно слышу незнакомый рингтон со стороны прихожей. Людмила торопливо топает в прихожую и вступает в разговор с невидимым собеседником:

— Добрый вечер! Я не одна... Каринина подруга с мужем. Да, которая уже раньше звонила... Ага, сейчас передам!

Женщина приближается ко мне и протягивает телефон, смущенно признаваясь:

— С вами тут Анна поговорить хочет. Мишина опекунша. Я ведь ей обязана все рассказывать... Вот, возьмите!

Прижимаю к уху телефон. Перед глазами неожиданно мелькают губы ведьмы Индиры, отчетливо проговаривающие страшные слова. На «А» ее имя начинается! Очень она тебе завидовала. У нее мысли в голове такие были: «Гольй, больной придурок!»

Внутренне сгруппировавшись, бесстрастно произношу:

— Здравствуйтесь, Аня!

— Здравствуйтесь! Я слышала, что вы приехали навестить Мишу. Не желаете составить мне сегодня кампанию в ресторане? Хотелось бы наедине, если вы не против. Между нами девочками. Посидим, повспоминаем Карину. Согласны?

— Да, — произношу твердо. — Где и во сколько?

Место, которое выбрала Аня, — самый банальный фаст фуд. Пищевой конвейер. Удивительно. Почему из тысяч Питерских заведений общепита она предпочла отужинать именно здесь? Прохожу сквозь ряд пластиковых столов и красных стульев-скамеек и вижу подругу. Или все-таки убийцу?

Кем бы Аня теперь ни была, выглядит она замечательно! Чуть раскосые голубые глаза на совершенном овале лица. Высокий лоб, маленький аккуратный носик и полные губы. Красивая укладка платиновых волос — сама такую дома не сделаешь! Дорого, стильно одета. Даже не скажешь по ней, что всего пару лет назад единственную одежду, которая она могла себе позволить — это купленную по скидкам в комиссионках. Если бы она пригласила меня сюда два года назад, я бы не удивилась. Но ужинать здесь сейчас, когда, судя по всему, у нее водятся деньги?

Присаживаюсь за белый столик. Стараюсь стереть из глаз настороженное выражение. Я тебе, конечно, не доверяю, милая, но тебе необязательно об этом знать. Улыбаюсь и после первых приветствий интересуюсь:

— Что сегодня хорошего в меню?

— Картошка фри в сочетании с карамельным мороженым — просто чудо, как хороша! — произносит она умильно сморщив носик и экспрессивно по-итальянски взмахнув рукой.

Я смеюсь. В памяти сразу всплывают наши с Аней походы в макдак во времена студенчества. Картошка в соусе-мороженом была одним из наших любимых блюд. Покупаю себе греческий салат, как и Аня. Внезапно начинаю понимать, что сейчас происходит.

Она втирается ко мне в доверие! Одно дело — позвать Катерину в навороченный ресторан категории Мишлен, кичливо продемонстрировать свой уровень жизни и провести по-светски любезную беседу. И совсем другое — когда эта изысканная, элегантная девушка спускается с Олимпа к простым людям в обычную забегаловку и обсуждает вкуснейшую картошку фри. Хитрый ход!

— Где ты познакомилась с Кариной? — любопытствует она.

— В универе.

— Что-то я тебя не помню. Интересно. Мне казалось, что у моей подруги довольно прозрачная жизнь. А теперь вдруг выясняется, что у Карины была дружба, о которой я понятия не имела. Может, скоро обнаружится, что у нее и тайный ребенок был? И муж-миллионер? И вообще она была северо-корейской шпионкой под прикрытием? — умехается холодно, цинично. Ей неприятно, что у вроде бы простушки Карины были от нее тайны.

— Может оно и так, — отвечаю, без особого аппетита ковыряясь в салате. — Невозможно о человеке все знать, верно? Иногда бывает: доверяешь кому-то безгранично, а тот тебя травит. Как Карину. Ее ведь кто-то из ближнего круга отравил. Так я слышала.

— От кого слышала? — стрельнув в меня глазами, уточняет Аня.

— Уже не помню. Да и не важно, наверно. Но мне очень интересно, кто мог желать ей смерти? Кому она мешала, добрая душа?

— Доброта — не оберег от людского зла. Находятся завистники все равно! Вот, например, Ленка, наша общая подружка, всегда чуть ли ни открытым текстом говорила, что Карине завидует.

— А что с ней, с Леной сейчас? Я слышала, она была правой рукой Карины в саду?

— Была правой рукой, а стала головой. Оказалось, что прямо перед смертью Карина оформила на нее свое дело. Прикинь? Уже одно это должно навести следяков на истинный след! Очень подозрительно все это! С какой стати Карина подарила бы дело всей своей жизни подруге?

Что? Не оформляла я никакой дарственной! Как она это провернула? В памяти вдруг всплывает Ленкина обмолвка о знакомстве с нотариусом — возрастным мужиком. Староват, конечно, и в постели не очень, но зато юрист. Так что если мне теперь потребуется законным или не очень способом отжать какой-нибудь лакомый кусочек, то она мне по знакомству сможет это устроить. Я тогда посмеялась, пожурела ее на всякий случай, для профилактики, но ничего не заподозрила. Так вот, значит, как она оттяпала мое дело?

Наверно, и по секретеру она лазила в поисках документов-источников, необходимых для оформления дарственной. И подпись мою подделала, и подарочек себе оформила задним числом. Вместо того, чтобы скорбеть по утраченной подруге, Ленка бегала, как заводной, механический робот, проворачивала свои замыслы. Как она могла? Как? Ужасно невовремя зачесалась мочка уха и я потеряла ее, привычным жестом зажав между пальцами.

Наверно, что-то отразилось на моем лице, потому что Аня сразу прокомментировала:

— Ты хочешь найти и посадить того, кто ее убил.

— Любая хорошая подруга этого хотела бы, не так ли? — акцент делаю на слове «хорошая». Аня согласно кивает и обещает:

— Я тебе помогу. Я ведь тоже с тех пор, как Карина умерла, спать нормально не могу. Есть не могу. Все ее вспоминаю. Столько нас связывало!

Она вдруг закрывает лицо руками. Ее идеальный маникюр со стразами совершенно не наводит на мысли об утрате интереса к жизни! То ли переигрывает, то ли правда растрогалась и всплакнула? Скорее, первое.

— Знаешь, почему следяки до сих пор Ленку не посадили? — почему-то шепчет она, так что я ее едва слышу. Мне приходится сильно податься вперед, войти в ее личное пространство, чтобы расслышать.

— Почему?

— Потому что они вообще не нашли ни отравленной еды, ни питья. А ведь Ленка могла запросто подбросить яд в еду, раз они вместе с Кариной работали!

— А что за яд-то был?

— Это пока тайна следствия. Никто мне не говорит.

— А не мог ее Андрей грохнуть? Ну, этот ее парень? Она ведь с ним перед смертью в ресторане была! Он мог разозлиться, что она ему отказала в женитьбе и отравить от переизбытка гневных чувств. Типа, не досталась мне — значит, не доставайся никому! Что по этому поводу твои знакомые следяки говорят?

Она как-то странно на меня смотрит.

— Андрей ничего не выигрывает от ее смерти — раз. Травить на глазах у десятков людей свою девушку — это, как минимум, глупо — два. Записи с камер наблюдения этот вариант полностью опровергают — три. А четыре — откуда ты знаешь, что Андрей ей предложение сделал и она отказала? Карина ведь тебе точно не могла этого рассказать. Если только...

Она замолкает. Черт! Так глупо подставилась! Анька меня еще шпионкой обозвала! Да какая из меня шпионка? Что в голове, то и на языке! Поспешно исправляюсь:

— Потрясающе! Опять угадала! У меня вообще-то с детства хорошая интуиция! Иногда оказывается, что я знаю наперед вещи, которые еще не случились! Или вижу прошлое. Меня даже на битву экстрасенсов приглашали, но я не пошла. А то у меня этот дар такой ненадежный, никакому контролю не поддается. То включается сам по себе, то выключается. Иначе я бы уже давно убийцу Карины вычислила!

Аня с интересом пялится на меня, недоверчиво улыбаясь. Я бы и сама на себя так смотрела, услышь такое! Думаешь, что ужинаешь с нормальным человеком, а потом оказывается, что перед тобой фрик с шестым чувством.

— Ты больше не будешь салат? — спрашивает Аня, с жадностью поглядывая на мою тарелку.

— Нет, — растерянно отодвигаю от себя пластик.

— Я тогда доем? — и тянет салат к себе.

— По-прежнему спасаешь еду от мусорки? — смеюсь, не удержавшись.

Это ее привычка из босого, голодного детства доедать и допивать за другими так никуда и не делась. Но одно дело — доесть за подружкой и совсем другое — за человеком, которого видишь сегодня впервые. Похоже, девочка вышла на новый уровень! Раньше мне эта ее повадка казалась ужасно милой и трогательной. Может, это тоже ее фирменный способ втереться в доверие?

— Ненавижу, когда еда пропадает, — бормочет Аня, с аппетитом наворачивает остатки салатных листьев из моей пластиковой миски. Пододвигаю к ней чай. Его я тоже допивать не собираюсь. Аня, благодарно хмыкнув, притягивает к себе и стаканчик.

Вдруг девушка достает из сумочки гудящий смартфон и морщится.

— Эта сестрица Аленушка меня уже достала! Все время уламывает встретиться! Не хочу я с тобой встречаться, отстань! — сердито тыкает в смартфон и засовывает его обратно в сумочку.

Сестрица Аленушка? Это же Ленкино прозвище! Так мы ее за глаза называли, когда она нас злила. Как там Индира говорила про мою убийцу? На «А» ее имя начинается! Вот черт!

— Как ты думаешь, зачем тебе Лена названивает? Вы ведь раньше почти не общались.

Опять удивленный, задумчивый взгляд. Да что я такого сказала-то? Может, Карина мне все-привсе рассказывала! В том числе и про своих подруг!

Дальнейший наш разговор идет и ни о чем, и в никуда. Мы с Аней — как два сапера из вражеских лагерей, встретившихся на минном поле. Каждая из нас пытается обойти чужие вопросы и получить ответы на свои. И каждая безуспешна. Ощутила ли Аня тоже самое? Возможно. Хоть ее голубые глазки и горели до конца нашей встречи искренностью и желанием помочь, однако ничего полезного она мне больше не сказала.

Вскоре мы с ней расстаемся, и я отправляюсь на оперативно приехавшем такси в гостиницу. Поднимаюсь в нашу с Акимом комнату, но его здесь нет. Быстрый взгляд на часы. Пол двенадцатого — поздно-то как! Неужели он отправился любоваться белыми ночами? Без меня? Проверяю свой телефон и нахожу от него сообщение:

— Я в тренажерку на втором этаже. Открыто круглосуточно, когда закончу — не знаю. Люблю.

Набираю ответ:

— Я уже пришла. Не трать там все силы, ладно?

Вскоре с улыбкой читаю:

— Об этом точно можешь не волноваться!

Валюсь изможденная на кровать. Какой долгий был день! Переезд, встреча с братом, Людмилой, Аней. Я бесконечно устала. Спина ноет от долгих сидений в машине и не менее долгих чаепитий. Голова гудит от роящихся в ней мыслей. Столько информации за один день... Как все это переварить? Как понять, кто же меня убил, кто?

У меня слипаются глаза от усталости, но я хочу дождаться Акима, поэтому сползаю с кровати и тащусь в душевую. Принимаю контрастный душ. Выхожу посвежевшая, но надолго ли меня хватит? В номере я по-прежнему одна. Замечаю на столе ноутбук Акима. Он почему-то открыт. Странно — ведь Аким никогда никуда не уходит, не закрыв свой ноут.

Я так привыкла видеть его в руках мужа, что в моем восприятии этот ноут — такая же часть Акима, как часы на его руке. Провожу пальцами по гладкому периметру крышки, вспоминая сколько вечеров я сидела за книгой рядом с мужем, пока тот работал. Корпел над клавиатурой не в кабинете, а в спальне — просто, чтобы быть поближе ко мне. От этих воспоминаний теплеет на душе.

Вдруг замираю. От моего прикосновения экран неожиданно загорается, демонстрируя печатный текст. Мало того, что ноут открыт, он еще и не заблокирован! Стою потрясенная. Распароленный ноутбук может значить только одно. Аким специально зашел в настройки, чтобы отключить блокировку и открыть мне доступ, но доступ к чему?

Сажусь за стол, пытаюсь понять, что происходит. Внезапно рядом со мной появляется Катя. При виде ее вздрагиваю всем телом — ведь я о ней почти забыла. Нервы ни к черту! Она, как всегда, безо всяких предисловий, рубит с плеча:

— Короч, слушай, подруга. Аким тут тебе письмецо наката, пока тебя не было. Не совсем даже письмецо. Ну в общем, прочитаешь — поймешь. Только там, где про меня написано, дели надвое. Ок?

— Но... Как... Аким? Письмо? — лепечу растерянно.

— Слушай, ну, я могу тебе его, конечно, и сама прочитать, но у меня дела. Читай, не стесняйся. Ну все, пока!

Чувствую себя почти мошенницей. Залезть к мужу в его гаджет, прочитать его личные

документы? Это непорядочно, неправильно... Но в то же время распахнутый, разблокированный ноут — это как официальное приглашение от Акима, чуть ли не открытым текстом написанное, соблазнительное и манящее к себе. Я не удерживаюсь. Захожу в начало документа. Меня бросает в жар, краснею от стыда, но читаю. Первые же строки цепляют к себе крюками-магнитами, и больше мне из этой исповеди не вырваться. Никак.

«Не знаю, нафига я сюда пишу. Сижу один в номере. Впервые за много месяцев нет никаких дел. Ни объемных заказов, ни дедлайнов. Людей вокруг ни души. Только я в тишине. Наедине со своими шумными мыслями, которые никак не сойдутся в единую, цельную картину, грызут изнутри, бьются друг с другом и не дают покоя. Столько всякой херни происходит, что в башку уже просто не влезает. Мозги кипят и глючат — вот-вот зависнут! Кажется, еще один финт от судьбы и я взорвусь!

Поговорить бы с бывалым человеком, черпнуть займы чужого опыта, но ведь нет больше ТАКИХ людей с ТАКИМ опытом! Я один, и должен сам прорубить себе путь в темноте, в самой гуще гребаных джунглей.

Все началось с аварии. Забавно. Думал тогда, что на той аварии у нас все закончится, а вышло наоборот. У нас с ней все началось, с моей Катей. Или не моей. Или не с Катей.

К моменту аварии я свою жену знал, как облупленную. Все ее гнилое нутро изучил за годы брака. Но, как наивный дурак, как полный идиот надеялся, что, если вложусь в нее, если проявлю терпение, то она изменится. Перерастет свой эгоизм, поверхностность, малодушие. Как там говорят... Нагуляется, наиграется, остепенится. Но нифига не остепенилась. Катюня нашла себе другой кошелек потолще, поподатливее, и решила в него вцепиться, наплевав, как водится, что это МОЙ брательник, МОЯ кровь. А может спецом егс выбрала, чтоб мне больнее, чтобы непременно рубануть ниже пояса!

А потом авария. Первый сюрприз. Это ее смущение, когда я впервые зашел в палату и она была раздета. Прежняя Катя к наготы прибегала при любой возможности, как к отравленной, ядовитой приманке, чтобы пользоваться мной по полной. Стоило ей налажать, как она скидывала с себя одежду и приводила весомые аргументы, чтобы заполучить себе прощение.

После аварии хотел доказать и ей, и себе, что она больше надо мной не властна. Закончилась ее чертова магия, все, баста! Пусть отсвечивает голой грудью, мне плевать на нее с высокой колокольни. Только доказать ей ни хрена не получилось! Новая Катя напрочь забыла про свой козырь, даже и не пыталась с него ходить. Выгнала из палаты за дверь, как прыщавого подростка, решившего подсмотреть за тетками в женской бане.

А потом закрутилось-завертелось, и я перестал вообще что-либо понимать. Она забыла про бабки на карточке. А когда напомнил, вдруг перестала сорить деньгами направо-налево. Стала готовить. Стала кормить меня нормальной, домашней едой, своими нежными ручками приготовленной! Заявила, что найдет себе работу. И нашла ведь, без базара! Причем не абы какую, а самую для нее нетипичную: с детьми, и справилась с ней на ура!

Это не Катя, не она! Катя бы ни в жизнь такого не сделала! Но ведь сделала же! И как это понимать?!

То, о чем я мечтал все эти долбаные два года, воплотилось после аварии в моей жене, как по волшебству. Я себя ощутил, наконец, счастливым с ней рядом! Полноценно, до ноющей боли в груди, счастливым! И больше уже ее отпустить от себя не смог. И не смогу. Хоть и звучали в ушах эти ее стоны и ахи, когда она с братом...

Но это ведь не она была тогда, с братом-то! Новая Катя — тихая, скромная девочка, как нежный бутончик, еще нераскрывшийся! Стеснялась меня, стеснялась себя, когда ее ко мне потянуло, а ее ведь ко мне тянуло, по глазам было видно! Прежней Кате смотришь в глаза — и как будто в бесовском мареве тонешь, сам себя теряешь! А сейчас — я себя в ней нахожу, в ее чистых, огромных глазах-океанах. Нет больше в ней отравы, нет! Была, да сплыла! Куда она вся делась? Куда?

Когда мать пригласила на юбилей, думал, что этот Рубикон мне не по плечу! Так боялся ее потерять, мою ласковую девочку, только что из пепла найденную! Ведь своими прошаренными мозгами понимал, что всегда есть вероятность обмана. Что своей записью, своим шантажом я держу Катю за горло, а зажатая в угол женщина способна на многое. Ей переплюнуть актрису, выигравшую Оскар, — легко!

Я боялся, что на нашей семейной сходке все это выяснится. Двойная игра или фиг знает, что она там могла творить. Плюс еще брат мерзавец. Не хотел с ним встречаться, с гадом и брехуном. Но ранагноилась. Ее вскрыть надо было, пока гангрена не началась.

А потом, когда ее зажатую братом к стене увидел, ее взгляд отчаянный, безумный, молящий о помощи, понял, что ни хрена это не игра! Такое, блин, не сыграешь! Чуть лапы этому уроду не оторвал! Только мысль о родителях остановила, да Катины ручки, вцепившиеся в меня и ее писк отчаянный.

Предложил ей стереть запись, компромат на нее, но она даже не обрадовалась. Наоборот, на лице усталость появилась. Будто это чужая история, не ее. Она мимо этой грязи прошла, а я нет. И это ее тяготит.

Щекотная зона на шее у Кати — больше не щекотная. Новые жесты. Новое поведение. Сон-кошмар, в котором она убеждала кого-то, что она Карина, не Катя. Сообщение, в котором к ней обратились, как к Карине, и которое она поспешно, слишком поспешно стерла. Миша, брат подруги погибшей, который вдруг назвал ее Кариной и за руку взял, как сестру... Ее слезы при этом градом из глаз...

Если бы не мой чертов рационализм, я бы мог подумать, что в моей жене живет чужая душа, ставшая мне за последние недели роднее всех и дороже себя самого. Я уже близок к тому, чтобы поверить в немыслимое. Стою на грани своих прежних убеждений, готов от них отступить, плюнуть на всегдашний свой скептицизм, вечное неверие в чудо. Шагнуть в неизведанное или нет? Вдруг это все бред собачий? И причина реальная в том, что люди меняются, плюс нечаянное нагромождение случайностей? Я не знаю. Впервые не знаю, что думать. Что мне думать, Катя? Или Карина? Подскажи!»

Вздрагиваю от звука неожиданно открываемой за спиной двери. Оборачиваюсь испуганно и, пойманная врасплох, прячу в пол глаза. Это Аким.

Он идет в ванную со спортивной сумкой на плече. Когда Аким проходит мимо, до меня долетает бодрящий хвойный запах то ли геля, то ли шампуня. Я ему невероятно благодарна, что не набросился на меня с вопросами прямо с порога. Знает же, что прочитала его откровения, но щедро дарит мне время подумать, привыкнуть к мысли о неизбежности предстоящего разговора и помогает с этим смириться.

Когда он заканчивает разбираться с сумкой, то садится на кровать и распахивает руки — приглашая к себе. Ныряю в его объятия, прижимаюсь к его груди и прячу лицо в футболку.

Он открылся мне, теперь моя очередь. Но как же трудно вытащить свою историю на свет и представить на его суд, сознавая всю ее фантастичную неправдоподобность! Сердце колотится, как сумасшедшее, когда я робко заглядываю ему в глаза и, наконец, признаюсь, смущенно улыбнувшись:

— Меня зовут Карина. Приятно познакомиться!

Он кивает напряженно, сосредоточенно. Словно сам себе говорит: «Так я и думал!» Просит, нет, жадно требует:

— Дальше!

— После смерти моя душа залетела в тело твоей жены, в тот момент пытавшейся покончить с собой...

Рассказываю ему всю свою историю, без утайки. Поначалу каждое слово дается тяжело, со скрипом, но к концу своего повествования, приободренная его спокойной невозмутимостью, немного расслабляюсь. Напряжение, натянувшее меня, как пружинку, постепенно сходит на нет. Вижу, что он мне верит, впитывает в себя мои слова, принимая их, как данность. Иногда задает уточняющие вопросы, но все больше молчит и кивает.

Когда я заканчиваю рассказ, замолкаю, жду его реакцию. Какое-то время Аким безмолвствует, но сам факт, что он не оттолкнул меня до сих пор с криком: «Не верю! Вранье!» невольно обнадеживает. Наконец, он задумчиво говорит:

— Так значит, ты Карина... Буду называть тебя Кари, если ты не возражаешь. Скажем остальным, что это сокращение от «Катерина».

— Я совсем не против. Меня так мама называла... Ты не удивлен?

— Удивлен? Я рад, но не удивлен! Это твоя реальность и моя тоже, пусть и слегка безумная, ну так что с того?

— Мне не послышалось? Ты сказал, что рад? Чему?

— Тому, что ты не Катя. Что можно больше не сходить с ума, пытаюсь распутать непонятки во всей этой странной истории. Тому, что все недоговоренности между нами остались позади. Теперь у меня есть чудесная, верная жена, ни разу мне не изменявшая... и которую я безумно люблю. Ты, я, мы — вот, что важно, остальное — ерунда, — он проводит губами по виску, обхватив шею рукой, а другой обнимая за талию, и мое дыхание сбивается с ритма. Судорожно вздыхаю, позабыв о чем шла речь, пытаюсь вернуть себе ясность мышления. Его губы на моей шее — том самом, не щекотном, но чертовски чувствительном месте. Какая там ясность?! Я тону в этих волнах, волшебных, ласковых ощущениях по всему телу. «Соберись, очнись», — приказываю себе. Мы не договорили! Кое-что самое важное из нашего разговора ускользнуло. Наконец, вспоминаю и озвучиваю последнее:

— Есть одна вещь, которую мы не обсудили.

Он хмурит брови, не в восторге от смены повестки, и, немного от меня отстранившись, приказывает:

— Валяй, говори!

— Когда мы закончим искать убийцу, я собираюсь сделать все возможное и невозможное, чтобы оформить на брата опекунство.

— Разумеется, — он пожимает плечами, — Помогу тебе, чем смогу.

— И, когда у меня это получится, я заберу Мишу к себе. Я хочу жить вместе с ним.

— Любовь моя, ты же не думала, что я буду против? — он в изумлении таращится на меня.

Не думала? Конечно, не думала! Потому что на эту тему не то что думать, я даже мечтать боялась! Я лишь мотаю головой, пытаюсь сдержать счастливые слезы.

Быстренько перебираю нить нашей беседы, самые главные вехи. Вроде бы все самое ключевое обговорили. Его губы уже на моих губах, сметают всю логику, весь разум куда-то на дальний план, потом он шепчет мне на ушко мое настоящее имя, и я улетаю в другой мир только для нас двоих, во вселенную сказочной, чарующей, чувственной близости.

Когда мы просыпаемся, то первым делом принимаем душ, а затем спускаемся завтракать в столовую, расположенную на первом этаже. Здесь роскошный шведский стол, просто глаза разбегаются! Набираю в свою тарелку лишь овощную нарезку и омлет — Катя могла бы мной гордиться! Аким себе накладывает то же самое, плюс бекон. Сейчас самый сезон отпусков, и так много постояльцев, что мы с трудом находим себе свободный столик.

Пока уплетаем завтрак, рассуждаем, кому была выгодна моя смерть. Лена получила мой детский сад. Выгодно? Еще как! Аня — опекунство над Мишей. Я всегда представляла опекунство как ответственность за кого-то. Допустим даже, Аня мне завидовала. Но разве зависть вместе с перспективой взвалить на себя ответственность за Мишу может послужить мотивацией к убийству? Сомневаюсь. Хотя с другой стороны, откуда у Ани появились деньги? Она же работает воспитательницей в саду. Много ли там зарабатываешь? Может, у девушки богатый спонсор появился?

Аким интересуется, что я оставила Мише в наследство? Опекун ведь получает не только ответственность за человека, но и право распоряжаться его имуществом. Я размышляю. Ну, две квартиры в Питере мне досталось от родителей, одну ипотеку выплатила сама, одна досталась от бабушки. Но Аня же не может их продать, правда? По закону не имеет права, заявляет муж. Если только не найдется способ обойти закон.

Андрей? По словам Ани, он чист. Да я и сама не верю в то, что Андрей мог бы меня убить. Никакой выгоды от моей смерти ему не перепало. А если бы он и вздумал меня убить от переизбытка эмоций, то точно не травил бы! Нашел бы какой-нибудь более... механический способ воздействия на тело. Задушить или там заколоть в порыве страсти — это куда больше на него похоже!

На словах про Андрея замечаю, что Аким напряжен, время от времени хмурится и нервно поглядывает в окно. Почему? На всякий случай уточняю:

— Ты же меня к нему не ревнуешь?

Аким уходит от прямого ответа:

— А должен?

— Нет, ни капли не должен! Ревновать к прошлогоднему снегу глупо! Я ему и тогда отказала в замужестве, а уж теперь, когда знаю тебя...

Развожу руками и качаю головой. У балабола Андрея нет ни единого шанса на фоне мужа. Аким смеется, и морщинка между бровей исчезает вместе со смехом. После завтрака мы собираемся прогуляться по Питеру. В голове уже зреет карта тех особенных мест, по которым мы сегодня пройдемся. Предвкушаю возможность пооткровенничать: показать универ, в котором я училась, школу, в которой впервые влюбилась... Или, может, про свою детскую влюбленность рассказывать не стоит?

Пока поднимаемся на лифте, я рассматриваю нас в зеркале и откровенно люблюсь мужем. Широкие плечи, мощная стать, небрежные, уверенные движения, серьезные, умные глаза. Он обхватывает меня одной рукой за талию и тихо комментирует мне на ушко:

— Во всех этих лифтах определенно есть нечто особенное. Возбуждающее. Тебе так не кажется?

Очень даже кажется! Он склоняется к моим губам, но в этот момент двери лифта разъезжаются, и к нам в кабину добавляется пожилая пара, судя по ихговору, откуда-то из Скандинавии. Они неторопливо лопочут на своем птичьем наречии. Седовласый мужчина берет женщину за руку, и та нежно улыбается ему в ответ. Добрые морщинки вокруг светящихся любовью глаз, красная помада на губах, приятный парфюм и короткая, модная стрижка — наверно, все для него, того, кто сейчас держит ее за руку. Мне вдруг очень хочется, чтобы мы с Акимом в старости были такими же! Переглядываемся и расплываемся в умиленной улыбке — похоже, думаем об одном.

Наконец, добираемся до нашей комнаты. Переодеваюсь, провожу обычную ревизию сумочки — все ли взяла? Травки от ведьмы всегда со мной, лежат здесь, в потайном кармашке. Без них неуютно куда-то идти, будто я голая и незащищенная. Ключи от номера, кошелек тоже есть. Когда я кидаю в сумочку свой смартфон, он неожиданно начинает вибрировать от полученного сообщения. Скрытый номер меня слегка настораживает. Открываю сообщение и читаю, с каждой буквой все глубже погружаясь в протрацию:

— Карина, твой брат в моих руках. Приходи на свою квартиру через час одна. Если об этом разболтаешь хоть одной живой душе, ты пожалеешь. Если опоздаешь хоть на минуту, пожалеешь еще сильнее.

Не успеваю даже осознать прочитанного, замираю от ледяного ужаса, сковавшего грудь, как уже через секунду получаю фотографию моего бедного брата, перед которым на столе лежит сегодняшняя газета. Шквал вопросов в голове! Где Людмила? Как же так? Что за подлец способен на такую мерзость — угрожать беспомощному инвалиду? Воображение рисует сиделку, связаную или оглушенную. И брат, мой родной брат, находится прямо в руках убийцы! Ведь только убийца может пойти на такой отчаянный шаг!

Захожу в ванну и вижу Акима с зубной щеткой в руках. Говорю ему внятно, изо всех сил стараясь не тараторить:

— Я уже готова. Подожду тебя внизу, в вестибюле. Можешь не торопиться!

Он кивает, и я мчусь к лифту. Жму на кнопку первого этажа, но лифт едет размеренно, не спеша, не собираясь подстраиваться под мою спешку. Может, быстрее было бы по лестнице сбежать? Как пойманная птица, мечусь по кабине, пока лифт не открывается. Выскочив из гостиницы, запрыгиваю в первое попавшееся такси, припаркованное недалеко от входа, и называю адрес. Ехать недолго по питерским меркам — всего лишь минут сорок. Утренние пробки рассосались, едем без задержек, но я то и дело скулю умоляюще:

- А можно побыстрее, пожалуйста?

— Девушка, я и так на своем пределе еду! Не собираюсь из-за вас прав лишаться! —

сердито отчитывает меня толстый, пожилой дядька.

Потом мне в голову приходит одна мысль. Когда получаю утвердительный ответ от таксиста, останавливаемся у банкомата, и снимаю со счета нужную сумму. Протягиваю ему пачку купюр, а он дает мне то, что я просила.

Вбегаю в подъезд, звоню в домофон, мне открывают и я несусь к лифту. Ежесекундно поглядываю на часы. До конца отведенного срока осталось четыре минуты. Как мало! Внутри меня все клокочет. Горит огнем, полыхает тревогой и растерянностью. Я не могу ни о чем думать, кроме одного: только бы успеть, только бы спасти брата! Ради этого готова на все!

Когда лифт раскрывает двери, пробкой выскакиваю из него и, как сумасшедшая трезвоню в звонок. Я здесь. Уже пришла!

Дверь распахивается, но человека за ней не видно. Когда я вбегаю внутрь, слышу позади щелчок запираемой на ключ двери. Оборачиваюсь и вижу знакомое лицо. Слишком хорошо знакомое...

— Аня? Ты?

— Привет, Карина. Давно мы с тобой не болтали по душам, — заявляет она, холодно улыбаясь. — Вчерашний день не считается — это был фарс, сама понимаешь. Людмиле я на ближайšie два дня дала отгул. Сказала, что вместо нее посижу с Мишей. Она прикинь, как обрадовалась! Умчалась сразу к семье в деревню!

Облизываю пересохшие губы. Почему она так спокойна? Одета также элегантно и изысканно, как вчера, как будто в кафе пришла за павловой, а не заложника брать. Почему не угрожает мне оружием? Почему не орет, не истерит? Она же вроде должна быть в отчаянии, если решилась на такое? Что происходит? Ледяным тоном напоминаю:

— Я Катя, если ты запамятовала.

— Брось. Помнишь, ты надо мной смеялась, когда я тебе читала про переселение душ? Я и сама тогда не ожидала, что мне эти знания на практике пригодятся!

— Я Катя, — упрямо твержу, но ее не переубедить.

— Хватит врать. Только мы с Кариной называли Ленку сестрицей Аленушкой. Только Карина в курсе сладостей, которые любит ее брат, остальным до этого — вообще фиолетово! Только Карина и Андрей знали, что она бросила его перед смертью. И если даже списать эти твои знания на неслыханную интуицию, то почему ты используешь ее жесты? Этот ее особенный жест — незаметно почесать мочку уха. Или склонить голову вправо и чуть прищурить глаза, когда она кого-то внимательно слушает. К тому же, только Карина сорвалась бы сюда на мое сообщение. Катя отправилась бы в полицию. Или на худой конец притащилась бы с мужем.

— И что тогда было бы? Если бы я пришла с мужем?

— С Мишей что было бы? Если хочешь откровенный разговор, телефончик свой дай для начала!

Прежде, чем отдать ей смартфон, прошу показать мне брата. Хочу убедиться, что он в порядке. Она небрежно указывает на его комнату, приглашая проверить, и я, встав в дверном проеме, какое-то время за ним наблюдаю. С ним все отлично. Стоит у окна, рассматривает непрерывный поток машин на дороге. Почему же мне так плохо? Как будто я в ловушке, из которой не выбраться?

Захожу на кухню, кладу на стол смартфон. Аня, как ни в чем ни бывало, наливает в прозрачный чайник воду и ставит его кипятиться. Затем берет мой смартфон и долбит по экрану скалкой, пока тот не разлетается на части. Жутко на это смотреть. Ужаснее этого акта вандализма — только ощущение дикой беспомощности и растерянности, охватившее меня при виде метаморфозы бывшей подруги.

Аня указывает мне на стул и предлагает сесть. Расставляет на столе чайный сервиз. Достает из холодильника бутылку с шампанским, сыр с голубой плесенью. Намывает фрукты, раскладывает их по тарелкам. Как будто к нашим традиционным посиделкам готовится. Что прячется за этими механическими, размеренными движениями? За голубыми глазами, сейчас утратившими свой яркий блеск и ничего не выражающими? Решимость? Привычно запрятная поглубже злость и агрессия? Никак не пойму!

Вдруг рядом с дверью, ведущей на балкон, появляется Катя. Она говорит озабоченно:

— Слушай, я за этой твоей змеюкой следила весь вчерашний вечер и все утро. Она в шампанское добавила какую-то гадость. Шприцом туда ввела. Пить не советую.

По мотивам этой информации сразу предупреждаю:

— С тех пор как я умерла, попив шампанское, меня к алкоголю не тянет.

— Может выпьем все-таки? А то прям, как не родные! — просит Аня, мило мне улыбнувшись.

Как не родные? Она сейчас серьезно или издевается? Мотаю головой и выразительно молчу.

Катя вдруг требует:

— Завари поскорее чай! Который от ведьмы. Только не перепутай — нужен тот, из прозрачного пакетика, который связь с телом истончает.

Удивленно на нее пялюсь, но вслух возразить ничего не могу. Катя настаивает:

— Не могу сейчас объяснить, но ты же ничего не потеряешь! Не прошу, чтобы ты его пила, просто завари!

— Я лучше чайку себе заварю, — сдаюсь Катиной странной просьбе, достаю из своей сумочки пакетик, высыпаю содержимое в чашку и заливаю кипятком. — Мне его из Тибета привезли. Замечательно омолаживает и очищает организм.

— Молодчина, умничка, — хвалит меня Катя. — Теперь время тяни. Убалтывай ее, ты это умеешь!

— Ну и дура, — с легкой досадой отзывается Аня на мой отказ. — Ты по-любому выпьешь шампанское, можешь не ерепениться. И умерла ты, кстати, не от него, а от моего печенья. Помнишь, то, которое было с предсказанием?

— Даже не будешь отнекиваться, что ты свою подругу отравила?

— Нет, а смысл какой?

— Но зачем?! — перехожу на крик от нахлынувших чувств. — Зачем травить самого близкого человека?

— Достала твоя глупость! До сих пор непонятно?! Я закончила пед! Я квалифицированный педагог! Но когда дошло до выбора, кого пригласить на работу своим замом, должность досталась Ленке! У которой образование только на корочке! Сама знаешь, как она прогуливала пары на своей экономике! Только за счет того, что обласкала парочку преподав, и получила вышку! И вот ЭТО предпочесть МНЕ?

— И все? Боже, убить человека всего лишь из-за того, что он Ленку пожалел? Ее ведь Коля бросил! С работы уволили! Ее спасти надо было! Неужели не понимаешь?

— Сама ты ничего не понимаешь! Ленка — это лишь начало! А потом между нами случился Андрей. Помнишь, я говорила, что он классный, что он мне нравится? А, в итоге, кто его себе захомутал?

— Что значит «захомутал»? Он на тебя не обращал никакого внимания, только и бегал: «Кариночка, любимая, Кариночка, дорогая!» Пол года его футболила, а он ни в какую не отступал! И ведь я тебя тогда спросила, не против ли ты, если он и...

— Да, я согласилась, сказала, что не против! А что мне оставалось делать? Когда и дураку понятно, что Карина — богатенькая, статусная невеста, а Анечка — бедная бесприданница, у которой никаких шансов на него нет!

— Ты... Ты ничего не видишь дальше своего носа! Не все люди ищут выгоду! Некоторым нужна любовь!

— Ага, любовь! — ехидно скалится. — Как только у меня появилось бабло, и я стала выглядеть дорого-богато, намекнула на то, что у меня появилось собственное дело, он сразу мной заинтересовался! Сейчас мужики такие пошли! Даже богатые ищут себе жен постатуснее да посолиднее!

— Андрей тобой заинтересовался? Но ведь и месяца не прошло! Разве он не оплакивал свою погибшую девушку?

— Да брось! Мы обе знаем, что эта его девушка бросила его прямо перед смертью! Так что формально она перестала быть его девушкой еще до того, как умерла!

— Так ты из-за Андрея убила?

— Дура ты, опять не поняла! Бабки, бабки мне были нужны! Чтобы получить все, что хочу: и Андрея, и безбедную жизнь!

— Но... Какие бабки? Ты, конечно, опекун, но ты же не можешь продать квартиры!

— Еще нет, но я уже ищу лазеечки в законе. Пока что на аренде зарабатываю. Все жильцы в трех квартирах живут неофициально — все бабло достается мне, больше двухсот тыщ. Для тебя это, конечно, не деньги, но для меня это пропуск в безбедную жизнь. На сайте уже висит объявление, где цена на аренду задрана так высоко, что никто мне никогда и не звонит. Формально у меня все шито-крыто. Скоро я перееду к Мишане жить. Буду платить лишь за коммуналку и за ним присматривать. Я тебе обещаю, что после твоей смерти с ним все будет нормально. Вон, сама видишь, Карину мы похоронили, а Людмилу я никуда не уволила и не уволю! Она человек надежный и удобный — хорошо заботится о Мишане твоём.

— Как это после моей смерти? Ты меня убить хочешь? Опять?

— Не-а. Сама себя убьешь. У тебя не останется другого выбора. Раз ты отказываешься пить шампанское, придется все разжевать. Как тебе известно, Миша в моих руках. Он официально мой подопечный и я делаю с ним то, что посчитаю нужным. И если однажды посчитаю нужным уволить Людмилу и нанять, скажем так, садиста-извращенца, который умеет следов не оставлять после своих процедур... Ну ты поняла.

Слезы из глаз ручьем, кричу от ужаса:

— Ты не посмеешь! Мерзавка! Тварь! Скотина!

Кидаюсь к ней, но она вдруг выставляет перед собой не понятно откуда взявшийся пистолет, и я застываю на месте, воя от бессилия. Дура! Я дура! Попалась, как последняя идиотка! Аня сердито на меня тарашится и, по-прежнему держа на мушке, продолжает:

— А что... Я тут специально потусовалась на специфических сайтах, уже присмотрела одного кандидата. На сегодня назначила собеседование. Патологоанатом, между прочим. Он в курсе того, как скрывать следы на теле. Он причем даже приплачивать мне готов за такую работу. Так что выпей шампанское, дорогуша. Это единственный твой шанс обеспечить брату относительно счастливую жизнь. Шампанское тебя, кстати, не убьет. Ты просто словишь кайф, а потом слетишь с балкона — я тебе помогу. Все подумают, что очередная обдолбанная наркоманка с крыши сбросилась.

— Мой муж этого так не оставит!

— Плевать. Это уже мои проблемы. Хочешь помочь братику — выпей шампанское. И тогда обещаю, что обеспечу ему счастливую, сытую жизнь!

Взгляд мой падает на пистолет. Не пойду на смерть, как овца на заклание! Накинуться на нее — пусть даже и не блеф, пусть пристрелит, но зато потом ей придется отвечать перед законом! Или перед Акимом. Но эта хитрая bestия, по единственному взгляду считав мои

мысли, заявляет:

— А если заставишь себя застрелить, вынудишь меня подставить под удар Мишу. Придется, ему тогда топать в суд, а потом в психушку на всю жизнь. Как видишь, у меня план не только А имеется, но и Б, В, Г и так далее.

Закрываю лицо ладонями. Я проиграла. Если не выпью шампанского прямо сейчас, то либо извращенец-садист для Миши уже сегодня, либо психушка в ближайшем будущем. Столько борьбы, столько испытаний, столько побед — и ради чего? Глупо, неловко попасться в сплетенную сеть! Уже увидев выход из лабиринта, стать обедом коварной паучихи! Возмущение, злость на свою дурость поедом пожирают меня изнутри. Я в тупике. И выход из него только один. Обреченно поддвигаю к себе бокал. Отпиваю глоток. Примеси транквилизатора не чувствуется. Лишь алкогольная горчинка, приглушенная приторной сладостью. Другой глоток. Третий, четвертый, пятый — и я ставлю пустой бокал на стол. Рядом с ним нелепо смотрится уютная фарфоровая чашка, наполненная ароматным чаем. Зачем только его заваривала?

Катя вдруг появляется рядом и кричит:

— Ты выпила эту отраву? Чокнутая! Я же предупреждала: нельзя! Быстрее предлагай теперь чай этой козе!

В голове начинает сгущаться туман. Прячет в себя мысли, чувства, вбирая все плохое и хорошее. Непослушным, с каждой секундой тяжелеющим языком бормочу:

— Чай?

Но отвечает мне уже не Катя, а Аня:

— И то правда! Зачем пропадать добру? — и тянет чашку к себе. — Я допью, не переживай!

Выпивает все, до дна и морщится:

— Горьковатый. Но ради молодости и чистоты организма можно и потерпеть!

— Миш... — лепечу я. Равнодушие накатывает вместе с необъяснимо прекрасной, легкомысленной нирваной. Только одно желание все еще слабо теплится в груди. Хочу увидеть брата. В последний раз.

— Ну ладно, ладно, — ворчит Аня. — Говорят, что предсмертное желание человека — закон. Отведу тебя с Мишаней попрощаться и потопаем на балкончик.

Берет меня за руку и ведет к Мише, ноги ватные, не слушаются, еле ими переступаю. Становлюсь в дверном проеме, прислонившись к косяку, вцепившись слабеющими руками в дверную раму, прощаюсь с ним, родным братом. Чувствую, как эта связь с ним слабеет, утекает куда-то сквозь пальцы. Ничего не осталось, что важно. Никаких привязок к этому миру. Равнодушная эйфория. Нет больше страданий, мучений, радости. Нет больше меня.

Глаза слипаются. Кто-то дергает меня за руку. Больно, но не слишком. Теперь тащат за две руки. Оставьте меня в покое. Просто плюньте на меня и забудьте навеки, умоляю! Но меня по-прежнему куда-то волочат. Потом слышу глухой шум упавшего рядом тела. Звучит довольный Катин голос:

— Фух, успело подействовать!

И я впадаю в окончательное забытие.

Пробуждаюсь под мерное пиканье. Бессовестно вырывая из приятного забытья, оно ужасно нервирует, но со временем начинает радовать. Этот звук напоминает больницу, а очнуться в больнице гораздо лучше, чем по ту сторону туннеля. Принюхиваюсь — и правда больница, пахнет лекарствами и дезинфекцией.

Пытаюсь разлепить глаза, чтобы оглядеться, но веки, как будто намертво спаяны суперклеем. Оставляю попытки. Надо позвать кого-нибудь, попросить, чтобы промыли глаза. Пытаюсь крикнуть, но изо рта вылетает только жалкое сипение. Рядом раздаётся какой-то звук, затем чувствую на щеке бережное прикосновение горячей ладони и слышу голос Акима:

— Ты меня слышишь? Моргни, если слышишь!

Моргнуть в полном смысле слова не удастся, но, видно, по трепету ресниц он догадывается о моей попытке и она идет в зачет. Он продолжает говорить:

— Та тварь в квартире отравила тебя наркотой и алкоголем. У тебя был передоз. Еле откачали! Но теперь все позади. Ты просто отдыхай и набирайся сил! Ни о чем не беспокойся!

Отдыхай? Это слово мой мозг отторгает, как неуместную шутку. Я помню, что все еще в беде. И не я одна. Из закутков памяти на поверхность всплывают последние события. Угрозы брату. Мише... Как он? Где он? Почему Аким молчит? Почему не рассказывает, что случилось? Как я здесь оказалась? Пытаюсь вытолкнуть из горла застрявшие там вопросы, но получается только тихое, несвязное сипение, отдаленно напоминающее карканье.

— Хочешь знать, где брат?

На словах о брате делаю титаническое усилие и с трудом открываю глаза. Вижу размытые контуры предметов. Пытаюсь прицелиться, справиться с расфокусировкой. Наконец, пробившись сквозь туман, я вполне отчетливо вижу усталое лицо мужа и его встревоженные глаза. На сей раз полноценно ему моргаю.

— Миша сейчас дома, с Людмилой. Я позвонил с твоего телефона, попросил ее вернуться, и она согласилась.

Пытаюсь что-то опять сказать, на сей раз не успеваю даже каркнуть, как Аким предугадывает мой вопрос:

— Вижу, ты не утомилась, пока все не узнаешь! Ладно, так и быть, возвращаюсь к началу. Мы расстались в номере и ты тихо, по-английски исчезла. Когда я не нашел тебя в вестибюле, то поехал на твой gps сигнал. Какое счастье, что ты не сообразила сбросить часы! — он торжествующе улыбается, — Найденный по сигналу дом оказался знакомым, квартиру я запомнил еще со вчерашнего дня. Дверь, конечно, была закрыта, но не беда. Пока я работал детективом, научился вскрывать замки без ключа. Когда зашел внутрь, увидел тебя, лежащую без сознания на кухонном полу. Рядом с тобой валялась блондинка, тоже в отрубле. И Миша в своей комнате беспокойно отмерял шаги, от стенки к стенке. Позвонил Людмиле, потом вызвал скорую, и вас обоих увезли в больницу. У тебя передоз, у той, другой — кома, причем врачи так и не поняли, от чего здоровый, в общем-то, организм перестал функционировать. Потом, когда тебя уже реанимировали, я прослушал запись вашего с Анной разговора и все стало понятно. Эта запись, конечно, — никакое не доказательство в суде, но уверен, что Анна сделает все, чтобы ее голосочек не всплыл среди

ее знакомых. Если не отдаст тебе опеку по-хорошему, будем с ней по-плохому!

Испуганно на него смотрю. То, что он говорит, — все мимо! Мне нужно посадить ее, Аню. Она пыталась убить меня. Дважды! И если оставить ее на свободе, она попытается сделать это и в третий раз! Не хочу умирать в третий раз! По крайней мере, в ближайшие годы.

Заставляю себя сконцентрироваться. Буква за буквой, терпеливо, не спеша проговариваю, точнее, выхрипываю слова:

— Давно. Я. Здесь?

— Два дня, — отвечает Аким.

— Долго. Еще. Лежать?

— Врачи наверняка не знают, но еще несколько дней, как минимум!

В моих глазах, наверно, загорается ужас. Ведьма говорила, что действие травки длится несколько дней. Так что уже совсем скоро Анька может прийти в себя. И когда это случится, она найдет меня в больнице — здание-то одно! Подушку на лицо, пока я сплю — и вот тебе удачная третья попытка!

Аким ловит мой взгляд и каким-то чудом догадывается, о чем я думаю. Уверяет, что не будет от меня отходить ни на шаг. Не возражаю, конечно, — ведь на споры нужна энергия, которой у меня нет, но его слова меня ни капельки не греют. Как бы муж ни старался меня оберегать, он не робот! Разве ему не придется отлучаться в туалет? А поесть-попить? А поспать? Шансов оказаться один на один с Аней будет предостаточно!

Я лишь надеюсь, что успею намекнуть ей об имеющейся записи нашего разговора прежде, чем она осуществит свои замыслы. Возможно, это ее остановит... Или, может, пора делать ноги из больницы?

— Уедем? — с робкой надеждой прошу Акима, но тот мрачно качает головой.

— Ты слишком слаба. Надо тебя сперва долечить, малышка.

Гладит меня по голове. Черт. Были бы силы, сбегала бы одна, куда глаза глядят. Но сил нет. И даже глаза все еще плохо глядят — то и дело теряют фокус! Придется действовать по-другому. Прошу Акима раздобыть мне нож. Он невозмутимо кивает, исчезает куда-то и через час приносит увесистый охотничий нож. Легонько прижимаю острие к указательному пальцу и на коже мгновенно выступает кровь. Я еще слишком слаба, чтобы замахнуться, но все равно цепляюсь за нож, как за спасательный круг. Тяжелая, гладкая поверхность рукоятки успокаивает. Убаюкивает чувством защищенности настолько, что я засыпаю.

Не знаю, сколько длится мой сон, но просыпаюсь я от голосов. В палате светло, сквозь неплотные шторы пробиваются яркие, солнечные лучи. Аким разговаривает с кем-то на повышенных тонах. Что происходит? Приподнимаюсь, обнажая свой нож, и только тогда различаю, с кем говорит муж. Это Аня, собственной персоной! Стоит сейчас в дверях палаты и отчаянно, возмущенно жестикулирует.

Одетая в тот же элегантный сет, что и на нашей последней встрече, при виде меня, сидящей с ножом в руке и глупо моргающей, она радостно пищит:

— Очнулась, соня? Ну, привет! Чай подействовал! Всем ведьмам мира мои вечные почёт и уважуха! Я вернулась! Катюха в теле — и снова в деле! Юху!

Нож с глухим бряцаньем падает на пол, и я тяну к ней свои руки:

— Катя?

Аким застывает ошарашенный и девушка, мигом воспользовавшись ситуацией, проскальзывает мимо него, и крепко сжимает меня в объятиях. Всхлипывает и тихо

бормочет:

— Подружка моя хорошая... Ужас... Реву, как дура... Короче... Ты даже не догоняешь, какой это кайф потискать в своих руках твою живучую тушку! Здорово мы ее уделали, твою Аньку! Сработали, как одна команда, да? — гордо заявляет она, заглядывая мне в глаза, и я киваю, вытирая слезы. Сначала ее, потом свои. Слышу, как Аким смачно ругается. От шока, наверно.

— Ты ее видишь? — спрашиваю Катю.

— А то! Ты не представляешь, как она бесится! Похлеще, чем я когда-то! И это она еще не знает про травку! О. Насторожилась. Спрашивает, что за травка? Это такой сюрприз тебе, сладкая! — бросает она в сторону окна, а потом снова обращается ко мне, — У тебя ведь сохранилась та травка от ведьмы в твоей сумке? Ну, чтобы я перестала слышать эту голосистую шавку? — она морщится и потирает себе виски. — Ужас, как громко! Долго я так не выдержу!

— Ты нигде мою сумочку не видел?

Смотрю вопросительно на Акима, и тот достает из прикроватной тумбочки мою сумку. Открываю кармашек, вынимаю оттуда красный пакетик и протягиваю Кате. Та принимает его и с чувством целует. Потом торжественно обращается к окну:

— Выпив эту травку, я перестану тебя слышать и видеть. Ты станешь невидимкой, Анечка. Так что можешь прямо сейчас отправляться в преисподнюю! Я слышала, что для убийц там топят баньку погорячее! А знаешь, что? Даже ждать не буду, прямо сейчас и выключу твой паршивый канал.

Катя отправляется в сестринскую комнату за кипятком, обзаводится по дороге бумажным одноразовым стаканчиком и заваривает себе чай. Минут через десять выпивает. А через пол часа с удовольствием констатирует:

— Все. Исчезла. Ууу, как приятно побыть в тишине! Прости меня, подруга, что я тебя тоже так доставала в свое время!

Качаю головой — мол, пустое! Уже давно эту станцию проехали, и возвращаться туда нет смысла!

Следующие дни протекают в ярких, жизнеутверждающих тонах: обсуждаем с Катей условия нашего взаимовыгодного обмена. Мне достается опека над братом, ей — бесплатное жилье в Питере, в одной из моих квартир. Аким в наши странные переговоры даже не суется. Дает мне карт-бланш на то, чтобы помочь Кате в ее обустройстве: подсобить деньгами на первое время, пока она не устроится на работу фитнес тренером.

Затем прошу Катю об одном одолжении: под видом Ани повидаться с Леной и рассказать той придуманную мной версию. Мол, недавно в моей квартире нашлись дневники. В этих тетрадках последняя запись, сделанная на день смерти, гласит: детский сад — это дело всей моей жизни, любимая отдушина, которую собираюсь холить и лелеять, планирую расширяться, развиваться и создавать целую сеть.

Конечно, на фоне этих самых записей, мною срочно состряпанных, передача садика Лене, а вслед за этим моя скоропостижная смерть выглядит странно и подозрительно. Лена поначалу все отрицает. Говорит, что сама не понимает, как могут не совпадать записи в дневнике и мои поступки. Но потом, после Катиного предложения провести экспертизу подлинности дарственной, сдается. Плачет, вытирая слезы одноразовыми салфетками.

— Я ведь не хотела ничего плохого... Но Каринка умерла, а сад ее просто развалился бы без нее. Понимаешь, Ань? — горестный всхлип. — Все полномочия — в ее руках. Как быть

тем детям и родителям, которые, как гром посреди ясного неба оказались бы без сада? Таких заведений, как наше, в округе больше нет! А персонал? Всем пришлось бы искать работу, и нашли бы, конечно, я же ничего не говорю! Но только зачем нужна вся эта канитель, дополнительные проблемы десяткам людей, если всего этого можно было избежать, подделав парочку подписей?... Да, я готова передать этот сад кому угодно. В любой момент, Аня, готова! Хочешь, тебе передам? Если только пообещаешь мне хорошо о нем заботиться! Это же все-таки Каринкино детище! Там такая огромная работа проделана, чтобы детки росли и развивались в комфорте! Понимаешь?

Катюша все делает так, как мы договаривались. Требуется передать мне сад, чтобы я стала директором, а Лена — моей правой рукой. Такой вариант ее, конечно, удивляет, но другого выбора у нее нет. Поэтому уже через несколько дней сад официально переходит в мою собственность. Проверяю все бумаги, всю деловую активность за время своего отсутствия, выясняю, что Ленка не подвела — пусть где-то неумело, где-то шероховато, но она справилась! Сад не развалился, напротив цветет и пахнет!

Возвращаюсь от нотариуса довольная. Я вернула себе свое дело, Мишу тоже верну, это лишь вопрос времени и еще двух поездок в Питер, — и тогда буду самой счастливой! Сажусь за стол и перебираю документы. Любуюсь каждой строкой, каждой заполученной подписью, как очередной победой! Аким наблюдает за моей возней с осторожным скептицизмом.

— Я, конечно, не против того, что ты крутая бизнесвумен. Но что это значит для меня? Для нас? Совместных ужинов у нас больше не предвидится?

Подхожу к нему вплотную, прижимаюсь к его груди. Как я люблю погружаться в его мощную энергетику! Как будто в бурлящий водопад с головой! Обхватываю его руками и смотрю прямо в глаза, серьезные и пытливые.

— Муж, если я чему-то и научилась у тебя, так это обозначать приоритеты! Если мое дело каким-то боком станет поперек наших отношений, я уже сейчас, заранее выбираю тебя!

— Рад слышать. Потому что я не намерен тебя терять... Есть, кстати, одна вещь, которую я давно собирался сделать.

Он берет мою правую руку и надевает на безымянный палец золотое кольцо.

— Ты моя жена, а до сих пор была не окольцована. Непорядок, — смеется он и, считав мои мысли, добавляет, — Это твое персональное кольцо, не то, что я забрал у Кати в ее последний день. Наденешь мне мое?

Выполняю его просьбу, любуюсь и размышляя, как уместно выглядит кольцо на пальце мужа. Обещание любви и преданности. Как водится, столь серьезную клятву скрепляем долгим поцелуем.

— У нас ведь и свадьбы с тобой еще не было! Куда отправимся отмечать? — спрашивает Аким.

— В Колпино, конечно! Ужасно хочется домой!

— Кари, я тут подумал... Тебе ведь больше не нужно изображать из себя Катю, верно?

— Верно, — подтверждаю я, слегка насторожившись. К чему он клонит?

— Может, нажаришь мне тогда дома нормальных котлет? Тех, что на настоящем свином фарше, без курогрудки и без творога?

С облегчением смеюсь:

— Любимому мужу могу даже на масле колеты пожарить!

— А пацана любимому мужу родишь? — интересуется он без тени шутки в глазах, враз оказавшись совсем-совсем близко.

— Прямо сейчас? — испуганно уточняю.

— Процесс этот дооолгий, — тянет он насмешливо, — так что начнем прямо сейчас!

— А вдруг будет девочка?

— Если девочка, то пусть такая, как ты! Но одной девочкой не отделаешься! — и целует меня в губы. — Мать давно уже внуков просит и в няньки себя предлагает. Ты согласна, любовь моя?

Слова почему-то закончились. Счастье внутри бьет ключом, как будто я только что начала жить. Вот же ирония! Мне пришлось умереть, чтобы в полную грудь научиться дышать и любить! Киваю молча и отвечаю на его поцелуй. Я согласна, любимый! С тобой я согласна на все!

Конец.

Дорогие друзья!

Ух, даже не верится, что роман закончен!

Благодарю вас от души, что прочитали до конца!!!!

Безумно ценю ваш интерес, комментарии, идеи и подаренные звезды!!!

Если хотите узнать, что произошло с Катей в новом теле, смело шагайте в рассказ-послесловие "Жизнь номер два". Легкие эмоции, шепотку страданий и чуть-чуть любви вам гарантирую!

Жизнь номер два. Глава 1

Сижу в туалетной кабинке и реву, как дура. Как самая обыкновенная, заурядная слабачка! Стараюсь бесшумно, не всхлипывая и не скуля, чтобы не спалиться. Луплю себя по коленке. Не хнычь, тряпка! Соберись! Ну и что тут такого, что приходится вкалывать, как рабыне на плантациях! Ну и подумаешь! Ты сильная! Справишься! Сейчас выплывешь отсюда королевой, с гордо поднятой головой, надменным взглядом примадонны и полетишь на свою плантацию белым лебедем!

Кулачком вытираю слезы, потом отрываю кусок туалетной бумаги и аккуратно снимаю лишнюю влагу с глаз — не хватало еще тушь по щекам размазать!

Выхожу из кабинки. На мое счастье, туалет пуст. Раз свидетелей моего позора нет, никого убивать не придется! Контрольный взгляд в зеркало. Лицо в порядке, правда, губы чуть припухли от слез и глаза блестят влажным блеском, но так мне даже больше идет. Королева-загадка с таинственной слезинкой в глазах. Спортивный костюм сидит идеально, как влитой. Синтетическая, синяя футболка с надписью «персональный тренер» — просто бее, но в этом клубе такие правила, и ради меня их переделывать отказались. Им же хуже! Собственный имидж портят дешевой униформой!

Приглаживаю платиновые волосы, собранные в хвост, и отправляюсь в зал. Прохожу мимо тягающих штанги мужиков, привычно собирая на себе заинтересованные взгляды. Вот лопухи! Они до сих пор не в курсе: в зале столько зеркал, что каждый их прицел на меня отражается на стенке. Я даже вижу, какая часть тела кому больше понравилась. Дедуле в черных спортивных штанах и седой бородой по душе мой прокачанный зад. Мужiku в черных шортах и зеленой футболке — мои длинные, стройные ноги. Думаю, немало охотников поглазеть и на шикарную грудь — спасибо Анюте, она успела силикон третьего размера туда внедрить — но никто из мужиков не решается столь откровенно на меня пялиться. Только осторожненькие, безопасные подглядки за спиной.

Подхожу, наконец, к своей клиентке, Даше-простокваше. Велела ей истязать велотренажер, пока я схожу в туалет. Она сидит и послушно крутит педали. Старается, наяривает, пыхтит, как буденовский паровоз! Весит под сто кило, лицо симпатичное, но тело... О чем она только думала, когда булочки и конфетки пачками жрала? Что они из нее воздушную эльфийку сделают? Говорю чуть резче, чем собиралась:

— Все, хорэ крутить! Разогрелась уже! Идем в зону свободных весов!

Даша безропотно топает за мной на искусственную траву. Берет килограммовые гантельки и начинает повторять за мной приседания. Ее колыхания — нелепая пародия на мои движения. Она никак не может ухватить простейшую технику упражнения. То заваливается на свою подушку безопасности, то гробит своим весом колени.

Плюнув на правила клуба, запрещающие трогать клиентов, подхожу к ней вплотную и фиксирую ей колени под правильным углом, бедра отвожу сильно назад, и наконец-то, под моим ручным управлением, у нее получается правильно присесть. Все остальные упражнения тоже приходится направлять руками. Каждую позу, как из глины леплю! Святые кексы! Почему они никогда моих объяснений не понимают?! Русский язык же использую!

Отработав занятие, добиваю полуживую клиентку двадцатиминутным велотренажером. Пусть жгет жирок, ей полезно! Топчусь вокруг нее, покрикиваю, чтоб шевелилась быстрее, и украдкой зеваю от скуки.

И, наконец, самый интригующий момент урока — прощание. Сейчас полагается спросить, желает ли она договориться о следующем занятии. Если ты слышишь «да», то торжествуешь! Значит, клиент доволен и, скорее всего, он станет твоим постоянным подопечным! Но Даша на мой вопрос вдруг поджимает губки и опускает взгляд. Говорит еле слышно:

— Я еще подумаю.

И уходит в раздевалку. Черт! Ей-то что не понравилось? Еще один пончик с ранимой и чуткой душой? Вижу через пол часа, как Даша подходит к стойке администратора и о чем-то разговаривает с Никитой. Задом чую, это не к добру! А зад у меня ко всякого рода подлянкам жутко чувствительный! Честно пытаюсь сфокусироваться на очередной клиентке, но взгляд то и дело соскальзывает на Никиту. Пытаюсь считать по его невозмутимой физиономии, о чем он судачит с Дашей, но фигушки мне это удастся!

Еле-еле отработав занятие, предлагаю Валерии записаться на следующее, но и эта сколопендра меня сегодня динамит. Да что же это такое? Стараясь ничем не выдать свою досаду, подчеркнуто вежливо с ней прощаюсь.

Все нормуль, Катюха! Прорвемся! Вспомни, как хреново тебе было, когда бродила неприкаянной душой по этому свету! Бомжевала, унижалась, отчаивалась, но снова вставала и боролась до последнего! Главное, ты сейчас жива, а уж все остальное приложится!

Веду очередную пышечку к козлу выполнять гиперэкстензию. Рядом со мной работает Сергей — высокий, классно прокачанный брюнет. Он настолько хорош, что его не портит даже страшная тренерская футболка! Пока моя подопечная выполняет наклоны-разгибы, краем глаза наблюдаю за парнем. Он объясняет женщине в годах, как правильно делать растяжку. Предельно четко и корректно. Женщина не понимает, переспрашивает, и ей с доброжелательной улыбкой объясняют по новой. Откуда у него столько терпения? Он ангел? Ангел, отсыпь мне чуток своей выдержки!

Когда, добросовестно отпахав в зале положенные часы, отправляюсь на выход из клуба, за прозрачно-стеклянными стенами вижу крысу Анфису — нашего менеджера. Она подзывает меня наманикюренными пальчиками в свой аквариум. Упс. Хьюстон, у нас проблемы.

С пластмассовой улыбочкой — аж скулы сводит — захожу в кабинет. Анфиса приглашает меня присесть на стул напротив ее стола. Цепляет на лицо озабоченно-ласковое выражение, этакая гламурная, строгая мамочка: ярко напозаженные губки — в полуулыбку, глазки, чуть покрасневшие, участливо на меня пялятся. Простуженно гундосит:

— Анна, у нас возникли некоторые трудности. Вы, конечно, прекрасно разбираетесь в фитнесе, но общение с клиентами, к сожалению, — не ваш конек.

Вот тут она, конечно, права, даже спорить не стану:

— Коньков не держу! Мне их реально не надо!

Анфиса неодобрительно смотрит на меня поверх очков, а потом, задвинув их обратно на нос, также порицающе таращится на меня сквозь линзы. Ой, да ладно тебе! Я в гляделки кого угодно переиграю — это же мой любимый вид спорта! Начальство, едва заметно передернув плечами под тонкой белой блузкой, продолжает:

— Наш клуб недавно открылся, и нам нужны высококлассные специалисты, способные помочь нам расширить клиентскую базу. Боюсь, вы нам в этом не поможете. Чуть ли не половина клиентов просят после ваших занятий другого тренера.

— Почему все видят стакан наполовину пустым, а я наполовину полным?! Другая-то половина возвращается ко мне!

— Очевидно, вернувшейся половине не чужд Стокгольмский синдром, — бормочет она едва слышно, — Анна, вам бы помягче к людям! У нас тут, знаете ли, не армия! Люди платят деньги за то, чтобы мы им помогли прийти в форму. Вежливо и корректно.

— Ну так и что? Мало кому нравится вкалывать, все ищут путь полегче да помягче! Мне давайте тех, кто согласен пахать!

Анфиса, в очередной раз поежившись под моим неприязненным взглядом, продолжает:

— Нам нужны специалисты и в целом мы в вас заинтересованы! Но только в том случае, если вы приложите усилия и измените свой стиль общения с клиентами! Позвольте дать вам совет. Сейчас очень много психологических курсов, помогающих наработать навыки общения. Запишитесь на них. Попробуйте. Хуже точно не будет!

Приложив титаническое усилие, удерживаюсь от пары ласковых. Твержу про себя, как заводная: «Молчи, пташка, рот на замок! Потерпи — и дотерпишь до зарплаты! Вспомни про стражики в ресничках — они стоят денег!» Скрепя сердце обещаю попробовать какие-нибудь курсы. Ухожу из кабинета побитой собачонкой.

Как же тяжело прогрызать себе место под солнцем! В одиночку. Без богатого мужа! Без поддержки родителей!

А ведь были времена... Без забот порхала по жизни: медовые дни, ванильные ночи. Не жизнь, а малина!

Пока в один прекрасный день из-за своих дурацких амбиций, все не профукала! Золотая рыбка небрежно махнула мне хвостом и уплыла в синее море! А я теперь сижу здесь, у разбитого корыта! Батрачу, выслушиваю поучения про «запишитесь на курсы!» и молча все это глотаю. Еще и улыбаюсь в ответ! Кушать-то хочется!

Аким и Карина мне, конечно, дали денег на первое время, чтобы обустроиться. Оставили и квартиру, в которой только коммуналку надо платить. Но таланта рачительно относиться к деньгам мне не оставили!

А новый город так манил с собой познакомиться! Подмигивал огоньками ночных клубов, улыбался витринами магазинов, мелькал мне фарами теплых, сухих такси в дождливый денек. Не успела я оглянуться, как все полученные рублики закончились! Хорошо хоть, что успела Анины мышцы довести до ума и устроилась тренером!

Жизнь номер два. Глава 2

Еду в метро. Час пик. Наверху дождь и слякоть, поэтому здесь, в толкотне пахнет парфюмом, мокрой тканью и влажной бумагой. Какая-то везучая тетка, отхватившая себе сидячее место, энергично разлепляет страницы дешевого романа, готовясь читать. Душно, сыро и тесно, как в одном непристойном месте. Не душе точно так же неудобно. Что мне делать? Какие к черту курсы, когда денег, по моим расчетам, едва хватит до следующей зарплаты? Это, конечно, при условии, что я снова не сорвусь на спонтанную покупку. Ах, как хочется стразики налепить на реснички, аж зудит... все в том же неприличном месте!

Прихожу домой, скидываю с себя чавкающие кроссовки. Батареи холодные, а то бы поставила туда сохнуть обувь. С тоской смотрю на свои белую, насквозь промокшую обувь — до завтра вряд ли высохнет. Тогда на работу придется идти в сырых. Так себе перспектива! Бррр. Может, попробовать феном посушить? Где-то я в одном фильме видела...

Иду к холодильнику, вынимаю оттуда брикет творога. Тоскливо как-то он выглядит на фоне двух своих клонов и пустых, как воздушный шар полок. Не в ту сторону думаю, не в ту! Ведь творог без сахара — это идеальный белковый ужин! И никакого соблазна переест! Красота!

На этой позитивной мысли заталкиваю в рот первую ложку белой массы, но она настолько противная, холодная и сухая, что застревает в горле. Ничего. Вода мне в помощь! Глотками теплой воды загоняю ужин в глотку. Ложка за папу! Ложка за маму! Тьфу, как это люди едят? Ложка за Карину... И снова по кругу. Все, съела! Маленькая, но победа!

Такс. Теперь переходим к теме, в которой нужно одержать победу посущественнее! Мои навыки общения и прочая белиберда, необходимая для того, чтобы преуспеть на работе.

Набираю в гугле: «развитие общение личностный рост курсы психология Петербург». Передо мной выскакивает огромное количество ссылок. Почти каждая ссылка содержит в себе многообещающую рекламу и веселенькие цифры, которые мне сейчас не по карману.

Переодеваюсь в спортивный костюм и натягиваю на ноги толстые шерстяные носки. Размышляя, встаю на руки головой вниз, упираясь ногами в шкаф. Говорят, от этого кровь приливает к мозгу, подгоняя интересные идеи. Может, позвонить Каришке, попросить в долг? Долг, который отдам неизвестно когда и вообще не ясно, отдам ли? Возвращаюсь в исходное состояние, головой вверх. Задумчиво выпускаю волосы из хвоста, и потираю затылок. Или не звонить? Карина, может, денег и даст, но сначала обязательно поинтересуется, куда подевалась предыдущая крупная сумма. А мне так неохота отчитываться в собственных маленьких слабостях! Лучше уж гордо и бедно, чем с деньгами, униженно выклянченными!

Выписываю себе адреса парочки курсов, которые по счастливой случайности начинаются завтра. В общем и целом, если хорошенько попотеть, то всегда можно что-нибудь придумать!

На следующий день, сразу после рабочего дня, отправляюсь по нужному адресу. Захожу в большое, красивое здание, украшенное колоннами в вестибюле и завитушками на потолке. Перед входом в левый зал — это же не намек на левое мероприятие, да? — за столиком восседает хрупкая женщина в светло-сером костюме, и выдает бэйджики по списку участников. Меня, разумеется в списках нет — я же пока не участник. Утешаю сама себя:

ключевое слово здесь — «пока». Спрашиваю у женщины:

— Можно мне поговорить с организатором курсов?

— Платона Аркадьевича еще нет. Он подходит к самому началу, и обычно с другого входа.

Где другой вход — мне не говорят. Пытаюсь разобраться сама. Бочком-бочком обхожу чуть ли ни весь периметр зала, но ничего, похожего на вход, не вижу. Топаю на улицу, ужасно расстроенная. С минуты на минуту начнется урок, а с организатором я так и не договорилась! Подхожу к какой-то невзрачной двери, подергав за ручку, убеждаюсь, что она заперта. Облокотившись на нее, достаю из сумки бутылку с минералкой и отпиваю пару глотков.

Все против меня! Все двери дружно захлопнулись перед носом, как одна. Ну где то окно или форточка, на худой конец, в которое я смогу проскочить? Вселенная, будь добра, подскажи! Аууу!

Ко мне вдруг подходит какой-то мужик. Роскошный красавец. Стройный брюнет в стандартном офисном костюмчике. Холодновато на улице для такой одежды — ведь сейчас градусов двенадцать, не больше! Хотя, может, это его способ моржевания — разгуливать по холодному городу без пальто и курток. По фигуре заметно, что с фитнесом он дружит. Да и с головой тоже в ладах, раз в глазах — явный интерес ко мне. В обычный день я бы с ним пококетничала, но не сегодня. Отшиваю его по-киношному вежливо, учитывая, что такие красавцы, как он, на дороге не валяются:

— У меня сейчас нет времени на периферийное общение, простите.

— А что так? — интересуется он.

— Пришла на курсы саморазвития, но никак не могу найти организатора. Хочу попасть на курсы, мне очень-очень надо! Стою вот, горюю.

— Зачем же горевать? — любопытствует умник. — Зайдите на сайт, оплатите стоимость курсов — и возвращайтесь сюда счастливой и довольной!

Признаваться в том, что у меня нет денег, незнакомому мужику, да еще такому Аполлону, — не в моем стиле. Но его насмешливый ответ выводит меня из себя и я все-таки исповедуюсь в своей беде. Надо же ему показать, что не все так хорошо и просто, как кажется прекрасному Маркизу!

— Я... У меня нет денег на эти курсы.

— Это и правда проблема. Ведь бесплатно вам на них не попасть, — сочувственно кивает он, разводя руками.

— Ну, я же не бесплатно... Хочу организатору бартер предложить. Вдруг согласится?

— У вас есть что предложить?

За то, что он нагло оглядывает меня с ног до декольте, хочется его чем-нибудь огреть! Но, следуя своему инстинкту, лишь робко потупляю глаза и произношу:

— В ответ на бесплатное участие я могу стать лицом его курсов. Могу ему в инсту, всякие отзовики и соц сети писать хвалебные отзывы. Или публично, в виде дневника описывать свою глубокую, как океан трансформацию. Сами видите, внешность моя к тому располагает!

— Сколько у вас подписчиков в сетях? — деловито спрашивает он.

— Около десяти тысяч, — отвечаю, удивляясь сама себе. Зачем я откровенничаю? Интуиция сама выталкивает из меня все эти слова!

— Что же. Я согласен на ваше предложение, — отвечает мужик с улыбкой. — Позвольте представиться. Платон Григорьев, организатор, которого вы так настойчиво искали. Подробности обсудим после первого занятия.

Пока я подбираю упавшую челюсть, он вытаскивает из кармана штанов ключик и открывая дверь, галантно пропуская меня вперед. Мы проходим по небольшому коридорчику и, миновав еще одну дверь, попадаем прямехонько в огромный зал, битком набитый людьми. Ууу, как много нынче людей стремится к духовному просветлению... или чему-то там еще! У меня вчера все сайты попутались и я уже точно не помнила, на какие курсы попала.

Сажусь тихонечко на задний ряд, кто-то протягивает мне листочек и ручку, чтобы записывать услышанные мудрости и собственные выводы.

С удовольствием устраиваюсь в удобном, мягком креслице. Мышцы блаженно расслабляются — все до единой. Тепло растекается по телу, прогоняя прочь замерзшую одеревенелость. Пока Платон что-то там говорит про личностный рост, внимательно его слушаю. Любое развитие — это выход из зоны комфорта. Нельзя держаться за обиды, живем в настоящем. Мы хозяйева своей судьбы, а не наши обидчики... Речь его интересна, хорошо поставлена, убедительна, харизматична — вот бы слушать и слушать... Мама, ты слышала, ты не хозяйка моей судьбы...

Просыпаюсь, когда кто-то тормозит меня за плечо. Черт! Передо мной стоит господин Григорьев. На лице — непроницаемая маска. Заискивающе ему улыбаюсь и не спеша колыхаю ресницами, в надежде, что он поверит: я не спала, а медленно моргала. Но на мою улыбку он жестко заявляет, что наш бартер отменяется. Ни одна девушка не сможет поделиться впечатлениями от курсов, на которых она спит.

— Обещаю, в следующий раз я под завязку нахлебаюсь кофе и не засну! — тараторю взахлеб, — Зуб даю!

— Зубы свои оставьте себе. Верить обещанию голубоглазой, незнакомой прелестницы было глупо. Больше я на это не поведусь, — Он, даже отказывая, умудрился сделать мне комплимент! Платон уже отворачивается, собираясь уйти, как вдруг меня осеняет и я кричу ему в спину:

— Признайтесь! У вас просто кишка тонка со мной иметь дело! Пока вы не выйдете из своей зона комфорта и не научитесь строить отношения с трудными для вас людьми, ваш личностный рост будет невозможен!

Он оборачивается и снова приближается ко мне. Его глаза неласково сверкают. На какой-то момент мне кажется, что по степени наглости я переплюнула саму себя, и сейчас мне вот-вот прилетит обратка. Ну же, соберись! Держи удар достойно, детка! Еще чуть-чуть — и ты котлетка! Но Платон Григорьев неожиданно улыбается, плотоядно сверкая белоснежными зубами, и бормочет:

— Еще посмотрим, у кого из нас кишка тонка! Если выполнишь мое первое задание на выход из зоны комфорта, разрешу бесплатно участвовать в курсах.

— Что угодно! — заявляю я, тряхнув головой. Но, заметив тут же полыхнувшие торжеством карие глаза, на всякий случай уточняю, — Интим попрошу не предлагать.

— Интим кхе... кхе... Мечтать не вредно! Находишь мусорку в оживленном месте, торчащую на виду у прохожих. Залезаешь туда и проводишь в ней два часа, громко приветствуя всех проходящих мимо людей. Видео снимаешь на смартфон и присылаешь мне. Себя не забудь заснять крупным планом! Удачи!

Жизнь номер два. Глава 3

Понуро бреду домой. Кутаюсь в свое пальтишко, но сырой, промозглый воздух нахально заползает в рукава, не давая согреться. Ежусь от холода и разочарования. Обидно-то как!

После выдвинутого мне ультиматума хотелось крикнуть Платону в лицо:

— Сам стой в своей мусорке! Я тебе не паршивый бож, чтобы ковыряться в дерьме!

Но мне даже шанса не дали на последнюю красивую фразу! Пока я приходила в себя, пока подыскивала из своего обширного лексикона, чем бы побольнее запустить в обидчика, Платон развернулся и ушагал прочь, эффектно исчезнув в дверном проеме.

По дороге домой, а потом лежа в кровати, я весь вечер подбирала словесные композиции, которыми можно было бы дать сдачи. Изящно поставить его на место, заставить передумать и вынудить мной восхищаться! В своих мечтах я дошла до того, что Платон бросается передо мной на колени, слезно молит о прощении и даже смиренно просит лобызнуть кончик моего мизинца, но я ему, разумеется, отказываю, презрительно улыбаясь.

Верещание будильника вырывает меня из несбыточных грез в суровую, неприглядную реальность. Подсушив себе пару тостов, жарю последние два яйца на завтрак и все это запиваю чашкой кофе.

Градусник за окном обещает холодину, поэтому одеваюсь потеплее и мчусь на всех парах к метро. Вновь прохожу через эту ореходробилку выжившей, но изрядно помятой, и топаю в клуб.

Всем своим нутром ощущаю, что историю с Платоном прервать на самом интересном месте просто не смогу. Мне бросили перчатку прямо в лицо — разве такое оскорбление можно проглотить?! Да я что угодно сделаю, чтобы победить в этом поединке! Причем победить нужно самым честным и добросовестным образом — чтобы не к чему было придраться, когда приду за трофеем!

Идея победить любой ценой выглядит в голове невероятно привлекательно. Но от мысли, что придется топтаться в мусорке, да еще прилюдно, все внутренности сжимаются, как от удара, и меня не хило накрывает депрессия.

Из-под тяжелого, колючего одеяла депрессии обычно я виртуозно порчу людям настроение. Мамочки, от меня сегодня не половина клиентов уйдет, а девять десятых! Побью свои же рекорды!

Напялив на себя синее уродство, объявляющее всем, кто тут персональный тренер, отправляюсь в зал. На удивление, я пришла сегодня пораньше. У меня есть десять свободных минут. На что бы их грамотно потратить?

Вижу, как мимо меня проходит Сергей — готовясь к круговой тренировке, тащит к месту ее проведения гантели и TRX ленты. Глядя на его четкие, слаженные движения, исподтишка любуюсь игрой его мышц. Какие классные дельты! А какие шикарные бицепсы! И большие мышцы спины — ммм... красота! Интересно, какой вес он ставит на верхней тяге? Чтобы не спалиться, сажусь на ближайший тренажер и, вяленько тягая игрушечный вес, наблюдаю за парнем. Поймав мой взгляд — эх, все же спалилась! — Сергей улыбается едва заметно и интересуется:

— У тебя тоже сейчас занятие будет?

Киваю и отвожу глаза. Не говори со мной сейчас, ясно? А то ведь, когда я злая, могу так

припечатать словом, что потом синяки по всему телу выступят!

— Ты в порядке? — он продолжает допытываться, не услышав моих молчаливых посылов. — Лицо у тебя грустное в последнее время.

— Я в порядке. Просто не в настроении общаться.

— Ладно. Когда твое настроение улучшится, можем как-нибудь поболтать!

Опять сухо киваю и отхожу в сторонку. От греха подальше.

Весь день я сурова с клиентами. Они и в обычный день уходят от меня, запыхавшись, но сегодня почти уползают на нетвердых ногах, держась за стеночку, как после долгой, лихой пьянки. Как ни странно, некоторые из них в восторге, особенно, парни, но некоторые, конечно, посматривают на меня возмущенно. Догадываются, наверно, что я вовсе не из любви к искусству так их сегодня муштрую!

К концу дня, разделавшись с работой, иду на выход. Там, в засаде, меня опять поджидает начальство, подзывающее к себе наманикюренными пальчиками. Сегодня у Анфисы вид уже чуть лучше: припухлость век ушла и глазки из розовых стали белыми, но она беспрестанно чихает. Вот зараза! Пришла больная на работу и то и дело вызывает подчиненных на ковер, для наиболее близкого контакта! Чтобы уж наверняка: если не с первого выстрела, то со второго добить! Пячусь от нее подальше и в задумчивом жесте прикрываю нос ладонью.

— Анна, вы уже записались на курсы?

— Конечно, Анфиса Андреевна! Вчера даже ходила на первое занятие, — отвечаю ей бойко.

— Отлично. Что за курсы?

— Курсы личностного роста.

— Замечательно. Но там ведь общению тоже научат?

— Разумеется! Какой же личностный рост без общения?! — но сама в этом слегка сомневаюсь. Ведь в моем первом задании, приветствуя народ из помойки, вряд ли я научусь общаться!

Прощаясь с подобревшей Анфисой и двигаюсь на выход. Не доехав одну остановку до своего дома, выхожу из метро. Растерянно озираюсь, ищу помойку. Как-то здесь с помойками в общественных местах негусто. Прячут их во внутренние дворы что ли, от таких, как я нашельцев? Можно, конечно, попробовать и туда пробраться, но ведь не факт, что во внутренних дворах оживленно передвигаются местные жители.

Обойдя почти весь квартал, нахожу, наконец, доступный помойный контейнер. Приглядевшись, понимаю, что не такой уж он и доступный, раз закрыт на замок. Черт! Оглядываюсь по сторонам. Район подходит — здесь довольно многолюдно, но мусорка заперта. Эх, была ни была! К званию местной сумасшедшей добавлю себе и гордый титул взломщицы помоек!

Подождав, пока прохожие пройдут мимо меня, подбираю неподалеку камень, разбиваю замок и заглядываю внутрь. В контейнере полно всякой гадости: и пустые коробки от йогурта, и упаковки от яиц, и еще куча всякой подванивающей фигни. Классическая помойка, самое днище жизни — господину Платону не придраться, даже если сильно захочется!

Достаю смартфон, проверяю заряд: почти сто процентов. Весь день его на работе заряжала, как раз для такого случая! Выдыхаю. Ну, все, раньше сядем — раньше выйдем!

Залезаю внутрь, стараясь не очень мараться, но, конечно, «не очень» не получается: перевалившись через край контейнера, мое пальто верблюжьего цвета мгновенно покрывается темными разводами, а в завершение я неловко бухаюсь прямо в кисломолочные остатки. Пытаюсь подняться, но под руками и ногами все разъезжаются, я то и дело теряю равновесие, утыкаясь щекой в пустые, но дурно пахнущие упаковки. Снимаю себя, как и полагается крупным планом, и говорю погромче, чтобы заглушить позорную дрожь в голосе:

— Сегодня пятое октября и мы с вами изучаем жизнь бомжей. Я веду репортаж прямо из питерской помойки. Здесь воняет, — показываю на мусор под своими ногами, — и мне жаль, что я позабыла дома прищепки для носа. Но для чистоты эксперимента придется обойтись без них. Так что впереди мне предстоит два часа чудесной ароматерапии, а также выразительных и жизнеутверждающих взглядов окружающих.

Мимо меня проходят пожилая женщина с сумкой на колесиках. Энергично машу ей рукой:

— Здравствуйте!

Она испуганно на меня смотрит и ускоряет шаг. Правильно, нечего связываться с чокнутой девицей, притаившейся в мусорке — вдруг она выпрыгнет и затащит к себе! Ее поспешное улепетывание снимаю на камеру смартфона.

Вскоре вижу двух тетечек, спешащих по своим делам, но при виде меня они хмурятся и возмущенно переглядываются.

— Добрый вечер! — кричу я им, но в ответ лишь слышу бурчание: «совсем с ума посходили!», «вот дурачье!», «нечем больше заняться!»

Примерно через пол часа ко мне подходит толпа подростков, с пивом в руках. Матерятся и ржут надо мной, гнобят всей своей хищной стайкой. В этот момент мой дискомфорт достигает своего апогея. Так хреново мне уже давно не бывало! Меня раздрает дикий диссонанс. Я крута, красива, умна, но нахожусь там, где и самым отбросам общества не место! Это неправильно! Жутко, до скрипа в зубах, до рези в груди неправильно! Но уйти отсюда не могу. Сдаться, поджав лапки, — нет! Не дождетесь!

Вдруг в голове моей что-то перещелкивает и до меня доходит: неправильно не место, в котором я нахожусь, а мое к этому месту отношение! Ведь где бы я не находилась, как бы на меня не смотрели люди, я — это по-прежнему я! Все та же крутая, упертая, сногшибательная девчонка и какому-то Платону Григорьеву этого не изменить, даже поставив меня раком в этой самой помойке! С чувством обращаюсь в камеру:

— Платон Аркадьевич, я вас обожаю! Честное слово, вы только что подняли мне самооценку!

Замечаю удивительную закономерность: пока надо мной стебется толпа молодежи, остальные люди здесь не задерживаются. Наоборот побыстрее пытаются проскочить участок тротуара вокруг помойки, втянув в себя голову и опустив глаза.

Когда же юнцам — о чудо! — надоедает надо мной издеваться и они уходят, ко мне приближается весьма решительно настроенная дама. Дорого одетая, вся расфуфыренная. По плотно сжатым губам и колкому взгляду я понимаю, что толпа подростков на ее фоне была полянкой милых одуванчиков.

Ее «Девушка, как вас зовут?» звучит, как «Сдавайся, паразитка, и смерть твоя будет легкой!»

— К чему нам формальности? — обворожительно улыбаюсь, — Ко мне можно попростому «милая синьорита»!

— Вы находитесь в помойке незаконно, нарушая общественный порядок. Поэтому, если не вылезете отсюда добровольно, мне придется вызвать полицию. Наказание — до пятнадцати суток ареста.

Когда я соглашалась на этот помоечный квест, понимала, конечно, что придется пройти через насмешки и унижения. Но чтобы через арест? На такой уровень сложности даже я со своими железными яйц... нервами не претендую! Гляжу на часы. Мне осталось отсидеть всего-то двадцать три минуты. Быстро ли прибудет полиция? Ааа, что мне делать?

Жизнь номер два. Глава 4

Хочется этой зануде сказать правду-матку прямо в холеное лицо, не добавляя при этом в шикарный компромат на саму себя еще и нецензурную брань. Может, она отступит, если с ней по-хорошему? Прошу через силу, миролюбиво улыбаясь:

— А можно я здесь еще совсем немножечко побуду, а потом уйду? Ни одной упаковки отсюда не стырю, я вам обещаю! Я вообще ни разу не воровка!

— Вылезайте или я прямо сейчас звоню в полицию! — требует мадам и вытаскивает из своей изящной синей сумки черный смартфон. Таким многозначительным жестом, будто это заряженный и снятый с предохранителя Макаров. Приходится признать поражение, чего уж...

— Ну, звоните тогда, раз вам так сильно надо!

Женщина ловко тыкает в телефон своими длинными, тонкими пальцами. Затем объясняет кому-то про нарушителя правопорядка, засевшего в чужой собственности, то бишь помойке, и не желающем ее покидать. По недовольной реакции вижу, что ее собеседник не слишком-то рвется высылать к нам патруль, но женщина умеет убеждать:

— С кем я разговариваю? Представьтесь... Как зачем, это ваша прямая обязанность — обозначить свое имя и должность по моему первому требованию.

Затем шпарит какую-то абракадабру о том, что именно нарушает сейчас ее собеседник и что ему за это полагается. Эх, юриспруденции — страшная сила! Может, поступить на юридический? Чур меня, лучше не надо! А то стану такой же стервозной занозой, как она! Еще через минуту дама, удовлетворенно хмыкнув, заявляет:

— Хорошо. Жду. Сразу бы так!

Тоскливо смотрю на часы. Осталось шестнадцать минут. Успеют сюда полицейские подкатить или нет? Сижу, как на вулкане, не знаю, чем закончится мой сегодняшний день. И все благодаря этой козе необъезженной! Ух, вот бы ее ко мне на тренировку! Я бы быстренько из нее отбивную сделала! Несмотря на съемку текущих событий, разрешаю себе слегка выпустить пар, чтоб не лопнуть от накипевших эмоций:

— Я заметила, что вы тихонечко стояли в сторонке, чтобы не мешать моему общению с группой подростков. Спасибо, кстати, что нас не перебивали! Это очень ценное качество — уметь подождать свою очередь. Но меня вдруг кольнула мысль: вы ведь случайно не заметили, что этим молодым людям еще не исполнилось восемнадцати, а они уже прилюдно приобщились к алкоголю и сигаретам. Это же явное, просто вопиющее нарушение закона, которое вы не смогли пресечь, поскольку чересчур сильно сфокусировались на мне. Боюсь, теперь вам непросто будет с этим знанием спать по ночам! Хотите, посоветую вам хорошее снотворное?

Дамочка презрительно меня игнорирует, развернувшись ко мне бочком — краем глаза она все же наблюдает за мной, чтобы злостная правонарушительница в моем лице не вздумала смыться до прихода стражей порядка!

Взгляд на часы. Осталось четыре минуты. В воздухе повисло напряжение, ход времени замедлился, а пространство ощутимо сгустилось. Успеют или нет? Три минуты... Может, пронесет? Бегаю я шустро, а здесь, сразу за углом — переулок, ведущий к метро... Две минуты. И тут рядом с помойкой тормозит полицейский патруль. С досадой шлепаю ладошкой по мусорной куче. Успели! Вот же... молодцы! Могут ведь, когда хотят!

Ладно. Переходим к плану Б, раз мой главный план провалился.

Ко мне подходят два мужика в форме: один постарше, невысокий и кряжистый, другой повыше и круглолицый. Дама-юрист кружит вокруг них оживленной акулкой, почуявшей запах первой крови. Тыкает в мою сторону своими кроваво-красными ноготками и тараторит:

— Незаконное проникновение... Чужая собственность... Нарушение общественного порядка...

Тот, что постарше, обращается к женщине:

— Спасибо за сигнал. Дальше мы сами.

Но она не собирается уходить. По новому кругу твердит свое. Полицейский уточняет:

— Как я понял, вы желаете отправиться с нами в ближайшее отделение в качестве свидетеля.

— И не подумаю! — возмущается она. — У меня нет на это времени! Вы и сами засвидетельствовали правонарушение, так что моя помощь вам совершенно не требуется!

— Но три свидетеля лучше, чем два, сами понимаете! — говорит, буравя ее тяжелым взглядом тот, что постарше.

Приосанившись, дама заявляет:

— У меня дела! Сами с ней разбирайтесь! — и развернувшись, топает прочь. Ну, наконец-то, спровадили прилипалу!

— Ну что, гражданочка, — тихо говорит все тот же, коренастый, обращаясь уже ко мне. — Пройдемте в отделение?

Мои два часа, конечно, истекли. Из помойки пора вылезать, но мне почему-то ужасно не хочется в отделение. Боюсь, что для меня это их «отделение» обернется банальным «обезьянником». Горестно поджав губы, вытираю несуществующую слезу. Заявляю:

— Я обязательно отсюда вылезу! Но прошу вас, помогите мне сначала найти свое обручальное колечко с алмазом в три карата! Иначе, если вернусь домой без него, меня жених не простит! Рассторгнет помолвку — и все! Капец тогда мне на голову!

У того, что помоложе, лицо расплывается в недоверчивой улыбке:

— Че, реально в три карата? Как кольцо в помойку попало?

— Мы поссорились. Я в сердцах кинула кольцо в ведро с мусором и тут же вынесла его на помойку. Потом-то мы помирились. Но жених сказал: ищи кольцо, как хочешь и где хочешь. Второго тебе дарить не стану! В общем, обязательно надо найти!

Молодой неуверенно смотрит на старшего, сомневается, что делать. Тот качает головой.

— Адрес свой назовите, по которому проживаете!

Называю выдуманый адрес. Улица такая есть — недавно по ней проходила, номер дома тоже есть, а вот есть ли там такая квартира — понятия не имею!

— Почему вы решили, что именно в этой помойке ваше кольцо? Вы сюда целый квартал шли, чтобы выкинуть мусор?

Включаю блондинку, самую что ни на есть натуральную:

— Ну... Я задумалась... А эти помойки все на одно лицо, вот я и кинула в первую попавшуюся.

Тот, что постарше, покачивая головой, говорит:

— Неохота, конечно, после вас машину отскребать. Только-только из чистки... Ладно. Даю вам возможность отсюда скрыться. Добровольно и незамедлительно. В ином случае

отправляемся в отделение составлять протокол.

— Я лучше добровольно и незамедлительно, — кричу, мгновенно выпрыгивая из помойки. — Колечко я как-нибудь новое заслужу, так что... Спасибо за все, не скучайте!

Раскланиваюсь с полицейскими и торопливым, слегка хромящим шагом — ногу себе чем-то отдала! — отправляюсь в сторону метро.

Радостно потираю ручки. У меня есть видео! Как же хочется посмотреть на лицо Платона, когда он откроет мой файл!

Жизнь номер два. Глава 5

Еду в составе, бережно поглаживая подушечками пальцев смартфон в кармане пальто. Сейчас в нем хранится мой самый ценный актив. Мысль о созданном файле так меня воодушевляет, что я почти не обращаю внимания на осуждающие людские взгляды, шарахание, как от прокаженной, и перешептывания за моей спиной. Потерпите, родимые! Поверьте, от меня смердит и вполтину не так сильно, как от помойки, в которой я провела сегодняшний вечер!

Приехав домой, торопливо сбрасываю с себя одежду, заталкиваю ее в огромный мусорный пакет и наглухо завязываю. Когда разбогатею, отнесу вещи в химчистку. С наслаждением принимаю горячий душ и, переодевшись в свежий, пахнущий ленором спортивный костюм, мчусь к смартфону. Открываю видео файл и, торжествуя, аки золотой призер Олимпиады, готовлю его к отправке.

Подписываю письмо немного ехидно: «Что, не ждали?» Но в голову вдруг заползают смутные опасения, что такое название наведет получателя на мысль о вирусе, поэтому меняю его на более корректное «Двухчасовой репортаж с помойки» и отсылаю Платону! Вот тебе, истязатель, получай!

Потом бросаюсь на кровать, включаю телевизор и механически перещелкиваю каналы. Нахожу передачу про Клеопатру. Историки в один голос твердят, что была она совсем не красавица, но ужасно обаятельна, умна и харизматична. Мужики падали к ее ногам штабелями, теряли жизни ради ночи с ней. Уж если эта страхолюдина смогла добиться стольких лет правления в Египте, то я, красавица писаная, добьюсь всего, чего пожелаю!

Выключаю телевизор, но мучительно долго не могу заснуть. В голове то и дело мелькают сцены сегодняшнего вечера, проведенного в помойке. В какой-то момент погружаюсь в мир грез, но снится мне далеко не то, что хотелось бы.

Платон, закутанный то ли в древнюю тогу, то ли в современную простыню, нависает надо мной мрачной тучей и изрекает:

— Имеешь ли ты цель себе на завтра, Катерина?

— Да, — робко блею в ответ. — Унизить вас охота и нос вам утереть!

— Вот дурная! Пока кому-то ты доказываешь что-то, ты неизбежно погружаешься в болото!

Впервые в жизни почти с облегчением просыпаюсь от звонка будильника. Это что же получается? Меня Платон уже и во сне воспитывает? Не коуч, а какой-то гибрид липучки репейной и Фредди Кюгера!

Рабочий день пролетает на ура. Щедро делюсь своим солнечным, праздничным настроением с клиентами и коллегами! Никаких претензий-нравоучений от начальницы, зато Сергей посматривает на меня со все большим интересом. О, поверь, я не та, кем сегодня выгляжу! Если тараканчики мои сегодня вымыты, причесаны и тихо дрыхнут в углу, это вовсе не значит, что их нет!

После работы несусь в метро и еду по уже знакомому маршруту. По дороге покупаю двойную порцию эспresso, поднимаюсь по ступенькам в высокое здание, приближаюсь к уже знакомому столику и вижу всю ту же хрупкую женщину.

Она сверяется со списком и находит мое имя среди участников. Мне кажется, я взорвусь от счастья! Но я всего лишь сдержанно улыбаюсь, беру предложенный мне набор: бейдж,

бумагу, скоросшиватель с листочками-конспектами на пройденные темы, ручку и величаво врываюсь в зал.

Сажусь на первый ряд, чтобы посмотреть в глаза Платону, когда он увидит меня, сидящую прямо перед ним! Что за выражение в них прочитаю? Восхищение? Неловкость от собственной неправоты? Он ведь не верил в меня, наверняка, не верил, что я сумею осилить его вызов!

Неожиданно к нам выходит незнакомый, налысо выбритый мужик. Оказывается, сегодня выступает другой лектор. Да, он тоже интересен, рассказывает дельно и по существу, но это не Платон. Разочарование холодным ручейком затекает в грудь. Моя минута торжества, похоже, закончилась, и не начавшись. Ладно. Пустил сюда на халяву — и на том спасибо! Пытаюсь изо всех сил сфокусироваться на выступлении.

На сей раз тема — наше прошлое, удерживающее нас в плену. Порождающее блоки, комплексы, обиды, грызущие изнутри и не дающие нам идти вперед. Начинаем его проработку. Недовольные таракашки просыпаются и сердито шипят:

— С прошлым у тебя все в порядке!

— Кто старое помянет — тому глаз вон!

— Да ты звезда, как и твое звездное прошлое! О чем вообще речь?

— Пусть лучше научат в настоящем жить, от этого больше проку!

Пытаюсь игнорировать эти мысли, цепляюсь за голос лектора. Он призывает заглянуть внутрь себя, в свои воспоминания. Найти обидчика и написать ему все, что я чувствую в его адрес. Сжечь затем письмо. При необходимости повторить процедуру. Писать мы начнем прямо сейчас.

Вы серьезно?

А если я не согласна думать о прошлом? Научите меня лучше, как с людьми общаться и не сильно их обижать! Я для этого сюда пришла, а не для бессмысленных ковыряний в том, чего не воротишь!

Кошусь по сторонам. Все что-то строчат с задумчивым видом. Увидела даже слезы на глазах у седовласой тетеньки. Опачки, как ее проняло!

Конечно, никто мое сочинение читать не будет. Так и порывает написать на листочке всякий бред, типа «сами копайтесь в своих обидах!» Но писать по-любому что-то надо, чтобы не спалиться. Боюсь, вездесущему Платону станет известно о моем отлынивании, и он опять лишит меня халявы. Кажется, у меня нет шансов увильнуть.

Кто меня обидел больше всего — даже думать не надо. Перед глазами сразу возникает образ мамы. Холеной красавицы, увешанной бриллиантами. Ей уже давно перевалило за сороковник, а выглядит она на двадцать семь. Еще бы. У нее не было бессонных ночей, пока у меня резались зубы. Ей не приходилось волноваться за дочь, когда та лежала в отключке с температурой под сорок. Все заботы промчались мимо. Дочь вроде есть, а вроде и нет.

При мысли о ней чувствую, как меня снова переполняет ярость и боль. Передо мной чистый лист, который так и просит излить на себя мои чувства. Поддаюсь этому порыву и начинаю резко, захлеб писать, пока не передумала.

«Ну, здравствуй, мамуля! Интересно, вспоминаешь ли ты о том, что у тебя есть дочь? Конечно, вспоминаешь. Наверно, рассматривая иногда свою фигуру, находишь изъяны и с досадой думаешь: «Зря рожала!» Выносить меня и родить — это самое большое и ценное, что ты для меня сделала, мамочка! Потом ты спихнула меня, двухнедельную малявку, на

бабушку и упорхнула устраивать свою жизнь. Бабушка была мне настоящей мамой. По мере сил. А сил у нее было немного. У нее было плохое здоровье, сама знаешь. Я вызывала ей скорую по ночам, когда приступ астмы не получалось купировать ингалятором. Тебе не передать, через что я проходила, когда ее увозили в больницу и я, забившись под одеяло, тряслась от страха. Боялась, что она никогда больше не вернется. Утром сама собиралась в школу. Сама училась. Сама заваривала себе какой-то дрянной доширак на ужин — все, на что я была тогда способна. Врала всем взрослым, что за мной приглядывает какая-то мифическая соседка, тетя Вера. Чтобы не отняли от бабушки и не увезли в детдом. До пятнадцати лет у меня никого, кроме бабушки не было. А потом у нее случился последний приступ, из больницы она больше не вернулась. И вдруг на пороге моей жизни появилась ты. Красивая, лощеная дамочка, которой абсолютно не нужна ее дочь.

Почему, мама? Почему ты меня выбросила из своей жизни, как ненужный хлам? Неужели ты хуже какой-нибудь вшивой, ободранной кошки, которая ни за что не оставит своих котят? Неужели личная жизнь и достаток оказались тебе важнее своей кровинки? Я никогда тебя не пойму! Но одной хорошей вещи ты меня все же научила, мама. Если я когда-нибудь и решусь родить ребенка, я сделаю для него все! Зубами выгрызу ему счастливую жизнь, если придется, но ни в жизнь его не брошу! Я никогда не стану тобою, мама! Это я тебе обещаю!»

Когда заканчиваю писать, обнаруживаю, что бумага покрыта мокрыми пятнами. Вот черт! Разревелась, как дура! Позволила себе опять пройти через боль, от которой прячусь много лет!

Незаметно смахнув слезу, осматриваюсь по сторонам. Кажется, почти все уже закончили разговоры с обидчиками. Вскоре нам объявляют о собрании по группам. Вижу, как люди кучкуются лицом друг к другу.

Я пришла позже всех, и, кажется, не приписана ни к одной группе. Поднимаюсь с сиденья и верчу головой, пытаюсь сориентироваться, что мне делать. Ко мне подходит сегодняшний лектор и хочет что-то сказать, как вдруг за моей спиной раздается знакомый, уверенный голос:

— Анна будет в моей группе.

Поворачиваюсь резко и почти утыкаюсь в Платона! Рассматриваю его красивое, чисто выбритое лицо. Явился не запылился, родимый!

Жизнь номер два. Глава 6

Плетусь послушной овечкой за Платоном к разномастной дюжине людей, усевшихся неровным овалом. Женщина постарше одета в зеленый свитер, и, глядя на ее теплое облачение, мне становится немного завидно. По коже ползут мурашки — то ли от волнения, то ли от качественной вентиляции. Я ведь сегодня кокетства ради заявила в тоненьком, почти не греющем кремовом джерси и теперь едва удерживаю мелкую дрожь, прижимая к животу папку.

Присаживаюсь на указанный мне стульчик и готовлюсь слушать. Надеюсь сориентироваться по ходу действия, что происходит, и как на это реагировать. Нацеленные на меня десятки чужих глаз слегка напрягают. Улыбаюсь робко, как бы говоря: о чем бы здесь ни пошла речь, я тут новичок, многого от меня не ждите! Платон, усевшись на последний свободный стул прямо напротив меня, заявляет:

— Я заметил у тебя самый эмоциональный отклик на задание. Тебе и начинать!

— Мы уже на ты? — усмехаюсь, пытаясь выиграть себе время.

— В прошлый раз мы обсудили правила внутри нашей группы и пришли к выводу, что в нашем уютном, семейном кругу выкатать друг другу не будем.

— Ладно, — обвожу взглядом «уютный» круг, но он мне таким не кажется. — Объяснить, на кого я обижена и за что? — Да, пожалуйста. Подробно и обстоятельно.

— Надеюсь, мы тут по очереди разоблачимся? А то, если я разоткровенничаюсь, то хотелось бы взаимности.

Еще раз осматриваюсь. Кто-то глядит на меня заинтересованно, кто-то вежливо-отстраненно, а девушка с ярким макияжем, в драных джинсах и армейских ботах откровенно зевает, равнодушно отводя глаза. Обнажать душу еще больше расхотелось. Платон меня успокаивает:

— Не переживай. У нас тут обоюдный душевный стриптиз.

— Ладно. Постараюсь по-быстрому, чтобы все успели. Моя главная обидчица — мама-кукушка. Через две недели после родов оставила меня больной бабушке и удрала устраивать свою личную жизнь. До пятнадцати лет, пока бабушка не умерла, я свою мать в глаза не видела!

— Ужас какой! — раздается возмущенный, басовитый голос справа от меня. Он принадлежит полной женщине с хим завивкой в коричневом шерстяном платье до колен. Ее доброе лицо с румяными, круглыми щеками нахмурено. — Бедняжка! Дети должны расти с матерью, в семье!

Эти слова задевают внутри какую-то болючую струну. Я пыталась столько лет заморозить старую рану, чтоб онемела и не ныла от боли. И вдруг по ней шпарят горячей водой. Никто ведь их не просил меня размораживать! Доброжелатели хреновы!

— Не обязательно сочувствовать, — говорю дежурную фразу. — У меня хоть бабушка была. Сколько детей вон у нас в стране в детдоме выросло! Или с родителями алкашами! Мне еще повезло!

— С таким везением никакая непруха не страшна, — бормочет девица с дырявыми джинсами на коленях, закидывая одну ногу на другую и с неподдельным интересом таращась на свои черные боты.

— Напомните мне второе правило группы, пожалуйста! — вдруг просит мой мучитель.

— Принимаем высказывания однопруппников без оценок и суждений, — послушно цитирует женщина в зеленом свитере запись из толстой тетради.

— Спасибо, — благодарный взгляд на женщину, а потом суровый на меня. — Если обесценить свою обиду, признав ее беспричинной и беспочвенной, она уйдет?

— Нет, конечно. Так что, мне вокруг нее танцы с бубном плясать? Тогда уйдет?

— Любое развитие начинается с принятия реальности. Обида есть. Просто есть. Точка.

— Да знаю я, что она есть! Я обижена на свою мать! И что дальше?

— За что обижена?

— За то, что бросила меня в детстве.

— А что хотелось вместо этого?

— Чтобы она оставила меня при себе и воспитала, как нормальная, среднестатистическая мама!

— Значит, ты обижена на свою мать за то, что она не была тебе нормальной, среднестатистической мамой? — подсказывает Платон.

— Пусть будет так, — соглашаюсь я.

— Почему она должна соответствовать твоим ожиданиям?

— Что значит «почему»?! Раз родила — будь добра, позаботься о своем ребенке!

— Кто так решил?

Идиот твердолобый, он меня точно доведет до белого каления! Смотрю на его красивое, бесстрастное лицо и мне кажется, что с таким же выражением гестаповцы мучили своих жертв в застенках СС.

— Да все так решили! Все это понимают! Все нормальные люди, у которых не кусок льда в груди, а нормальное сердце!

— То есть не конкретно ты, а все нормальные люди мира решили, что твоя мать должна была вырастить тебя сама?

— Ладно, — чуть ли не в голос рычу от злости, — Я так решила.

— Ты решила за свою мать, как она должна была с тобой поступить?

— Да.

— И когда твои ожидания не оправдались, ты обиделась?

— Да.

— Почему другой человек обязан соответствовать твоим ожиданиям?

— Нет... Ну как... Не должен, наверно. Но немножко все-таки должен! Есть же общепринятые нормы... Если случайный прохожий вдруг влепит мне пощечину, я же не скажу себе: «Ну, он не обязан соответствовать моим ожиданиям. Ему просто надо спустить пар, ничего личного!»

— Отличная тема для размышлений! Через два занятия мы поговорим об умении выставлять и защищать собственные границы. А пока вернемся к обиде. Опиши, какую выгоду ты получаешь за то, что обижаешься на мать.

— Выгоду? — возмущенно пялюсь на Платона. — Говорят, обида — это яд, который пьешь сам, чтобы отомстить обидчику. От нее, говорят, рак появляется и прочая фигня. Какая мне выгода от обиды?

— Например, получаешь возможность оправдать свои нынешние недостатки отсутствием материнской любви. Удобно же? Или своей обидой можно наказать мать — отстраняешься и лупишь по ней холодом безразличия. Или обретаешь инструмент для

манипуляции, заставляя мать почувствовать перед тобой вину «Ты меня бросила в детстве — изволь загладить свой косяк, хорошенько постаравшись!»

— Мамой не поманипулируешь, — бормочу я. — Она сама кого хочешь в узелок скрутит, а потом обратно развяжет.

— А жаль, да?

— Да, — вырывается у меня. — Мне жаль, что ей не жаль.

— Домашнее задание на завтра, — Платон повышает голос, обращаясь ко всей группе, — пишем в подробностях, какую выгоду я получаю от своей обиды. Второй пункт — какие мои ожидания не оправдал мой обидчик. И третий — рассуждение о том, обязаны ли люди соответствовать чужим ожиданиям? Есть еще желающие разобрать свою ситуацию?

— Нет, — в унисон воскликнуло одиннадцать ртов.

Мда. Похоже, я сегодня послужила козой отпущения. Эх. Непросто однако живется любителям дармовщинки!

Прижимая к груди папку, поднимаюсь. Ставлю свой стул на место, как и большинство участников, собираюсь уже направиться в сторону двери, как вдруг сзади раздается голос Платона:

— Ты голодная?

Голос его звучит на удивление тепло и мягко, как бархат, и мне становится любопытно, к кому он сейчас обратился. Может, к своей девушке? Или сестре? Или дочке? Не выдержав уколов любопытства, поворачиваюсь, чуть заметно скосив голову, и обнаруживаю, что смотрит он прямо на меня! Причем выражение его глаз тоже разительно отличается от тех отстраненно-холодных взглядов, к которым я привыкла. Теперь его глаза напоминают горячий кофе с корицей или темный шоколад — нечто вкусное и уютное, приправленное веселыми огоньками.

— Так как? Хочешь вместе поужинать? — опять интересуется Платон.

— Зовешь на свидание? — мямлю еле слышно потрясенная.

— Нет. Это благотворительность, — смеется он вновь одними глазами. — Кормлю голодающих девушек время от времени. Ты не против поесть?

— Только если место выберешь нормальное, — капризничаю я, вспоминая про творожный брикет, ожидающий меня в холодильнике. — Я себе дома шикарный ужин приготовила. Если уж отказываться от домашней еды, то только во имя чего-то стоящего!

— Договорились. Тебе понравится, — обещает Платон и мы идем на выход. — Заодно обсудим и твой инстаграм. В каком формате ты собираешься выкладывать свои впечатления.

Ах, вот что ему надо! С досадой прикусываю губу. На какой-то момент мне показалось, что в его взгляде проскользнула не деловая, а личная заинтересованность. На всякий случай уточняю:

— Имей в виду, я совершенно не против, если ты меня угостишь. Я не из тех сумасшедших феминисток, которые не позволяют мужчинам за себя платить или пропускать вперед.

— Как? — он выглядит ошарашенным. — Я думал, что ты сильная и независимая! А ты... Ждешь, чтобы за тебя платили?

Стою в недоумении. Ну да! Я сильная и независимая, конечно. А еще чертовски голодная! И да, я хочу, чтобы сегодня за меня заплатили! Разворачиваюсь без слов и направляюсь на выход, когда за моей спиной раздается веселый смех:

— Это шутка! Когда приглашаю, то сам и плачу!

Разворачиваюсь. Ну коли так — отчего же и не согласиться?
А твоя шуточка тебе еще выйдет боком.

Выйдя из здания, вмиг погружаемся в ледяной душ. Ветер беспардонно гонит на нас колючие струи, совершенно не волнуясь, что одета я не по погоде: стильно, эффектно, но слишком легко и ни капли не водостойко. Платон достает откуда-то большой черный зонт и пытается нас прикрыть от почти горизонтально летящих капель. Бесполезно. Через несколько секунд все, что ниже груди, промокает насквозь. К счастью, идем мы не долго. Вскоре Платон подходит к черной бээмвухе и распахивает передо мной дверцу, приглашая внутрь.

Зябко ежусь. И холод здесь не при чем. Ведь меня учила бабушка с детства: не садись с незнакомцами в машину! Это правило намертво въелось в подкорку. Хотя, с другой стороны, мой коуч по личностному росту не совсем уж и чужой. Ведь я знаю его имя-фамилию. Гм...

— Я думала, что ресторан где-нибудь поблизости будет.

— Минуту назад ты требовала, чтобы было вкусно. Теперь хочешь, чтобы было близко. Ты уж определись! В нашем случае два в одном не получится.

Сомневаюсь я ровно секунду. Затем, под напором очередного порыва ветродождя втекаю на кожаную обивку сиденья. Пристегиваюсь и, пока мой сопровождающий заводит машину, незаметно шарю в своей сумке-мешке, нащупывая там газовый баллончик. Полузнакомый мужик. Как ни крути. Боевая готовность и все такое...

Едем по каким-то улицам и я с тревогой озираюсь по сторонам. Этот город — все еще моя терра инкогнита. Единственный маршрут, который я основательно запомнила, — от дома на работу и обратно. С таким же успехом могу сейчас ехать по Сиэтлу, в котором ни разу не была, и пытаться сориентироваться.

Платон молчит. Фокусируется на дороге. Небо щедро поливает ветровое стекло мощными потоками воды. Ужасная видимость заставляет себя чувствовать близоруко и беспомощно.

В салоне тепло, из радиолы бодренько бацают хиты девяностых, но мне не по себе. Крепко сжимаю в ладони округлую гладь газового баллончик и меня немного отпускает.

— У тебя там оружие? — Платон неожиданно кивает на мою руку, утонувшую в сумке по локоть и тут же переводит цепкий взгляд на дорогу. — Ты мне льстишь. Меня давно уже за головореза не принимали. Покажи свой арсенал.

— «Если вы достаете свое оружие, вы обязаны им воспользоваться.» Так меня инструктор учил. А ты за рулем все-таки... Хочется живой доехать.

— Не спорь. Или заставишь оправдать твои ожидания. Что в сумке?

Нехотя достаю свой баллончик. Красивый, черно-желтый. Перцово-аэрозольный. Демонстрирую, покрутив у него перед носом.

— Так себе оружие, — заявляет он, пренебрежительно скривившись. — Вот сейчас мы в машине. Прыснешь в меня — и сама же им надышишься. На улице ветер и дождь. Тоже неэффективно. Если еще против ветра придется использовать, сама себя приподнесешь противнику на блюдечке. Лучше струйный купи. От него больше проку. Инструктор у тебя хреновый был, если честно.

— Поняла. Инструктор хреновый. Куплю себе струйный.

Станный разговор. Пусть еще пару приемчиков мне покажет, чтобы справиться с насильником, и мозг окончательно взорвется. Прямо заботливый старший братец. Или у него

работа плавно в жизнь перетекает? Учит жить без передышки на отдых?

Вскоре мы останавливаемся у небольшого, двухэтажного строения. Над входом висит вывеска «Биф-строго-нов», а у затемненных окон на скамейке восседает ростом с человека бронзовый бык, деловито задравший ногу на ногу.

Похоже, на сегодня в меню говядина. Меня вновь кусает какая-то муха за задницу и я воодушевленно строю прогнозы:

— Надеюсь, здесь предлагают стейки для вегетарианцев?

— Вегетарианцам в этом заведении предлагают безбелковый ужин. Салат с гарниром, ничего особенного. К счастью для тебя, ты не вегетарианка.

— Откуда такая уверенность? — возмущенно отфыркиваюсь, пока бежим к двери и по лицу барабанит дождь.

— Слушай, я не вчера родился, — отряхиваемся от холодных капель, стоя под козырьком, и проходим внутрь. — Такие мышцы, как у тебя без мяса не сделать. И потом, человек, у которого нет денег на курсы, вряд ли сможет себе позволить полноценное растительное питание.

— Логично.

Он галантно снимает с меня пальто, водружает на палку-вешалку, густо увешанную верхней одеждой, и мы проходим к свободному столику. Садимся. Рядом с нами расторопно появляется официант и принимает двойной заказ, который я разрешаю сделать и за себя. Так я прощупываю своего полужнакомца. Доверюсь ему в мелочи, посмотрю, что из этого выйдет и сделаю выводы.

— Ты знаешь, что мне любопытно? Почему твой инстаграм пестрит фотографиями другой девушки? Брюнетки.

— Пластическая операция, — горестно вздыхаю. — Просила хирурга носик подкорректировать, а он мне почему-то все лицо перекроил.

— У тебя талант находить не тех специалистов, — смеется он. — Хреновый хирург. Хреновый инструктор. Только со мной повезло. А если серьезно?

— Это моя подруга, — объясняю я, сворачивая в трубочку салфетку с коровьей мордой, взятую со стола. — Позировала мне, позировала, и вдруг перестала. Так что теперь сниматься для своего инстаграма буду я.

— Отлично. Мне больше нравится твоя фактура. Блондинка с чертинкой. То, что надо.

Как раз обсуждаем, как часто мне предстоит выкладывать свои впечатления в соцсети, когда нам приносят заказ. Я лишь мгновенье люблюсь красотой на тарелке, а потом кровожадно хватаюсь за нож, вилку и через пару секунд уже пробую на вкус нежнейшее мраморное филе, обрамленное необычным букетом специй. Ммм. Не зря я ему доверилась.

Только сейчас я понимаю, как была голодна! Недоедала последние дни, а сегодня так вообще только позавтракать успела. Все тем же дурацко-противным творогом. Прожевываю мясо, закрыв глаза и слегка постанывая. Гастрономический оргазм — дело, конечно, интимное, но невероятно приятное и не поддающееся контролю!

Когда открываю глаза, замечаю на себе жадный взгляд своего сотрапезника. От неприкрытого желания глаза потемнели и превратились в два бездонных колодца. Такое уже не замаскируешь деловым соусом — разговором о моих подписчиках и сроках выкладки постов. Ты себя выдал с головой, голубчик!

Меня охватывает волна ликования. Как же приятно сознавать свою силу над мужиками!

Еще один красавчик у моих ног. Ты мой. А я не твоя. И в этом моя сила над тобой.

Потом что-то меняется. Эта алчность в глазах уходит. Появляется обычная для Платона строгая снисходительность. В чем дело? Почему отступил? Рано радовалась? Не понимаю его, и от этого мне становится неуютно и неуверенно, как на зыбучем песке.

— Жарковато здесь, — говорю я томно и распускаю свои длинные, чуть влажные волосы. По моим наблюдениям, распущенные локоны заводят мужиков куда сильнее, чем собранные в пучок. — Подсушусь хотя бы.

— Сильно не расслабляйся. Дела мы уже обсудили. У меня на вечер планов дофига. Довезу тебя до ближайшего метро, а там сама до дома дотопаешь.

— Под таким дождем? — недовольно надуваю губки. Не понимаю я этого парня! Какой-то он... мне неподвластный. Тяжело его просчитать. — Может, у тебя все же хватит бензина промокшую девушку до дома довезти?

— Я занят. Хотя... Если уже сегодня напишешь первый текст и отправишь мне на согласование, могу и подвезти. Бонус за срочность.

Натянуто улыбаюсь и мрачно киваю. Спасибо, конечно, за одолжение. Обычно мужики чтут за честь меня до дома проводить. В надежде выведать мой адресочек и получить хоть бы крохотный шансик на продолжение знакомства! Рано я праздновала победу. Ох, рано.

Жизнь номер два. Глава 8

Последующие дни быстро заполняет пестрый калейдоскоп событий. С утра я мчусь на работу, паху там, как проклятая. Чего-чего, а настырности мне не занимать. Если уж я решаю кого-то привести в форму, то делаю это качественно, от души, отдаваясь процессу целиком и без остатка!

Работаю в поте лица и диетологом, и тренером, и строгой мамочкой. Мы вместе с клиентами прокачиваем их мышцы, настраиваем питание, поворачиваем их скрипящие от натуги мозги в сторону отказа от пищевых соблазнов, и таким образом идем к желаемой стройности.

Я звоню своим подопечным днями и вечерами, в любой свободный момент, чтобы поинтересоваться, что они едят, ели или чем собираются ужинать. Мои внезапные звонки помогают им держать тонус и противостоять случайным искушениям.

За спиной меня прозывают доктором Хаус. Однажды моя клиентка шепчет своей подружке на тренировке: она, мол, как доктор Хаус: хоть и вредная, но свое дело выполняет бесподобно! Каким-то чудом эта фраза долетает до коллег, и с тех пор никто меня по-другому не называет! Доктор Хаус сегодня всех залечила. Операции на сегодня закончились? Не подлечите мне растяжение, док?

Обожаю доктора Хауса — так что можно сказать, им здорово везет! Оставляю в живых, несмотря на стеб.

После рабочего дня я бегу на курсы. Заставляю себя раз за разом раскрываться перед чужими людьми и как-то постепенно, признание за признанием, они перестают быть чужими.

Елизавета, пожилая женщина в зеленом свитере, оказывается интереснейшим человеком. Язык даже не поворачивается назвать ее "пенсионеркой"! Своя косметическая линия, занятия фламенко, собственный книжный клуб и, разумеется, курсы личностного роста. Косметическая линия меня интересует особенно сильно! Общий интерес нас настолько сближает, что Елизавета внезапно, по-дружески предлагает мне стать лицом ее следующей серии. А я что? Я совсем не против явить красу народу!

Домохозяйка со стажем Наталья, мать четверых детей, — та самая, что пожалела меня на первом занятии — доверяет в мои руки свое похудение. Помимо курсов, мы встречаемся и в зале. Ее вес, испугавшись наших мер, медленно, но верно ползет вниз.

Девушка с армейскими ботами, Дашка — начинающий рэпер, гениально подбирающая рифму любой брошенной строчке, задается целью научиться женственности. Ей так продюсеры и сказали: в наши дни никого не удивишь рэпером-пацанкой. Хочешь отличиться — встань на каблуки и наклей себе ногти. Даша приглашает меня в консультанты. Без ложной скромности заявляю, что обратилась она по верному адресу. Женственности во мне хоть отбавляй! Ее я и добавляю девушке, причем очень щедро. Документирую ее кардинальное перевоплощение на камеру, выкладываю на своем акаунте и ко мне в инстаграм тут же сыпятся просьбы оказать такие же услуги, но уже не безвозмездно.

Платон каждый день меня достает. Точнее, он достает из меня мои комплексы, обиды, нерабочие установки, и помогает взглянуть на жизнь с другого ракурса. Процесс этот, конечно, неприятный, но крайне эффективный.

Он требует от меня постановки целей на день, на неделю и месяц. Как во внутреннем,

так и во внешнем плане. Заставляет продумывать способы их достижения. Учит управлять своей злостью, техникам саморегуляции, выставлению границ, я-посланиям и прочим любопытным навыкам, помогающим в моих трудовых буднях.

В результате всех этих экзекуций, уже через месяц у меня нет отбоя от учеников. Меня вдруг совершенно неожиданно хотят себе в тренеры все начинающие спортсмены нашего клуба.

Почти стопроцентная возвращаемость клиентов, а также их солидный приток извне заставляет Анфису пересмотреть свое ко мне отношение. Теперь она с придыханием со мной здоровается и прощается. А, стоит мне заикнуться, что клуб-конкурент предложил мне зарплату повыше — что, кстати, правда! — она безропотно повышает мой нынешний оклад аж в целых два раза. Проблема тоскливых ужинов и творожных брикетов решается сама собой.

Сегодня последний день моего тренинга. Последний пост, который я напишу вечером для Платона. А завтра наше с ним общение прервется то ли на точке, то ли на многоточии.

Его недоступность и отстраненность во время курсов меня порядком распаляют. Вплоть до диких фантазий и смехотворных планов. Порой мне хочется проследить за ним на такси, вынырнуть за его спиной на пороге квартиры и томно, страстно шепнуть: «Я здесь. Я твоя!» Просто, чтобы посмотреть, что из этого выйдет. Проверить силу своих женских чар...

Хотя силу своих чар, если по-честному, проверять не обязательно! Ко мне то и дело лезут знакомиться на улице, метро, в магазине, в зале. Черт. Пальцем щелкнуть — и любой парень будет моим! Даже щелкать не интересно! Но Платон — не любой. И дергать его за ниточки, как марионетку — у меня не получается! Как будто у него на меня иммунитет.

Эта его неподвластность почему-то и бесит, и заставляет его уважать в то же самое время. Как и то, что он, не стесняясь залезает ко мне в душу, роется в грязном белье, выводит на эмоции, и тут же учит с ними справляться. Это ж какую силу воли надо иметь, чтобы ковыряться в чужих проблемах изо дня в день, кропотливо, шаг за шагом помогая людям стать лучше!

Пожалуй, в этом мы с ним похожи. Я ведь такая же. Приставучая, упрямая и нацеленная на результат. И цель у нас с ним одна — помогать людям измениться. Только он совершенствует людские души, а я улучшаю их внешность.

Сегодня я с превеликим трудом освобождаюсь пораньше, перенося парочку уроков на потом. С завтрашнего вечера курсов у меня не будет — смогу расчитаться.

А пока надо по-быстрому убраться в квартире и что-нибудь приготовить на вечер — ведь ко мне приезжает Карина. Конечно, не совсем ко мне, а скорее к своему брату. Все последние формальности завтра будут улажены и она заберет Мишу в свое Колпино.

Мы не виделись пару месяцев, и я ловлю себя на широкой, во весь рот улыбке. Она мне, как старшая, заботливая сестра, по которой я ужасно соскучилась. В нашем позавчерашнем разговоре она обещала сногсшибательную новость. Обязательно постараюсь удивиться, хотя у меня уже есть догадки на этот счет.

Когда квартира блестит от чистоты, а кастрюльки полнятся едой, я бегу на курсы. Даже не верится, что с моими девчатами мы не встретимся больше в этом неровном овале расставленных стульев. Конечно, видеться мы будем обязательно! Обменялись уже и телефонами, и адресами, и имейлами, но это ведь будет совсем другой формат встреч. Без него. Без Платона. Без его наводящих вопросов. Иногда резких, колющих, иногда

согревающих и дающих надежду. Без него все будет совсем не так. Как-то блекло и уныло.

Начинается последнее занятие. Коротко вспоминаем весь пройденный материал, а потом садимся писать о своих достижениях, переменах и главных осознаниях. На это отводится пол часа, но мне их слишком мало.

Строчу о своих метаморфозах, кисть дрожит от напряжения, а пальцы ноют от крепко зажатой в них ручки. Пусть он знает, как мне помог! Краешком своей души надеюсь, что Платон поймет, насколько я изменилась, стала лучше и успешнее, и тогда он немножко, совсем чуть-чуть пожалеет о том, что меня упустил.

Когда заканчивается наша встреча, мы в последний раз убираем на место наши стулья. Бросаю быстрый взгляд на Платона. Он занят. К нему выстроилась целая очередь из желающих его поблагодарить женщин. Всех возрастов и типажей, одна краше другой! Ну просто цветник! И, судя по их лицам, как минимум, половина в него влюблена!

Сердито отвожу глаза. К черту! Он — мой пройденный этап. Дан мне в тяжелый момент жизни как поддержка, как спасательный круг, чтобы помочь мне не утонуть в водовороте текущих событий. Теперь, когда спасти меня больше не надо, то и в Платоне необходимость отпала. Он теперь мне не нужен как коуч. Как женщина я ему не приглянулась — так что не судьба нам быть вместе.

Распрошавшись со своими подругами, понуро бреду домой. Ощущение такое, как будто оставляю позади нечто дорогое, даже бесценное. По щеке что-то теплое ползет. Сама себе не верю. Я реву? Сердито растираю кулачком непрошенную влагу и почти до бега ускоряю шаг.

Привычно взлетаю на седьмой этаж пешком. Дыхание даже не учащается. Вставляю ключ в замок, открываю дверь, переступаю через порог, как вдруг на меня накидывается ураган хохочущих звуков и кто-то крепко прижимает к себе! Дезориентированная, оглушенная, едва вспоминаю, где выключатель, зажигаю свет и вижу... Карину!

Мы долго обнимаемся. Ее лицо сияет от радости. Замечаю вдруг в метре от нас неподвижную фигуру. Какая-то незнакомая худая тетка, вся в черном. Ей бы уроки стиля не помешали! А еще бы кто-нибудь про цветовую палитру рассказал! Кто эта черная тень? Поймав мой встревоженный взгляд, Карина смеется:

— Прости, что сразу вас не познакомила! Это Марина, мой водитель и телохранитель.

— Твой... кто?! — переспрашиваю я потрясенная, в то время, как эта самая Марина коротко мне кивает.

— Водитель и телохранитель. Аким настоял. Сказал, что одну меня в такое дальнее путешествие на машине не отпустит. Чужому мужику он меня доверить не хотел, поэтому нашел Марину, — смущенно довершает она. Тетенька при этом стоит с невозмутимым лицом и немного отстраненно за нами наблюдает.

Ну, конечно! От Колпино до Питера два дня езды на машине! И, разумеется, любящий муж не отпустит жену одну в столь дальнюю дорогу! Когда эмоции слегка улеглись, все встает на свои места.

За чаем Карина рассказывает свою сногшибательную новость. У нее идет второй месяц беременности. Токсикоз, запахи и все дела. Делаю вид, что страшно потрясена, бурно поздравляю! И судя по довольному лицу Карины, она верит в мое удивление. Про себя размышляю: вот и еще одна причина для Акима нанять телохранительницу — охранять ведь уже надо не одну, а двоих! А на обратной дороге, с Мишей, уже троих!

Рассказываю и я свои последние новости. Выслушав меня до конца, Карина с подозрением заявляет:

— Странно. У тебя столько отличных событий, а ты об этом так минорно объявляешь. Что-то ты не договариваешь, подруга... Ну-ка признавайся, что у тебя стряслось?

Что ей сказать? Жила-была девушка. Поклонников у нее было немерено. Но однажды она безответно влюбилась... Бред! Не согласна я на такой расклад. Ни за что! Не успеваю и рта раскрыть, как в дверь нам звонят. Марина первее всех подлетает к двери, осторожно прикидывает к глазку. Говорит еле слышно:

— Там какой-то мужик в черном пальто. Ждешь кого-то?

В недоумении мотаю головой. За то время, пока здесь живу, ко мне в первый раз заявились с визитом. Странно.

Прижимаюсь к глазку вместо Марины.

Платон?! Тру глаза и снова липну к глазку. У меня глюки?

Сердце бьется, как бешеное, в груди ему тесно! В голове ни одной мысли, только комок из неразборчивых, бессвязных эмоций. Невозможно! Мне это кажется, точно! Открываю дверь, и молча, по-дурацки глупо на него таращусь. Про себя посылаю мольбу Вселенной, чтобы он не предложил мне писать посты про следующий тренинг! Пусть он сейчас стоит здесь ради меня, только ради меня одной!

Платон подходит поближе и обнимает. Такое объятие, жадное и нежное до мурашек, точно не про посты! Говорит тихо на ушко:

— Почему ты сбежала... Дурочка... Пока я разделался с остальными, тебя уже и след простыл!

— Откуда у тебя мой адрес? — робко заглядываю в его глаза и с наслаждением погружаюсь в их теплоту. Кофе с корицей вместо привычного чая со льдом. Ммм. Как же мне не хватало этого взгляда!

— Твоя подруга поделилась. Даже не спрашивай, какая! Все равно не скажу!

В этот момент за моей спиной раздается покашливание. Отпрянув от Платона, знакомлю его с Кариной и Мариной. Когда все формальности соблюдены, Платон заявляет:

— Время детское. Хочешь, сходим куда-нибудь поужинать?

— Хочу. Куда-нибудь, где вкусно кормят.

— Я уже знаю, куда мы поедем. Только ехать не близко. Не забудь свой баллончик, — говорит серьезно, а в глазах смешинки.

Улыбнувшись, киваю и иду одеваться.

Баллончик мне сегодня не пригодится! Достаю его из сумки и перекладываю в ящик комода.

Свои старые страхи в новую жизнь не возьму.

Впереди меня ожидает долгая ночь и больше никаких дел между нами!

Кроме нас двоих...

Больше книг на сайте - Knigoed.net